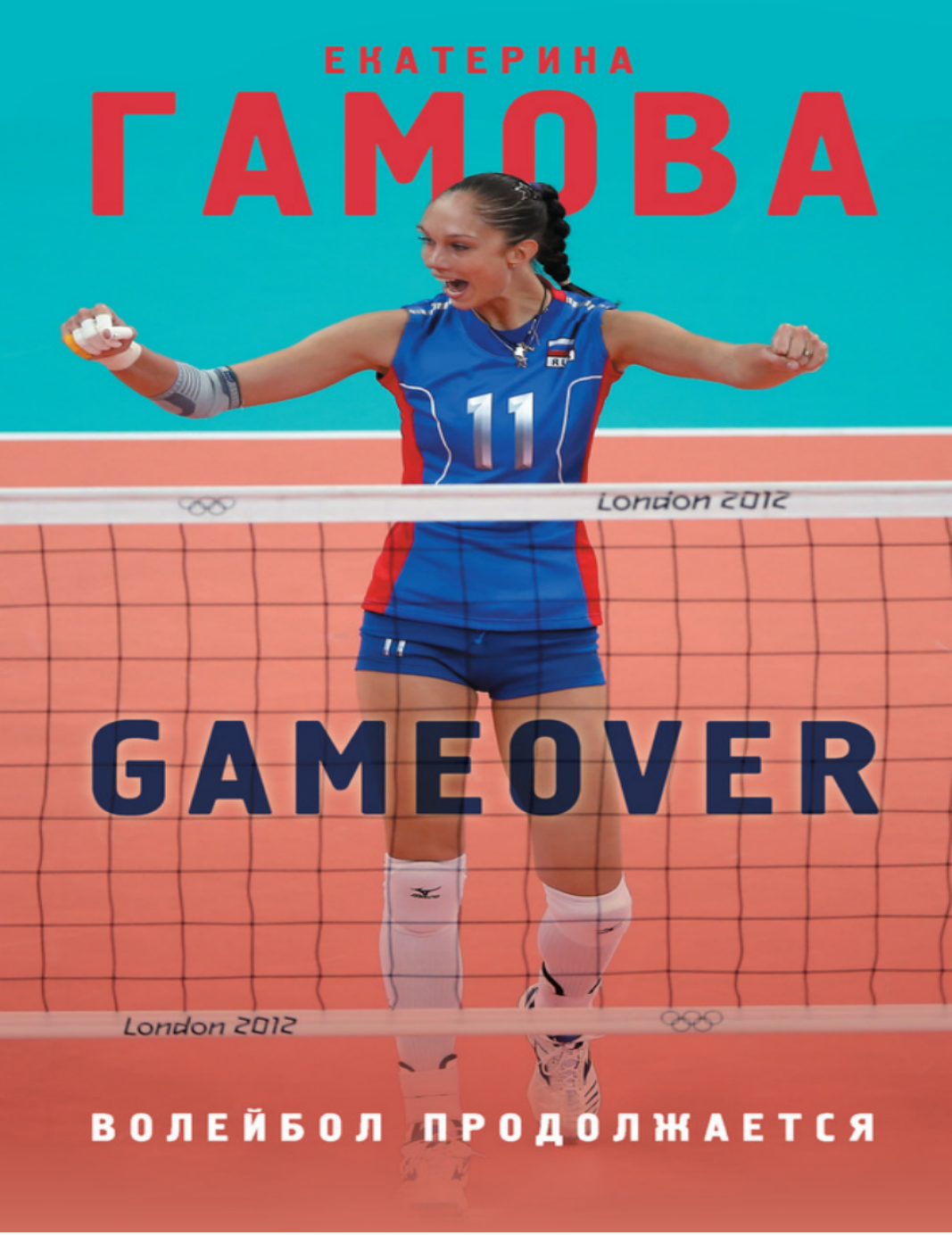
ЕКАТЕРИНА

ГАМОВА



GAMEOVER

ВОЛЕЙБОЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Екатерина Гамова – одна из величайших волейболисток в истории. В команду мастеров она попала в возрасте всего 14 лет, а вскоре уже дебютировала в сборной России. В активе Гамовой – победы на чемпионатах мира и Европы, а также две серебряные медали Олимпийских игр. Простое перечисление всех ее командных и индивидуальных достижений заняло бы площадь, существенно превышающую размер данной аннотации. В течение года после окончания карьеры волейболистка Екатерина Гамова успела побывать и телекомментатором, и тренером, и волейбольным чиновником. А еще – написала книгу. Причем книга эта – не только о спорте. Она повествует о богатстве и бедности. О любви и предательстве. О мгновениях счастья и муках разочарований. И это очень искренний рассказ.

- Екатерина Гамова
  -
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Фотографии

Екатерина Гамова
Game Over
Волейбол продолжается

Во внутреннем оформлении книги использованы фотографии из личного архива автора, а также: © KIRILL KUDRYAVTSEV / AFP / East News; © Виталий Белоусов, Вячеслав Прокофьев / Фото ИТАР-ТАСС; © Максим Богодвид, Илья Питалев, Владимир Песня, Роман Кручинин, Григорий Сысоев / РИА Новости

© Гамова Е., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Введение

Владимир Можайцев

Екатерина Гамова – несомненно, лучшая волейболистка XXI века. Но ее значение для мирового спорта этим не исчерпывается. Потому что Гамова – это не просто удачно сложившаяся комбинация уникальных физических данных, таланта и трудолюбия.

Это – целая эпоха.

И дело не в ее многочисленных достижениях – и персональных, и командных. Просто пока на площадке была Гамова, ее команды ассоциировались исключительно с борьбой за чемпионство. Начиная от детского чемпионата Челябинской области и заканчивая Олимпийскими играми.

При этом нет, пожалуй, в мировом волейболе игрока, которому судьба «недодала» бы столь много, как ей. Олимпийской чемпионкой Гамова, к сожалению, так и не стала. Притом что ее команды два раза уступали в финалах, ведя со счетом 2:0. А на еще одной Олимпиаде, в Лондоне, российская сборная упустила 6 матчболов в поединке против будущих чемпионок – бразильянок.

Я не знаю, смогла бы наша национальная команда выступить в Рио-2016 лучше, если бы в ее составе была Гамова. Но точно знаю, что своей фантастической карьерой и всем тем, что она сделала для российского волейбола, она этот шанс заслужила.

С главным европейским клубным турниром – Лигой чемпионов – у Гамовой тоже долгое время не складывалось. Четыре раза команды Екатерины доходили до финала – и каждый раз уступали на тай-брейке! Ну что за «остров невезения» такой…

Кто другой давно опустил бы руки. Ну вот не дается трофей – и ладно. А Гамова взяла и выиграла. С пятой попытки. Да так, что ни намека на шанс соперницам не оставила. Кто знает, может, пятые Олимпийские игры стали бы для нее счастливыми?

Впрочем, как говорит сама Гамова, спортивная история не терпит сослагательного наклонения. И за это Екатерину хочется уважать еще больше. В ее карьере хватало судейских «убийств», тренерских ошибок, досадных травм. Но кивать на все эти обстоятельства она не любит. Хотя и не стесняется о них говорить.

В этом, кстати, тоже состоит уникальность Гамовой. Она не боится ничего и никого. Ни теней из прошлого, ни сильных мира сего в настоящем. В процессе совместной работы над этой книгой

Екатерина честно переворачивала страницы своей жизни. Не стесняясь называть свои и чужие ошибки ошибками, а глупость – глупостью…

Гамова – это одновременно и сильный независимый человек, который не побоялся пойти наперекор системе, и хрупкая ранимая девушка, которая не всегда может сдержать слезы при воспоминаниях о той или иной несправедливости. Это и целеустремленный боец, впечатывающий мячи в площадку соперниц поверх блока, и веселая озорница, готовая облить тренера водой или замотать его машину серпантином.

Екатерина – она очень живая. Это, наверное, ключевое определение. Она никогда не пряталась за обезличенные формулировки вроде «we play with heart». А честно делилась со мной и с читателями своими страхами и эмоциями.

Эта книга получилась немножко похожей на саму Екатерину. Со своими недостатками, с рваной хронологией, с хаотично скачущими мыслями. Это не волейбольный учебник, это не подведение итогов и не перечисление титулов, это даже не автобиография в классическом понимании.

Это сама жизнь. В том виде, в каком она Гамовой запомнилась.

Глава 1
Мама, мамочка, мамуля…

Эта рана в моей душе не заживала очень долго, шрам останется на всю жизнь. Уход мамы в октябре 2005 г. стал шоком и настоящим испытанием для меня.

За несколько лет до этого ей при игре в баскетбол случайно попали пальцем в глаз. Он долго не проходил, слезился, а со временем стал немного выпирать. Я заставляла ее обратиться к врачу, но доктора давали разные заключения, не предполагая чего-то серьезного.

Последнее время я настаивала на посещении разных специалистов, чтобы все-таки выяснить причину проблемы и решить ее. В итоге мама позвонила мне и сказала, что ей нужно лечь в стационар, пройти ряд капельниц и лечение. Но из-за аппаратуры в отделении всех больных просят отключить телефоны на время лечения, на несколько дней. Уже в тот момент она знала о своей опухоли слезной железы – и не сказала мне, что ложится на операцию, берегла меня.

Она не хотела, чтобы мы с тетей – ее сестрой – переживали, и поэтому решила ничего не говорить, а рассказать обо всем уже после операции…

Прошла пара дней, но телефон мамы продолжал быть вне зоны доступа. Я ничего не подозревала, но начала беспокоиться. В какой больнице лежит мама, не знала. У медсестры отделения были знакомые в «Уралочке» – и она очень удивлялась, что к маме Екатерины Гамовой никто не приходит, не интересуется ее состоянием. В итоге меня нашли через десятые руки и сообщили, что мама в реанимации, после операции ее ввели в медицинскую кому.

Я позвонила тете Любе, мы связались с врачами. Наконец я узнала полную картину – но даже в тот момент мой мозг никак не принимал слово РАК. Я все равно продолжала думать, что ничего страшного, что все хорошо и вскоре маму выведут из этого состояния. Мы были на связи с врачами, состояние оставалось стабильным, но тяжелым. Доктора говорили, что мне не надо приезжать, потому что в реанимацию все равно не пустят. В то время я жила на «Соколе» и ездила на метро. Каждый день, когда возвращалась с тренировок, заходила в храм возле метро и просила Бога о мамином выздоровлении. Но в какой-то момент врачи мне сказали, что ее состояние ухудшилось…

Я перезвонила Зиничеву и сказала, что мне нужно срочно

лететь в Екатеринбург. Зашла в метро – и тут до меня потихоньку стал доходить весь ужас ситуации. Я села на скамейку и начала плакать. Ко мне подошел какой-то молодой человек – стал меня успокаивать, протянул свой платок и сказал, что все будет хорошо…

Я прилетела в Екатеринбург, мы встретились с Любой и утром отправились в госпиталь. Мне кажется, уже в этот момент тетя знала, что мамы больше нет, но не смогла мне об этом сказать. Руководство московского «Динамо» связалось со своими коллегами из ФСБ в Екатеринбурге и попросили помочь. С нами был человек, и на его машине мы поехали в больницу.

Я помню, как мы поднимались по лестнице в отделение, как зашли в кабинет к врачу и он сказал:

– Вы, наверное, уже знаете, что вашей мамы больше нет.

Я сидела и не понимала. Не могла принять, что это говорят про МОЮ МАМУ. В голове крутилось, что в такой ситуации я должна заплакать, а плакать не хотелось – мозг отказывался принимать эти слова, смысл до меня не доходил. И только когда потекли слезы, я поняла, что произошло… Что мамы больше нет, что больше я никогда ее не увижу, не услышу и не обниму…

Мы вернулись домой, ко мне приехали мои подруги из «Уралочки». Я им очень благодарна, что в тот момент они были рядом. Все звонили, что-то говорили – а я все еще не могла поверить. Я находилась у окна и увидела, что во дворе стоит Огиенко. До этого момента между нами сохранялся холод после моего ухода из «Уралочки». Я попросила, чтобы она поднялась. Мы плакали, она пыталась объяснить, что ничего нельзя было изменить, что мама меня берегла и поэтому ничего не сказала.

А я говорила только о том, что можно было уехать в Москву, в Германию, в Израиль… Что если бы я знала, я никогда не разрешила бы маме делать такую операцию в Екатеринбурге и предприняла бы все возможное, чтобы вылечить ее, но мне не дали такого шанса.

В какой-то момент встал вопрос, что может затянуться процедура выдачи тела мамы. Люба настаивала на похоронах на третий день. Мне было уже все равно. Только придя немного в себя, я поняла, почему Люба настаивала. Мамы не стало 13 октября, а 17-го у меня день рождения…

Валентина Витальевна включила все свои связи, за что я ей очень благодарна и никогда не забуду о ее помощи и поддержке в тот момент. И на следующий день мы уехали на похороны в Челябинск – две машины, легковая и «Газель» с надписью «груз 200».

Мы похоронили маму 15 октября. Я смотрела на незнакомую

мне женщину в гробу и не находила никакого сходства с мамой. Все время ждала, что она зайдет в зал прощания и очень удивится всей этой церемонии, скажет, что это не она – и мы, счастливые, пойдем домой. Но нет. Помню ощущение холода, когда обнимала маму в последний раз…

Валентина Витальевна привезла на похороны всех девочек, которые знали и любили мою маму – тетю Ирочку, как они ее называли.

В здании ФСБ в Челябинске помогли организовать поминки, и я осталась в городе на девять дней. В клубе мне пошли навстречу, чтобы я пропустила тур и вернулась в Москву уже потом.

В день рождения ко мне неожиданно приехала Лена Василевская с супругом Игорешей. Мы никого не ждали – но это был как глоток воздуха, чтобы немного отвлечься. У Лены с моей мамой, кстати, дни рождения были в один день – 27 февраля.

Я все время ждала, что мама мне приснится, но это случилось всего один раз. Я увидела ее во сне с белыми, седыми волосами. Она выглядела грустной и ничего не говорила. Спустя несколько лет Насте Беликовой моя мама приснилась, когда у нее родилась дочка Лейла. Настя показывала ей своего ребенка и говорила:

– Тетя Ирочка, смотрите, у меня дочка родилась.

А мама улыбалась и отвечала ей:

– Я знаю.

Мама мне не снится, но я знаю, что она всегда рядом, она мой ангел-хранитель там, на небесах. Когда я приняла решение о завершении карьеры, то в ночь перед объявлением просила, чтобы она мне приснилась и сказала, что я все делаю правильно.

Проснувшись утром и поняв, что мама мне так и не приснилась, я начала нервничать и собираться на телеэфир. А потом, открыв календарь, увидела, что именно сегодня, 18 мая, именины у Ирины. Это был тот самый нужный для меня знак, чтобы больше ни секунды не сомневаться в правильности своего решения.

Я благодарна мамуле за свою жизнь, за то, что я появилась на свет – вопреки всему и несмотря ни на что.

Глава 2
Детство

В детстве я очень боялась темноты. Собственно, до сих пор не слишком комфортно чувствую себя в помещениях, где мало света. Одно из самых первых воспоминаний – поездка с моей двоюродной тетей в отпуск. Это была база отдыха в Челябинской области. Там вообще природа шикарная: много заповедников, есть куда поехать и «перезарядиться». Озера, леса, воздух чистый.

Мне было года два. Я и еще несколько детей жили в одной большой комнате. И когда выключался свет, тут же «включалась» я. Начинала рыдать. Но мои концерты всегда прерывал грозный голос из-за стенки: «А ну-ка быстро рот закрыла, всех перебудишь!» И если дома я еще могла себе позволить «повоевать» подобным манером, устроить забастовку и еще поплакать, то с тетей такие номера категорически не проходили. Мама очень удивлялась тому, как тетя умеет меня быстро успокаивать…

Вообще, чтобы в детстве вечером дойти из одной комнаты в другую, у меня была разработана целая сложная система. Шла на ощупь от выключателя к выключателю. Ну а если хотела ночью в туалет – терпела до утра… Когда было совсем невмоготу – будила кого-нибудь, чтобы меня проводили.

Еще в детстве часто снился один и тот же страшный сон. Я от кого-то бегу, бегу и никак не могу убежать. Одна из вариаций этого сна – я еду на узком лифте. Он периодически останавливается на этажах, открывается, но снаружи угольная чернота, никаких ступенек или лестничных площадок. И я еду дальше – до тех пор, пока не просыпаюсь.

Ну а самое-самое первое мое воспоминание еще из яслей, куда меня отдали в возрасте восьми месяцев. Отлично вижу картинку: батут и большие окна…

Мама рассказывала: как-то воспитательница пришла в группу, а там все дети буквально стоят на ушах и ревут в голос. Сначала она даже не поняла, что произошло. А произошло вот что. Детишки все еще очень маленькие, а я уже тогда на их фоне выделялась ростом и имела возможность залезть на стол. Разумеется, я этой возможностью и воспользовалась. Получилась картинка маслом: все дети собрались вокруг и плачут. Им же завидно! А я, счастливая, довольная и гордая, лежу на этом столе, сучу ножками и балдею. Год мне был тогда примерно, не больше.

В детском саду с девчонками не водилась, а всегда дружила с

мальчиками. С ними как-то интереснее было играть. Прятки, салочки, еще что-то… Но, конечно, я при этом не дралась и не сражалась, хотя и была для них «своим парнем». Например, они все играли в войнушку, делились на «наших» и «фашистов». Ну а я была медсестрой. Мне мама даже сшила соответствующий наряд: фартук, косынку с красным крестом, белую сумку.

С нарядом медсестры связана еще одна история. Кто-то из мальчишек-сверстников сломал руку, и я ему жутко завидовала из-за гипса. Даже пыталась периодически оказывать «первую помощь» игрушечными шприцами из своей сумки. Гипс – это же так круто! Буквально предел мечтаний…

Вскоре убедилась в том, что желания материальны. И если чего-то очень хочешь, Вселенная обязательно тебе это «что-то» дает. Я полезла очищать от снега деревянный паровозик на детской площадке, поскользнулась, упала с него – и тоже сломала руку, получив таким образом свой вожделенный гипс. Воспитательница плакала, а я была в полном восторге. Когда рука чесалась, залезала внутрь повязки с помощью длинной спицы для вязания.

Еще мечтала о шраме после операции. Это тоже быстро сбылось: мне вырезали аппендицит… После этого до меня дошло наконец, что надо быть осторожнее со своими желаниями. Хотя, конечно, я и слов-то таких тогда не знала – «материализация», «Вселенная»…

В куклы, разумеется, тоже играла. Сохранилась одна из них – красивая, немецкая, размером с настоящего младенца, – которую мне мама вручила в день рождения на пять лет. Друзья нашей семьи тут же надарили мне детской одежды, из которой их ребенок уже вырос. Поэтому моя кукла была одета даже лучше, чем многие настоящие дети. Как-то я стояла с ней в автобусе, держала на руках, и воспитанные мальчики лет 13–14 уступили мне место. Я поначалу, конечно, удивилась, но мама сказала: «Раз уступили – садись».

Еще на один из дней рождений мама предлагала мне два подарка на выбор: либо очень красивую и яркую книгу о строении человека, персонажами которой являлись герои диснеевских мультиков, либо еще одну куклу. Я выбрала книгу, потому что… куклу эту давно уже нашла. И играла с ней тайком, когда мама была на работе. Ну а потом аккуратно заметала следы и клала ее на место, чтобы никто ничего не заподозрил. Ко дню рождения уже в нее наигралась… Мама об этом так и не узнала, и в итоге куклу подарили дочке друзей.

Из кубиков часто что-то строила – башни, замки. Ну и, конечно, как любой советский ребенок, обожала улицу. Загнать

меня домой было невозможно. Летом бегала по двору, прыгала через резиночку. Зимой каталась с горки и на коньках.

Еще я очень любила рисовать. Все подряд. Природу, солнышко, принцесс… Мама с тетей всегда смеялись, что они с этим волейболом загубили во мне талант художника.

Когда чуть подросла – воровала с другими мальчишками и девчонками патиссоны из соседнего детского сада. Добычу ели сырой… Не то чтобы это очень вкусно – но зато настоящее приключение!

При этом я никогда не была ни хулиганкой, ни сложным и тяжелым ребенком. Наоборот, была управляемой и послушной. Наверное, отчасти это следствие того, что я занималась спортом. Потому что спорт не может не накладывать определенный отпечаток. Дисциплинированности, во всяком случае, он добавляет точно. Плюс банально нет времени на то, чтобы шастать вечерами по дворам и тусоваться с какой-нибудь плохой компанией.

Самого близкого друга или подруги у меня в детстве не было. Просто компания ребят со двора. И сейчас даже не знаю, как у кого сложилась судьба, отношений ни с кем не сохранила. Близкие друзья появились в моей жизни уже гораздо позже.

* * *

Мячик впервые в руки взяла для игры в «бортики». Смысл ее в том, что надо точно и сильно бросать обычный резиновый мяч в бордюр. Если он к тебе после этого просто откатится – ничего интересного, обычный «рабочий» бросок. За него давалось десять очков. Самым шиком в этой игре считалось, когда он по высокой дуге прилетал к тебе обратно в руки… Тогда это сразу сто очков.

Жили мы сначала вчетвером: я, мама, тетя и бабушка. Потом с мамой переехали в комнату в коммунальной квартире. Но вскоре этот дом снесли, и нам выделили отдельную квартиру. Впрочем, там я почти не жила. Мама должна была уходить на завод очень рано, поэтому всем удобнее было, чтобы в школу меня собирали тетя с бабушкой. Плюс из их квартиры мне было ближе ездить на тренировки. И лет в 12 я переехала к ним. Ну а мама каждый день после работы приходила и помогала мне делать уроки.

Никто в моей женской семье никогда не воспитывал меня с помощью ремня. Разок мама захотела отшлепать – не вспомню уже, что именно я натворила, – и это вызвало у меня не страх, а смех. Мол, как так: мама – и вдруг будет меня шлепать? Смешно

же… Так мамина попытка ничем и не закончилась. А один раз я чем-то серьезно довела тетю, и она стукнула меня шнуром от утюга. После чего сама очень долго плакала, когда я уснула, потому что увидела след от шнура…

За двойки и тройки тоже никто особенно не ругал. Мама просто всегда говорила в таком случае:

– Катя, ты можешь в принципе не учиться. Например, для того чтобы стать хорошим маляром, тебе с твоим ростом даже стремянка не нужна.

…Какими-то домашними обязанностями меня также не перегружали. То есть не было такого, что я к приходу мамы должна обязательно надраить всю квартиру, ужин приготовить, да еще и уроки сделать. В этом смысле детство у меня проходило довольно беззаботно.

Хотя готовить я любила. Свою первую яичницу сотворила в первом классе. Мы тогда как раз жили с мамой в коммуналке, и правильно зажечь общую газовую плиту было настоящей наукой. Открыть вентиль с газом, с правильной стороны поднести горящую спичку к конфорке и при этом не обжечься…

Вообще с этой коммуналкой связаны теплые воспоминания. Хотя дом, где она находилась, даже домом нельзя назвать в полном смысле этого слова – скорее, обычный барак. В нашей квартире жило три семьи, и все истории про дикую вражду соседей в коммуналках совершенно точно не про нас. Наоборот, все готовы были друг другу помочь чем угодно. Например, когда возникали какие-то сложные ситуации, и меня не с кем было оставить ночью, соседка, которая была воспитательницей в детском саду, брала меня с собой на работу в ночную смену. Дети из других семей, правда, были постарше, чем я. Поэтому мы с ними особенно не играли. Но при этом я всегда могла рассчитывать на их защиту во дворе.

Хотя защищать было практически не от кого. В те времена, в начале и середине 80-х, можно было спокойно отправить маленького ребенка с деньгами в ладошке за хлебом или молоком. И никто бы его не тронул.

Собственно, в детстве у меня была одна-единственная ситуация, когда я по-настоящему испугалась. Мы с мамой в это время уже жили в новом доме, на десятом этаже. Так получилось, что лифт не работал – впрочем, это случалось довольно часто. Я пришла из школы, стала подниматься по лестнице и увидела, что сверху молча спускаются несколько парней. Не знаю, что навело меня на эту мысль, но мне показалось, что намерения у них не самые лучшие.

Стало очень страшно. Я побежала вниз, а снизу ко мне

навстречу шли еще парни. То есть они стали окружать меня с двух сторон. В панике принялась звонить и колотить во все двери подряд. Но никто не вышел и не отозвался: рабочий район, времени примерно час дня, и поэтому дома никого нет.

Стало уже совсем жутко, когда к этой группе людей присоединился еще один и сказал: «Это не она». А потом обратился ко мне: «Давай иди, не бойся, мы тебя не тронем». Но я так перепугалась, что пулей слетела вниз по лестнице и до шести вечера гуляла во дворе, пока мама не вернулась домой.

С неработающим лифтом связан еще один эпизод, когда я находилась в серьезной опасности. Я была еще совсем маленькой. У меня поднялась температура, мама вызвала «Скорую». Доктор меня осмотрел – вроде ничего страшного. Поставил жаропонижающий или еще какой-то укол и ушел. И в этот момент я стала буквально синеть. У меня начались судороги…

К счастью, лифт не работал, и медицинская бригада спускалась пешком. Мама кинулась бегом за ними и догнала уже на улице, возле машины. Доктор – а он был очень маленького роста, плотненький такой – потом рассказывал медсестрам: «Девочки, вы бы видели, как я взлетел на девятый этаж…»

В итоге меня погрузили в «Скорую», отвезли в больницу и долго там держали. День, два, три – температура не спадает. Врачи никак не могли поставить диагноз.

А там работала одна нянечка – страшная матерщинница. Мама с ней как-то разговорилась – мол, уже целый консилиум докторский собрали, а все равно понять никто ничего не может. А эта нянечка на меня одним глазом глянула и тут же маме выдала мощную тираду:

– Трам-там-там, зови скорее Львовича!

Львович – это как раз был тот маленький доктор, который меня привез в больницу. Нянька ему:

– Эх вы, консилиум, трам-тарам-там. У ребенка же просто зубы режутся!

Выяснилось, что у меня действительно резались зубы, чего в этом возрасте еще быть не должно. Отсюда и температура, и судороги.

Спустя много лет мы с мамой переходили дорогу, и рядом остановилась машина «Скорой помощи». Из нее вылез Львович и сказал:

– Знаете, я теперь с трех месяцев у детей всегда проверяю зубки. Но таких уникальных случаев, как у вас, в моей практике все равно больше не было.

* * *

Наша комната в коммуналке была очень удобно расположена. Ее окна выходили прямо на школу. И несколько раз было видно, что детей у крыльца разворачивают и внутрь не пускают. «Ага, или отопление прорвало, или еще что-то. В любом случае в школу можно не ходить»…

Волейболом я стала заниматься с «подачи» тети, которая в то время играла за местную команду ветеранов. Я проводила с ней в зале много времени, даже ездила с этой сборной на городские и областные соревнования. На одном из турниров тетю признали лучшим игроком и подарили в качестве приза лыжи. Разумеется, они достались мне! Я была в тот момент самым счастливым ребенком на свете, потому что в школе мне как раз позарез требовались лыжи. Конечно, они были чуть-чуть великоваты. Но поскольку я всегда была очень высокой, особенного дискомфорта от этого обстоятельства не испытывала. Гораздо лучше иметь такие крутые лыжи, пусть и длинные, чем не иметь никаких.

Конечно, из-за роста без дразнилок в мой адрес в детстве не обходилось. Причем началось это довольно поздно. В начальной школе меня обзывали редко и то без какой-то злости особенной – обычно Спичкой. А потом, когда я перешла в школу, где занимались дети, играющие в волейбол на серьезном уровне, там вот уже стало сложно. Примерно в 7–8-м классе пришлось через это пройти. Ту школу № 71 я буквально ненавидела. Кстати, Настя Беликова, которая на год меня старше, тоже ходила в это учебное заведение и испытывала по отношению к ней аналогичные эмоции…

Ученики в этой школе были в большинстве своем из частного сектора. И как-то все одновременно наложилось: переходный возраст, насмешки, отсутствие друзей, невозможность нормально одеться…

Волейбольная команда там уже сложилась, а я была новичком. Конечно, меня воспринимали в штыки. В какой-то момент даже решила бросить все это дело. Я была в спортлагере, отношения со сверстницами по-прежнему не складывались. И когда ко мне приехала мама, я стала плакать: «Пожалуйста, забери меня отсюда, больше не хочу!» Но она как-то смогла уговорить меня потерпеть, и я осталась. А потом через несколько дней весь наш возраст отправили на следующий сбор в другой лагерь – который, к слову, по удобствам и комфорту сильно уступал нашему, – а меня и еще одну девочку оставили тренироваться с более старшим возрастом. И с ними никаких проблем уже не возникало. Мы для них были эдакие младшие сестры-малявочки. Конкуренток они в нас не видели – так, просто милые детишки тренируются вместе с нами. Прикольно, почему

бы нет? Ну а нам, конечно, поначалу было страшновато тренироваться со старшими – но и очень интересно тоже.

Новая школа располагалась неподалеку от нашего волейбольного центра, и поэтому с директором договаривались об отдельном расписании для нас. Например, уроков труда у игроков команды вообще не было. А первыми уроками нам часто ставили физкультуру. На которую мы, конечно, не ходили, поскольку посещали утренние тренировки, а подтягивались уроку к третьему.

Когда я уже стала игроком молодежной сборной, то мой статус в этой ненавистной школе сильно изменился. Насмешничать уже никто не пытался. Ну, собственно, я одноклассников вообще перестала видеть, потому что в старшей школе занималась по индивидуальной программе, а с ними пересекалась только на экзаменах. Все меня разглядывали с удивлением, поскольку знали, что я с ними учусь, но никто со мной не был знаком. Мальчики на экзаменах начинали проявлять знаки внимания – предлагали ластики, карандаши, линейки… Но мне на это, честно говоря, было наплевать. Куда важнее было сдать экзамены. Не то чтобы я экзаменов боялась, но волнение, конечно, присутствовало.

* * *

А свой «первый раз в первый класс», если честно, вообще не помню. При этом ходить туда мне очень нравилось. Особенно в начальную школу, № 37. У нас была замечательная учительница – Бекишева Людмила Александровна. Между прочим, она являлась одноклассницей моей тети. Разумеется, мама хотела устроить меня именно к ней.

Это было, кстати, не слишком просто. Первоклассников в Челябинске всегда много. Поэтому директора не хотели брать детей, родившихся позже 1 сентября. А у меня день рождения – 17 октября, то есть на момент «поступления» было 6 лет, а не 7. Но поскольку я была очень высокой девочкой, мама просила директрису все-таки взять меня в школу, чтобы не терять целый год.

Людмила Александровна сказала, что в любом случае постарается взять меня именно в свой класс. Даже если распределят в какой-то другой. Но ни о чем даже договариваться дополнительно не пришлось – я попала именно к ней.

Помню, у нас в классе училась девочка, у которой было еще две сестры. А у Людмилы Александровны было три сына. И мы в

детстве все время шутили, что ей нужно поменять одного из сыновей на одну из девочек, чтобы как-то разбавить обе семьи. А то ведь если одни мальчишки и девчонки – это же, наверное, неинтересно.

5-й и 6-й класс я отучилась в школе № 59. Об этом времени тоже много хороших воспоминаний. Класс у нас был по-настоящему дружный. Родители постоянно помогали проводить какие-то экскурсии, праздники… Еще была супружеская пара учителей, которые стали нашими классными руководителями в средней школе. И им очень нравилось все время что-то организовывать на свежем воздухе в выходные. Неподалеку от дома, где жили мы с мамой, есть очень красивое озеро – называется Первое озеро. И зимой мы туда часто ходили кататься на лыжах, а летом – на лодках.

Еще в теплое время года мы ходили в походы. Лазали по каким-то веревкам, учились разводить костры… Однажды, кстати, чуть ли не до смерти перепугали родителей. Поехали целым классом плюс учителя, несколько мам и пап. И опоздали на обратную электричку. На остановке, где нас должны были встречать, вовремя не появились. А сотовых телефонов тогда ни у кого не водилось…

Когда мы все-таки приехали, родители, пребывавшие в состоянии легкого шока и паники, быстренько расхватали замерзших и мокрых детей и дома потом заставили их долго отмокать в горячих ваннах.

В моем классе в начальной школе было человек 30. Ну, собственно, не только в моем – везде такая же история. Больше всех я дружила с одной полненькой девочкой. И у нас получился очень боевой тандем. Если кто-то из мальчишек называл одну из нас «Спичка» или «Толстая», мы вдвоем зажимали его в уголке и начинали мутузить. Понятно, что сильно ударить не могли, но все-таки пытались всегда за себя стоять. Хотя в принципе я была совершенно не драчливой.

Правда, был еще период, когда надо мной подтрунивали несколько старшеклассниц. Я училась еще в начальной школе, а они были уже классе в восьмом или девятом. Они меня доставали-доставали, и в какой-то момент чаша терпения переполнилась. Мы с моей толстенькой подружкой пошли на этаж, где они учились. На «разборки». Старшеклассницы стояли у окна и о чем-то болтали. Я подошла, отвесила ближайшей из них пенделя, и мы убежали. Больше меня никто не обзывал и не трогал…

А когда подросла, порой очень хотелось надавать по голове всей сборной Бразилии. И еще – китайскому тренеру с

непроизносимыми именем и фамилией Чжунхэ Чэнь, который в 2004 году обыграл нас в финале Олимпиады в Афинах. Очень уж он раздражал меня тем, что все время смеялся и улыбался… Может, дело не конкретно в нем, а все китайские тренеры такие?

Какой-то первой детской школьной любви у меня не было. Конечно, болтала с мальчишками, они как-то проявляли свое внимание, но всерьез я это никогда не воспринимала.

* * *

Самых любимых и самых нелюбимых предметов тоже не было. Мне просто нравилось учиться. И в начальной школе были сплошные пятерки и четверки, и с пятого по седьмой класс тоже все складывалось хорошо. Потом, конечно, когда у меня уже начался режим «две тренировки в день», учиться стало тяжелее. Плюс разъезды добавились… Понятно, что когда ты пропускаешь какие-то уроки, сразу по возвращении с соревнований «включиться» в любой школьный предмет непросто. Но я к этому спокойно относилась. Просто старалась как можно скорее наверстать пропущенные куски программы.

Ну а после девятого класса я уже стала играть за команду мастеров. И программу 10-го и 11-го классов сдавала отдельно. После тренировок занималась с учителями индивидуально. У меня был месяц алгебры и геометрии, месяц русского и литературы, месяц истории… То есть за месяц проходила всю программу по тому или иному предмету. И мне это очень нравилось. Гораздо комфортнее, чем сидеть в классе вместе во всеми. Вообще в какой-то момент мне стало понятно: я способна учиться на круглые пятерки, если заниматься полноценно и не выпадать из процесса на месяц-другой из-за сборов и соревнований.

Что ж, могу точно сказать: я не математик. Поначалу физику и химию тоже не любила. Гуманитарные науки мне все-таки ближе. Биология при этом очень нравилась…

Но в технике разбираюсь очень неплохо. Для меня в детстве не было проблемой что-то собрать или даже починить. Это в современных телевизорах иногда непонятно даже, как каналы переключать. А тогда спокойно могла поменять сгоревший предохранитель. Даже когда была совсем маленькой, знала, где эта штучка находится. И если телевизор ломался, пыталась разобраться с возникшей трудностью самостоятельно.

С иностранными языками возникали сложности. Но не по моей вине. В 90-е годы учителям зарплату не платили… И,

например, целый год у нас вообще не было уроков английского языка. Нас просто загоняли в класс, и мы делали домашние задания по другим предметам. Потом был период, когда английский нам преподавал… учитель немецкого. В общем, потерянное время. Хотя в другой школе, например, у нас «англичанка» была замечательная и классная. Я сразу добилась хорошего прогресса – даже могла книжки читать на английском.

Ну и уроки физкультуры всегда любила, конечно. Зимой мы катались на лыжах, летом бегали и прыгали. В волейбольную секцию при этом стала ходить с третьего класса. И когда мне вырезали аппендицит и, разумеется, строго ограничили физическую нагрузку, я на физкультуру не ходила, а вот на тренировки все равно бегала.

Росла я всю жизнь равномерно. Каких-то скачков не было. Сколько себя помню – всегда выше всех сверстниц. Когда нас фотографировали, то сначала меня ставили с краю, потом – рядом с воспитательницей, чтобы не было слишком большого контраста. В школе точно такая же история.

* * *

Разумеется, пробовали меня отдать и в гандбол, и в баскетбол. В том спортклубе, где работала тренером по волейболу тетя, была также и баскетбольная секция – в которой, кстати, занималась моя мама, – и гандбольная. И оба других наставника – и баскетбольный, и гандбольный – настойчиво пытались перетащить меня к себе. Тянули каждый на себя, словно я одеяло… Тренерша по баскетболу меня нахваливала и говорила что-то вроде: «Ну она же прирожденная баскетболистка, у нее все данные!» «Гандболист» отвечал: «Нет, в гандболе ей будет проще и интереснее, у нее получится гораздо лучше, чем в вашем баскетболе…»

Когда в 11 лет я перешла в другую школу, то попала в класс с гандбольным уклоном. Правда, в тот момент уже плотно занималась волейболом и менять его ни на что не хотела. Но хотя бы на одну гандбольную тренировку должна была сходить… Особенно на меня никто не наседал, но физрук все равно настоятельно просил посетить занятие по ручному мячу. А вдруг понравится и получится?

Сходила. Не понравилось категорически. Пока еще бегали, разминались с теннисными мячиками – все нормально. Но когда девчонки принялись друг друга лупить, щипать, хватать за футболки и за волосы, тут же сказала: «Нет, спасибо, это мне как-

то совсем не близко. Какие-то тут все слишком отчаянные». Причем это ведь всего лишь тренировка, все свои, а на играх они мутузили соперниц еще сильнее…

Я за девчонок болела с трибуны, и на трибуне мне нравилось быть гораздо больше, чем в гуще гандбольных событий. Даже мячик этот маленький в руках не подержала ни разу. И так все было ясно: не мое.

Баскетбольная наставница тем временем продолжала очень упорно зазывать к себе, но я столь ж упорно держала оборону. Мол, сходила уже на гандбол, и этого для меня более чем достаточно.

При этом тетя на меня с выбором не давила совершенно. Говорила: выбирай сама, что тебе нравится. Я ее потом спрашивала:

– А ты не боялась, что я променяю волейбол на что-то другое?

Она в ответ смеялась.

– Нет, была уверена, что тебе вся эта толкотня не понравится.

…Меня часто спрашивают журналисты: «В каком возрасте поняли, что волейбол станет вашей профессией?» Я в шутку отвечаю: «Только сейчас, когда карьера уже закончена». Ну а если серьезно, то у меня в детстве совершенно точно не было далеко идущих планов, связанных со спортом. То есть в 10–13 лет даже мыслей никогда не возникало, что меня возьмут в сборную России, что буду завоевывать медали чемпионатов Европы, мира и Олимпийских игр. Я перед собой всегда ставила куда более постепенные и поэтапные цели.

Сначала хотела попасть в команду мастеров. Потом, когда это случилось, – чтобы мне пришел вызов в юношескую сборную. После этого задумалась о первой сборной… И лет в 18, когда приехала в «Уралочку», стало окончательно понятно, что волейбол в моей жизни всерьез и надолго. Но при этом я никогда не воспринимала себя как «звезду», как «волейбольную надежду». Мне и мама с тетей всегда твердили: «Главное – не зазнаваться. Потому что подняться можно легко и быстро, а падать можно еще быстрее и очень больно».

Кстати, по поводу «надежды волейбола» был смешной момент. Тетя рассказывала, что когда меня впервые увидел на тренировке директор СДЮШОР, в которую я впоследствии перешла к тренеру Суровой, он вообще ничего ей не сказал. А только поплевал три раза через левое плечо и постучал по чему-то деревянному… Ну то, что задатки у меня хорошие, было видно, в общем, довольно рано.

* * *

А вот в диагональ меня, кстати, поставили довольно поздно. В детстве играла на позиции центральной блокирующей. Когда перешла уже к Николаю Михайловичу Сорогину, во взрослую команду мастеров «Метар», то он меня тоже видел первым темпом. И только в молодежной сборной России меня стали переучивать на волейболистку четвертой зоны. Конечно, это доставляло поначалу определенные неудобства. Но в принципе мне нравилось много атаковать, и переход этот дался без особых проблем. А когда уже перешла к Карполю, он сразу сказал, как отрезал: «Я тебе не вижу центральным игроком. Будешь играть в четвертой зоне». И все, с тех пор я блокирующей больше не была.

Собственно, профессиональной волейболисткой я стала в 14 лет. Сорогин решил, что дальше играть в детской команде мне смысла больше нет, и забрал к себе в клуб. В моей трудовой книжке первая запись выглядит так: «3 января 1995 года принята на должность спортсмена-инструктора в команду «Метар» города Челябинск». Забавно, что у моего супруга день рождения тоже 3 января. Часто шутим с ним по этому поводу…

Вместе с мамой подписали первый самый настоящий контракт. Размер зарплаты сейчас не вспомню, тем более что тогда рубль постоянно девальвировался, но деньги эти нашей семье пришлись, что называется, «впору». 90-е были очень трудным временем.

Мама почти всю жизнь проработала на Челябинском тракторном заводе, где являлась начальником планово-диспетчерского бюро. Должность по советским временам очень хорошая. То есть в детстве никакой нужды мы не испытывали, я всегда была обута-одета и вкусно накормлена, летом меня отправляли отдыхать. На море, в Лазаревское. В челябинские пансионаты, где мы с мамой кормили белок, собирали грибы и ягоды. Иногда мне не очень нравилась еда в домах отдыха – ягоды ела куда с большим удовольствием…

В детстве очень любила купаться. Вытащить меня из воды было невозможно. Еще с другими ребятами в этих пансионатах и домах отдыха ходили ловить раков. Понятно, что раколовки нам никто из взрослых не доверял – это была недоступная роскошь. Наш способ был примитивнее и, конечно, не такой «уловистый». Мы привязывали алюминиевую вилку с двумя отогнутыми зубцами к длинной палке и получившейся рогаткой протыкали и вытаскивали ползавшую по дну добычу.

Рыбачить, кстати, в детстве особенно не получалось. В тех же домах отдыха ловили, конечно, со сверстниками каких-то малюсеньких ершиков и карасиков. Удочек у нас не было – так, палка с леской и крючком. Вот во «взрослой» жизни с мужем

несколько раз ездила на настоящую рыбалку, но мне мужчины доверяли только шумовкой выковыривать лед из лунок. Помню, в какую-то сетку мне попался маленький щуренок, и я очень обрадовалась. Первая пойманная щука в жизни! А Миша тут же стал кричать, чтобы я этого малька скорее отпустила…

Еще супруг всегда спасает раков. Когда мы ездим с друзьями на Селигер – у нас там собирается большая компания, мы даже проводим ежегодный любительский теннисный турнир, – то регулярно на берегу озера варим раков. А Миша обязательно выбирает из числа пойманных трех-четырех, относит их на берег и кричит: «Бегите, спасайтесь!» Они его обычно не слушают и не понимают, что должны ползти к воде.

Со временем я сама, кстати, к воде, что называется, поостыла. Сейчас за весь отпуск если пару раз супругу получается загнать меня в море – и то хорошо. И то я особенно не плаваю – так, окунусь и скорее на берег… Не что чтобы боюсь воды, но она доставляет мне какой-то дискомфорт, особенно вечерами, когда темно и ничего не видно.

Еще в детстве как-то раз ездила летом в Среднюю Азию. И если у всех московских детей есть фото из зоопарка на пони, то у меня есть фото на осле. Перед тем как сделать снимок, мне надели корону, фату. Рядом мама счастливая… Еще там были очень вкусные шашлыки за 50 копеек. Наш пансионат находился где-то наверху, а вниз к большому рынку вела огромная лестница. Ступенек сто, если не больше. И мы, дети, бегали по этой лестнице наперегонки, чтобы занять очередь за шашлыками.

* * *

С развалом Союза и началом перестройки наша благополучная жизнь кончилась. Вообще, всем в одночасье стало очень трудно. На заводе перестали платить зарплату – он вообще почти не функционировал. Все в Челябинске перебивались тем, чем помогали родственники, имевшие собственные огороды. А маме как-то продали по спецзаказу на заводе большую упаковку с «окорочками Буша», и мы этими куриными ножками питались всю зиму. Еще помню, как слегка разбавляли водой сухое молоко из наборов гуманитарной помощи, и получалось что-то вроде сгущенки. Хотя, конечно, далеко не так вкусно, как сгущенка настоящая.

Вообще в детстве я ела мало, всегда была худенькой. Сорогин, когда взял меня в «Метар», все время шутил: «Сначала ты от мяча отлетала, а к концу сезона уже мячик стал от тебя

отлетать».

Не то чтобы у меня был плохой аппетит – просто какие-то блюда я терпеть не могла. С самого детства. Мама относилась к этому с пониманием и даже просила воспитателей в детском саду не заставлять меня есть, если я сама не хочу. О супе с молочной пенкой из детской жизни до сих пор вспоминаю с содроганием.

Вообще для меня в еде на первом плане – ее внешний вид. Если она не вызывает эстетического удовольствия, значит, я никакого удовольствия от нее не получу. Даже пробовать не стану. Вот мамины и бабушкины пельмени и чебуреки – они и выглядели классно, и на вкус – объедение! При этом проблема была в том, что бабушка в отличие от мамы и тети всегда заставляла меня есть. Даже тогда, когда я не хотела и пыталась отказаться. Впрочем, я брала бабушку хитростью. Она звала меня обедать или ужинать, а я ей всегда говорила, что надо дождаться маму с тетей. Мол, они скоро придут с работы голодные, и им гораздо приятнее поесть вместе с нами. Знала: мама с тетей за меня в этом вопросе заступятся…

Плюс я научилась очень ловко надувать живот и всегда демонстрировала бабушке это умение, когда она пыталась запихнуть в меня добавку. Говорила ей: «Смотри, у меня уже пупок вылез почти, может лопнуть».

Когда наступили тяжелые времена, то с голоду мы, конечно, не пухли, но пояса подтянуть пришлось. Какое-нибудь мясо купить по тем временам было практически нереально. Но особенно трудно было с одеждой. Тем более я же очень нестандартный ребенок: детские вещи мне малы, а взрослые – велики. Приходилось как-то выкручиваться. Меня это, если честно, особенно не напрягало. А вот мама расстраивалась, конечно. Плакала и хваталась за голову. Она же привыкла к тому, что ее ребенок должен быть хорошо одет и обут… К счастью, она очень хорошо шила. Многие вещи кроила сама. Например, мои «хоум мэйд» джинсы были такие же крутые, как магазинные… Как раз в школе отменили единую форму и можно было ходить в чем угодно.

Не то чтобы у меня был какой-то «стиль» в одежде – не до стиля было в те времена. Но все равно мы всегда старались, чтобы вещи сочетались друг с другом. Помню, когда мне было лет пять, меня попыталась одеть бабушка, и я закатила жуткую истерику. Бабушка пошла жаловаться маме, а та за меня заступилась: «Ну конечно, ты же ребенка хочешь одеть как светофор, вот она и плачет». То есть какое-то понимание того, что нельзя натянуть на себя одновременно все, что у тебя есть в гардеробе, и к тому же разных цветов, у меня было всегда.

С обувью тоже часто возникали проблемы. Очень переживала, когда после одной из тренировок у меня в раздевалке украли «дутые» китайские сапоги. На улице зима, до дома ехать полтора или два часа. Не босиком же? Девочка-подружка пошла домой и принесла мне огромные то ли валенки, то ли ботинки своего папы.

В итоге я два дня сидела дома: не в чем было ходить в школу и на тренировки. Мама пыталась что-то купить, а купить было особенно нечего… Как-то выкрутились в итоге, что-то нашли.

Что до прически, то тут стиль у меня был очень простой. Всегда носила длинные волосы и заплетала их в косичку. Причем ее должно было «хватить» на целый день, поэтому мама затягивала до «китайского» состояния, то есть настолько туго, что глаза растягивались в две узкие щелочки… Спала тоже с косичкой, чтобы волосы не путались, но, конечно, уже со слабо заплетенной.

Лет в 13 впервые сделала себе очень короткую стрижку. И это было настоящее счастье! Ощущение какой-то легкости, воздушности… Мне очень нравилось ходить по улице и трясти головой, чтобы свежий ветерок обдувал ее со всех сторон. Но через несколько месяцев снова решила отращивать волосы. И до сих пор часто хожу либо с косой, либо с хвостиком.

В «Уралочке» «законодательницами мод» были Таня Грачева, Лена Василевская и Лиза Тищенко. Да вообще наряжаться все девчонки любили. В какой-то момент, лет в 19–20, все молодые игроки «Уралочки» ходили в банданах. Наряд обычно дополняли тяжелые ботинки типа «гриндерсов» или «Доктор Мартенс» и короткая майка – чтобы был виден накачанный пресс. У меня еще была цепочка, которую я носила вокруг талии на голом животе. Мне казалось, что круче и лучше выглядеть уже просто нельзя…

В этом наряде – с банданой, цепочкой, голым пупком – меня как-то увидел Карполь. Подозвал доктора «Уралочки» и сборной России – Юрия Васильевича Мамаева:

– Что-то Катя у нас плохо выглядит.

Я честно не поняла и очень удивилась. Мне казалось, выгляжу потрясающе!

– Чтобы эту цепочку больше не видел, – отчеканил Карполь.

И увы, с моим крутым образом пришлось расстаться. Ну то есть как – расстаться… На дискотеки я цепочкой все равно опоясывалась. А еще приклеивала на живот наклейки-татуировки. Чаще всего красивых бабочек…

А вот пионерский галстук никогда особенно не любила, хотя его тоже можно было теоретически использовать как бандану или

косынку. В пионеры меня приняли в третьем классе. Делали все, что полагается: собирали макулатуру, выпускали стенгазету. А года через полтора нам сказали, что пионерской организации теперь не существует. И у всех была очень большая радость, что можно больше не носить галстук. Не из-за каких-то «политических» соображений, а просто мороки с ним было очень много. Все время он пачкался, мялся…

* * *

Когда я стала профессиональной спортсменкой, мама ушла с завода. Во-первых, зарплату ей все равно не платили, а во-вторых, того, что я зарабатывала, хватало на достойную жизнь. Только в этот момент смогли вздохнуть с облегчением…

Конечно, мамы мне очень не хватает.

Тетя работала тренером волейбольной команды. Собственно, занимается этим и по сей день – в СДЮШОР «Юность-Метар». Бабушка сначала трудилась на том же заводе ЧТЗ, что и мама. Причем пошла туда в 15-летнем возрасте, во время Великой Отечественной войны. Рассказывала, что на работу ходила босиком – обуться было не во что. А потом как-то увидела мои «гриндерсы» и узнала их цену. Сказала: «Нам такие в литейном цеху бесплатно выдавали».

Потом бабушка работала гардеробщицей в Доме культуры ЧТЗ – помню, я ходила туда в детстве на елку… Еще мне очень нравилось сидеть с ней до третьего звонка в гардеробной и наблюдать за сдающими одежду. Мне вообще всегда нравилось изучать людей. Они все такие разные, за каждым – своя история… Кстати, что касается спектаклей, мама в детстве постоянно ходила со мной в кукольный театр. Поэтому, когда нас уже в школе туда водили на представления, мне было не слишком интересно.

Еще бабушка работала на проходной хлебзавода. Вот это было самое крутое для меня время, поскольку я могла когда угодно заявиться к ней на работу и съесть горячий бублик.

Собственно, по большому счету мое детство закончилось очень рано – в 14 лет, когда я стала получать зарплату за то, что играю в волейбол.

Глава 3
«Метар»

Первый вызов в молодежную сборную от меня в «Метаре»… утаили. Все прекрасно понимали, что если я поеду на сборы этой команды, то клуб с огромной вероятностью меня потеряет. Мне было 16 лет, я об этом узнала уже постфактум. Конечно, очень расстроилась. Потом пришел еще один вызов – на квалификацию к чемпионату Европы. Очень хорошо помню, как Сорогин построил всю нашу команду перед началом тренировки и трагическим голосом объявил:

– Случилось страшное…

Все в панике начали перешептываться: «Что, умер кто-то, что случилось?»

Сорогин выдержал мхатовскую паузу и продолжил:

– Катю вызвали в сборную.

Так я узнала, что попала в молодежную команду. Конечно, радость огромная. Попробовать себя на новом уровне, сравнить себя с лучшими волейболистками страны твоего возраста… Здорово! Плюс форма сборной. Это по тем временам считалось нереальной крутизной. У меня была подружка Олеся Макарова, которая играла за команду из Самары, и мы как-то приехали туда на очередной тур чемпионата. Пошли гулять по Самаре, и помню свое впечатление, когда она мимо нас буквально проплыла, словно Царевна Лебедь, в костюме с надписью «Россия». А тут и мне должны выдать такой же…

Молодежка базировалась в Свердловске – это двести километров от Челябинска. И меня возили туда на клубной «Газели».

Самое первое знакомство со сборной получилось забавным. Меня привезли в пансионат, где жила команда. Собственно, там жили все игроки «Уралочки», у которых не было своих квартир. Конечно, когда ты попадаешь в мир, где никого не знаешь, это поначалу вызывает определенный дискомфорт. Но мне повезло: за год или два до этого в екатеринбургский клуб перешла Настя Беликова из «Метара». Собственно, она прошла тем же маршрутом, что и я – сначала молодежная сборная, потом «Уралочка».

Хорошо помню: вот я захожу в этот пансионат, иду по какому-то коридору… И тут на меня буквально выпрыгивает из-за угла Настя. Хватает за руку, тащит в общую столовую и начинает кричать:

– Скажи им! Скажи!

Я в легком шоке. Что сказать? Кому?

– Скажи им, что у нас в Челябинске продается томатное мороженое!

А оно действительно продавалось. Нормальное такое, сладкое. Ну а Насте никто не верил, все смеялись: «Как так, мороженое из помидоров? Ну бред же…»

Собственно, мне потом тоже никто их друзей не верил. Кстати, году в 2010 примерно его снова стали выпускать. Так что все, кто считает меня обманщицей, – добро пожаловать в Челябинск…

* * *

На первой же тренировке молодежки мне сразу объявили: «Играла первым темпом? Молодец. А теперь иди в четвертую зону, будешь атаковать с высоких передач».

Конечно, когда ты всю жизнь играл быстро, а тут мяч к тебе летит так долго и медленно, что ты не знаешь, долетит ли он вообще, – приспособиться поначалу непросто. Но, как я уже писала выше, адаптировалась довольно скоро. Тем более что атмосфера в команде сложилась очень хорошая, психологически мне было легко. Со многими девчонками была знакома еще по детским соревнованиям. С некоторыми из них, кстати, до сих пор дружим.

Какой-то глобальной конкуренции в молодежке не было. Никаких «подлянок» никто друг другу не устраивал – наоборот, старались по максимуму поддерживать. Почти все попали в итоговую заявку на чемпионат Европы. Приезжих, кроме меня, можно было пересчитать по пальцам – в основном в команде играли девчонки из «Уралочки».

Первый мой выезд за границу с молодежной сборной был в Румынию. Мы поехали туда играть европейскую квалификацию. Было это почти сразу после Нового года. В новогоднюю ночь в этом пансионате устроили праздник: мы пели, танцевали и вообще развлекали друг друга по-всякому. А потом почти сразу отправились в эту поездку. Сыграли удачно, победили. Но когда уходили с площадки, зрители забросали нас всяким мусором. Крышками от бутылок, еще чем-то… В итоге из зала уходили под прикрытием полиции. Даже не знаю, с чем связан такой негатив. Но все равно об этой поездке вспоминаю с теплом. Когда ты впервые в жизни слушаешь гимн своей страны на площадке – это что-то непередаваемое.

Румыния не была первой страной, в которой я побывала. В 14 лет отправилась на детский турнир в Финляндию. Тоже, кстати, на новогодние каникулы. Но организаторы не учли, что в это время все дети празднуют Рождество и Новый год с родными, и в итоге нам не могли найти соперников. Поэтому мы просто катались по экскурсиям. Кроме того, рядом с отелем, где мы жили, располагался горнолыжный курорт. Понятно, что в Советском Союзе вообще мало кто знал, что это такое – инвентарь для горнолыжного спорта. Поэтому нас лыжи не особенно интересовали – купить их или взять в аренду у нас все равно не было денег. Да и зачем, когда есть старые добрые картонки или полиэтиленовые пакеты? Кататься с горки на них не менее интересно, чем на лыжах.

Кстати, на горные лыжи я впервые встала только в декабре 2016 года, уже после завершения карьеры. Понятно, что мои контракты запрещали заниматься видами спорта, где велик риск получить травму.

С «Метаром» мы ездили в Германию и Голландию. Вообще Европа меня, конечно, удивляла и поражала, но самое сильное впечатление произвела первая поездка в Японию. Это был настоящий космос, что-то запредельное, переворот в сознании. Ну и уровень проведения соревнований тогда был на фантастической высоте. Впоследствии к нему никто так и не приблизился.

Меня тогда Николай Васильевич Карполь взял на чемпионат мира со взрослой сборной России. Вписал в делегацию как одного из тренеров. Понятно, что никаким тренером я близко не была – просто Карполь хотел дать прочувствовать обстановку большого турнира. Чтобы я поняла, какой он – волейбол мирового уровня. Это было неким поощрением за мою хорошую работу.

Кстати, Карполь заставлял всех игроков вести специальные дневники, в которых описывали свои мысли и тактические соображения после матчей. А также – над чем нужно работать. Вот мои краткие «путевые заметки» во время японского турнира:

«Я приехала на чемпионат мира смотреть и учиться. Что-то нужное запомнить, исправить свои ошибки. В частности, замах. При замахе локоть нужно поднимать выше, тогда рука не пойдет в сторону и не будет делать лишние круговые движения. При атаке следует не оставлять руку в точке касания с мячом, а продолжать движение, опускать руку вниз. При обманном ударе основными бьющими пальцами кисти являются большой, указательный и средний. На блоке руки чуть согнуты в локтях и отведены назад. Кисти напряжены. Левая кисть развернута к площадке, прыгать на блок от антенны. При подаче руку ставить раньше, а не замахиваться в момент подброса мяча. В защите ноги сгибать

раньше, а не во время удара, все время двигаться.

На тренировках терпеть, даже если совсем не можешь и сил не осталось. Потому что это может сказаться на игре в самый ответственный момент: если не готов терпеть на тренировках, значит, не сможешь вытерпеть и во время самых главных матчей.

Принимаю таблетки: рибоксин, панангин».

Наша сборная завоевала в Японии бронзу, уступив в полуфинале китаянкам 0:3, а потом обыграв Бразилию с таким же счетом.

«Сегодня, 11 ноября 1998 года, мы проиграли Китаю. Девчонки сдались без борьбы, в трех партиях набрав 17 очков (4, 4, 9). Не было блока, нападения, не могли забить по два, по три мяча подряд. Не было приема, ослабили подачу. А самое главное – и, может быть, самое страшное – не было команды. Единой, дружной, поддерживающей друг друга. Уступив сегодня, теперь будем играть за третье место.

Завтра встречаемся с Бразилией в матче за бронзу. Нужно осмыслить все ошибки и не повторить их. И при этом сам матч с китаянками забыть. Мы должны, мы просто обязаны не проиграть бразильянкам. Надо собрать все силы – и физические, и эмоциональные. Играть нужно так, словно от этого зависит все. Собственно, так и есть: от исхода этого матча зависит очень многое. Может же у нас сыграть самолюбие? Для чего мы столько тренировались, проводили сборы, столько терпели? Неужели для того, чтобы в конце концов просто сдаться? И не получить никакой награды за свой труд? Мы начали турнир не хуже Бразилии, ведь у нас в команде столько хороших, поистине талантливых игроков, которые признавались лучшими и в Европе, и в мире».

…Конечно, из всех командировок старалась привезти родным какие-то подарочки и полезные вещи. Помню, из Румынии притащила маме какой-то дефицитный шампунь…

* * *

Первую золотую медаль с молодежкой мы выиграли в 1997 году в Словакии, на чемпионате Европы. Запомнился этот турнир тем, что там же игрался молодежный турнир для мальчиков, которые были старше нас на год. И наши тренеры очень радовались тому обстоятельству, что ребята из российской сборной не живут с нами в одной гостинице. После турнира наставники говорили: «Видите, мы не зря были категорически против вашего общения! Результат на табло, золотые медали – на

шеях».

Конечно, без каких-то детских глупостей и баловства с нашей стороны все равно не обходилось. Мы же совсем еще маленькие были. Любили, например, звонить тренерам, а потом бросать трубку. Когда наставникам это надоело, они после одного из звонков, десятого или одиннадцатого по счету, просто сняли трубку и положили ее на тумбочку. В итоге получилось еще интереснее. Тренеры не учли, что нам через снятую трубку слышно все, о чем они говорили между собой в номере. В итоге вся наша сборная уселась в кружок вокруг телефона, и мы передавали его друг другу по очереди. Правда, каких-то особенных сенсаций не услышали…

* * *

Переход в «Уралочку» проходил тяжело. И начался это процесс в том же 1997 году, когда меня взяли на молодежный чемпионат мира. Там и стали звать в Екатеринбург. Разговаривал со мной Юрий Мамаев, который был доктором как сборной, так и главной команды «Уралочки».

Попала в состав я достаточно просто: меня и еще нескольких игроков молодежки младшего возраста перевели в старшую команду. И я являлась для нашего тренера Валерия Константиновича Юрьева чем-то вроде счастливого талисмана. Когда на площадке возникала сложная ситуация, он подзывал меня, и я садилась рядом с ним на лавочку… А когда все выправлялось, отправлял обратно к запасным. Мамаев под конец турнира начал шутить: «Да посади ты ее на весь матч рядом с собой, чего гонять туда-обратно».

Игроком основы я не была, выходила на площадку только в полуфинале и финале. В итоге мы завоевали золотые медали. Понятно, что радости было очень много. Тем более турнир складывался непросто. Очень сложный получился матч с китаянками в полуфинале, с итальянками в финале…

После того чемпионата мира я сказала, что из «Метара» не уйду. Но в 1998 году снова уезжала в молодежку. Сорогин меня провожал – посадил в автобус и все приговаривал: «Ты только возвращайся к нам обязательно». Я, естественно, искренне собиралась вернуться. Но в молодежке меня снова продолжили уговаривать и в конце концов уговорили.

У меня был сложный период – заболела корью. И неделю должна была сидеть в номере одна-одинешенька. Ко мне никто не мог заходить, чтобы не подцепить вирус. Ну кроме доктора,

естественно. Он каждый раз обрисовывал мне будущие светлые перспективы – что в первую сборную можно попасть, только находясь в системе «Уралочки». Иначе никак. Естественно, я об этом постоянно думала. Звонила маме и тете несколько раз, советовалась, как поступить. То есть было очевидно, что для карьеры этот переход необходим, что это единственно возможный и правильный шаг… Но как я смогу после этого перехода посмотреть в глаза Сорогину и девчонкам из «Метара»? В меня поверили, когда я была еще совсем маленькой и ничего толком не умела, на меня делали ставку…

Но в итоге все-таки решилась. При этом Карполь сразу сказал: «Твоя мама должна жить вместе с тобой. В мае 1998-го я переехала в Екатеринбург, лето провела в различных сборных, а в ноябре ко мне перебралась мама. И мы снова стали жить с ней вместе.

Обычный жилой дом, два подъезда. Два этажа одного из подъездов, собственно, и являлись пансионатом «Уралочка». А в другом находились служебные квартиры. В одной из этих квартир мы и поселились.

Глава 4
«Уралочка» и Сидней-2000

Одно из самых ярких воспоминаний этого моего периода жизни – сборы в Алуште. Игроки «Уралочки» рассказывали мне про это место множество страшных баек. Мол, это не курорт, а самый настоящий ад. И все ужасы оказались правдой. Нагрузки действительно предлагались нечеловеческие.

Ни в детском волейболе, ни в «Метаре» я о таких тренировках понятия не имела. Приходилось в буквальном смысле слова выживать…

Меня поселили в одну комнату с Леной Василевской, пасующей «Уралочки». Потом она, кстати, стала первой связующей сборной. Когда я приехала в Алушту, она меня первым делом спросила:

– Ты днем спишь?

Я в ответ:

– Нет, никогда.

Она:

– Выжить хочешь?

Я растерялась.

– Хочу, конечно…

– Тогда срочно приучай себя днем спать. Иначе не выдержишь.

Собственно, очень скоро мне уже не нужно было объяснять, насколько полезен и нужен спортсмену дневной сон. Каких-то скидок мне никто не делал. Я просто приходила с утренней зарядки, влезала в чистую форму, чтобы не тратить потом время на одевание, падала на постель и на 45 минут вырубалась. А потом шла на другую тренировку. С другой стороны, после того как ты пережила утреннюю зарядку – считай, уже половина очередного мучительного дня позади… Да, впереди были еще две игровые тренировки, но все-таки при работе с мячами нагрузки были поменьше.

Очень тяжким упражнением для меня всегда был кросс. В конце 90-х это было 4–6 стадионных кругов по четыреста метров. А в начале двухтысячных Карполь поднял норматив уже до 8–10. Бегать я никогда не любила. Да что там не любила… Правильнее сказать – ненавидела. А тут каждый день начинался в 7 утра пробежкой в несколько километров по стадиону. Причем бежать надо было в хорошем темпе – на круг отводилось не более двух минут. Для меня это стало настоящей пыткой. Когда я стала

играть уже за первую сборную и Николай Васильевич говорил: «А теперь пробежка», меня это буквально вышибало из колеи. Пробежка в моем представлении – это что-то легкое, веселое. А те пробежки были мучительной тяжелой работой, это слово к данному виду деятельности не подходило категорически. Думаю, многие девчонки из сборной вспоминают их со слезами на глазах.

Еще в Алуште была дорога вдоль забора по всему периметру нашей базы. С многочисленными перепадами высот и естественными препятствиями. Ее называли «Давкин-стрит». Кажется, это как-то связано с человеком, который данную дорожку придумал. Но у меня это название ассоциировалось в первую очередь со словом «удавиться». По ней тоже нужно было бегать на время.

Еще была специальная дорожка из опилок. На ней прыгали, чтобы поменьше загружать колени…

Но самым страшным упражнением был поход в гору. Ну то есть как – поход. Поход – это когда весело, когда палатки, когда костер и «изгиб гитары желтой»… А это был забег в гору. Называлась она Демерджи, однако в сборной все звали ее Катя. После каждой тренировочной трехдневки у нас обязательным пунктом программы было восхождение на мою тезку. Примерно за час времени нужно добежать, добрести, доползти до вершины.

При этом некоторым девчонкам надевали пульсометры. Чтобы было видно, останавливались ли они по ходу подъема перевести дух. Мы эти приборы называли «сачкометры»…

Как-то мы с Настей Беликовой шли в эту гору и фактически заблудились. Я уже готова была просто сесть и заплакать, но она тянула меня за руку. «Надо продолжать двигаться, а то сачкометры нас выдадут». Ситуация сложилась безвыходная – куда идти непонятно, я вообще идти не могу, ей сачкометр «запрещает» оставаться на месте, а бросить меня одну на горе она, разумеется, не может. Не такой закалки человек. В итоге она, чтобы поднять себе пульс, принялась громко петь песни. И кстати, меня таким образом тоже взбодрила и расшевелила. Мы в итоге добрались до контрольного пункта и, кажется, даже уложились в норматив.

…Вот последние метры спуска с горы – это было настоящее счастье! Потому что они означали выходной. Когда от горы нас на автобусе привозили на базу, мы шли к морю и просто ложились в воду у берега. Плавать сил не было – мы просто лежали и пытались прийти в чувство.

…В Алуште очень много отдыхающих и соответственно много экскурсий. Мы, мне кажется, являлись составной частью одной из программ. Во всяком случае, когда мы толпой ехали к точке

очередного подъема на Катю, на нашем пути всегда встречались экскурсоводы со своими группами:

– Обратите внимание: это наша знаменитая волейбольная команда «Уралочка», многие игроки которой защищают цвета сборной страны! Они никогда ни с кем не здороваются…

А нам было не до «здорований». Берегли дыхание. И могли думать только об одном: поскорее бы кончился день, и можно будет доползти до своей комнаты.

* * *

При этом желания все бросить на этом этапе у меня уже точно не возникало. Да, приходилось очень тяжело. Но в какой-то момент почувствовала, что втянулась. А тренажерный зал так и вовсе полюбила! Реально очень прикольное ощущение – когда смотришь на свое тело и видишь, как оно день за днем меняется и трансформируется во что-то другое. Находишь мышцы, о существовании которых даже не подозревала. Эдакий «вау-эффект»… Я звонила домой и восторженно рассказывала маме и тете о своих достижениях: какую штангу подняла, сколько раз сделала то или иное силовое упражнение…

Понятно, что я была очень высокой и к тому же продолжала расти, поэтому тренеры подбирали мне небольшие веса. Особенно в толчке штанги. Другие девчонки работали с весом в 50 кг, некоторые даже больше. А моя норма на тот период – 35. Вообще мой максимум в толчке за все время работы с Карполем – 45 кг. Больше он не разрешал поднимать категорически.

В 1999 году я снова стала чемпионкой мира среди молодежи. Причем в этот раз уже стояла в основе и по итогам турнира в Канаде получила приз самой результативной волейболистки. Собственно, именно там местные болельщики дали мне прозвище Game Over. А девчонки примерно тогда же стали называть Гамби – это было созвучно с мишками Гамми из мультфильма.

Если в возрасте на год старше нашими главными соперниками были Италия и Китай, то в этом – Бразилия и Корея. С Кореей вообще отношения были накалены настолько, что до драки в формате «команда на команду» несколько раз не хватало совсем чуть-чуть, маленькой дополнительной искорки. Даже не знаю, какова предыстория этой «вендетты». Но во время матча с ними было немало жестов из разряда «ну, иди сюда» или «держите меня семеро», криков, эмоций. В итоге кореянкам в полуфинале мы отдали только один сет. А Бразилии в финале – ни одного.

Мне на этом турнире было очень сложно еще и потому, что я в Канаду отправилась из Китая – там принимала участие в Гран-при с первой сборной. Конечно, оказаться в Поднебесной очень интересно. Но времени, чтобы осмотреть какие-то местные достопримечательности, у нас не было. Тем более в команде случилась какая-то эпидемия, и в итоге в Канаду я летела с температурой 39 градусов. А первые тренировки на молодежном первенстве мира проводила… босиком. Стоило надеть кроссовки, ноги тут же сводило судорогами. Доктор Мамаев помог как-то справиться и с этой проблемой, и с последствиями акклиматизации.

То время всегда вспоминаю с оттенком легкой грусти. Это была очень дружная и классная команда. Все переживали друг за друга, поддерживали. Если кого-то из нас вызывали в основную сборную – никто не завидовал, все только радовались и желали удачи.

…Когда мы летели в Канаду, нам сразу сказали: «Вы будете играть на ферме».

Как на ферме? Почему?

Приготовились к худшему, однако реальность оказалась куда оптимистичнее. Милый городок Саскатуан с большой русской и украинской диаспорой. Местные жители регулярно привозили в студенческий кампус, где мы жили, огромные кастрюли с домашним борщом, еще какие-то вкусности.

А потом мы выяснили, что Канада – совершенно не деревня. Потому что, как узнала одна из девчонок нашей команды Оля Чуканова, в том самом зале, где мы играли, незадолго до этого выступали Backstreet Boys. А такая группа не станет давать концерт в деревне…

Как-то мы пошли гулять и неподалеку от местного университета сфотографировались с местными ребятами. Это была студенческая команда то ли по регби, то ли по американскому футболу. На следующий день эти фото были чуть ли не во всех канадских газетах… Вообще волейбол в Канаде любят. Мы-то думали, там всё, кроме хоккея, за спорт не признают. А канадцев на трибуны приходило много, и они создавали очень хорошую и доброжелательную атмосферу.

Был там один забавный случай. В зале флаги стран-участниц висели вдоль одной из стен. А во время исполнения гимна на построении команд на другой, противоположной, стене включался большой монитор. И показывал картинку с флагом. Естественно, мы поначалу смотрели на этот экран. Но после первого матча нам Мамаев сказал: «Девчонки, как же так, вы во время гимна стоите спиной к настоящему флагу своей страны!»

И на следующий день во время этой церемонии все 12 девочек нашей сборной, как взвод солдат, во главе с доктором синхронно развернулись на 180 градусов от экрана и стали «есть глазами» флаг России. Организаторы в панике: что случилось? В итоге после матча с нашим штабом долго беседовали люди из оргкомитета, и перед последующими матчами мы снова слушали гимн, разглядывая флаг на мониторе.

Ощущения того, что мы находимся в каком-то другом мире, не было. Все-таки это не Япония. Конечно, отличий от России много. Конфеты какие-то другие, даже еда на вкус иная. Но это такие маленькие отличия… Как в одном из диалогов из «Криминального чтива», когда герой рассуждает об отличиях между США и Европой.

…Понятно, что когда ты находишься в эпицентре событий, победа воспринимается немного по-другому, чем когда просто аплодируешь партнершам. Но я и за два года до этого тоже принимала непосредственное участие в двух решающих поединках молодежного чемпионата мира, хотя, конечно, мой итоговый вклад в победу оказался куда меньше. В любом случае радости в обоих случаях было очень много.

По приезде нас много хвалили, говорили, что мы молодцы, выполнили задачу. Непосредственно в Канаде наш тренер Виктор Николаевич Бардок наградил тем, что на банкете разрешил есть торты и пирожные в неограниченном количестве. И запивать все это кока-колой. Ну то есть не он разрешил, а мы сами себе разрешили, прикрываясь золотыми медалями. На протяжении всего турнира сладкое было под запретом, нас ежедневно взвешивали… А тут сказали доктору Мамаеву: «Имеем право!»

А вот каких-то призовых за победу не полагалось. Они выдавались только за победы с первой сборной.

* * *

За нее я в тот год тоже выступала параллельно с игрой за молодежку. Каких-то принципиальных отличий между молодежной и главной командами не было. Тренировки одни и те же, требования к дисциплине в жизни и на площадке тоже. Никаких послаблений или поблажек более юным девчонкам или, наоборот, самым заслуженным ветеранам не существовало. Все пахали наравне.

В те времена у меня вообще не было времени на какие-то увлечения. Главным хобби стал сон. Компьютерных игр не было, ноутбуков тоже. Кто-то читал, кто-то вязал, кто-то музыку

слушал… Я всегда очень любила рисовать, но сил на это почти не оставалось. В той же Алуште на сборах самым большим развлечением было после ужина прогуляться по набережной, дойти до почты и позвонить домой. А, ну конечно, еще втихаря купить трубочку со сгущенкой, чтобы никто из тренеров, не дай бог, не заметил. Съесть ее и потом провалиться в сновидения…

Когда Наташа Сафронова привезла себе из Японии компьютер – это стало настоящей сенсацией. Все к ней ходили в номер, пытались в нем разобраться. А потом нас в 2000 году перед Олимпиадой отправили на так называемый «восстановительный сбор» в Израиль. Кому-то из более опытных девчонок разрешили полететь вместе с мужьями и родителями. Но для нас, «молодняка», это был «отдых» в кавычках. Нас даже расселили по комнатам не так, как мы хотели, а исходя из каких-то тренерских соображений. Чему, естественно, все «юные таланты» были не слишком рады…

Наш с Настей Беликовой отдых заключался в том, что мы приходили к Наташе, забирали у нее этот компьютер и садились собирать пасьянс «Косынка». А ее отправляли на балкон читать интересные книги…

На этом сборе Карполь организовал нам экскурсию по Иерусалиму. Но она прошла в режиме «быстрой перемотки» – то, что другие туристы слушают и осматривают три дня, мы вынуждены были «проглотить» всего за день. Времени было не слишком много, а, конечно, хотелось посмотреть все самое интересное. Не считаю себя религиозным человеком – правильнее будет сказать, что я человек верующий. И вживую увидеть эти легендарные места было очень любопытно…

При этом верилось, что это нам поможет на Олимпиаде в Сиднее. Мы даже записки на Стене Плача оставляли. Правда, потом выяснили, что существует разделение стены на две секции – одна для женщин, другая для мужчин. Нам тогда об этом никто не сказал, и я сильно подозреваю, что мы воткнули свои записочки в «неправильном» месте. В любом случае нам было гораздо удобнее, чем остальным верующим. Внизу эти записочки буквально некуда было приткнуть. Ни одной свободной щели. А мы же гораздо выше и могли дотянуться наверх, до свободных отверстий.

* * *

В 1999 году я за все лето вообще ни разу не побывала дома – поочередно находилась в расположении сразу трех сборных:

студенческой, молодежной и первой. Уехала в мае и вернулась только в сентябре, после взрослого чемпионата Европы. Собственно, та золотая медаль континентального первенства стала для меня первой в главной национальной команде.

Конечно, этот период был сложным с точки зрения не только «физики», но и психологии. Команды возвращались с турниров, и игроки разъезжались по домам отдохнуть, а я летела на следующие соревнования уже с другими девчонками. И так несколько раз в течение лета.

Сейчас даже сложно выделить какой-то конкретный момент, когда я стала игроком первой сборной. Молодежка и основа тренировались вместе и в Алуште, и на базе «Уралочки». И молодых игроков часто подключали к занятиям первой команды.

При этом я после каждого лета, проведенного в сборной, ждала начала чемпионата России с нетерпением. Для нас национальное первенство было чем-то сродни развлечению. Когда перешла в первую «Уралочку», всегда говорила маме: «Хочу, чтобы чемпионат поскорее начался». Она поначалу не понимала почему. Вроде я со сборной только что отпахала несколько месяцев и должна хотеть отдохнуть.

А для меня игры за клуб были отдыхом. Тренировки не такие напряженные, как летом, поскольку постоянно нужно играть. Плюс перелеты и переезды. При этом мы всех выносили по 3:0 и сопротивления почти не замечали… И напрягаться не нужно. В одном из чемпионатов мы всего два матча не смогли закончить «всухую». Это на самом деле особенное ощущение – когда ты выходишь на площадку и точно знаешь, что легко победишь. С одной стороны, это хорошо. С другой – никакой конкуренции.

Впрочем, сборная России от этого никак не страдала. У национальной команды и так был очень интенсивный график, и конкурентных матчей и турниров у сборниц хватало. Сборы сборной начинались в апреле и могли длиться по полгода, до октября – ноября.

Собственно, деление в «Уралочке» на три команды было фактически номинальным. В зависимости от интересов сборной Карполь мог тасовать эти составы как хотел. Два раза я, выступая за номинально вторую команду, имела хороший шанс выиграть чемпионат России…

Первый раз это случилось в 1999 году. Я защищала цвета команды «Уралтрансбанк». 30 марта играли с «Уралочкой» в финале, уступили в напряженном матче со счетом 3:2. Вот что было написано в моем дневнике после этого поединка:

«Уступили со счетом 2:3. На матч вышли с таким настроем: проигрывать нам все равно нечего, надо играть так, как умеем.

Действовали с азартом, боролись за каждый мяч, помогали друг другу. То есть были единой командой. Но не хватило стабильности: то ошибались на приеме, то в нескольких расстановках подряд не могли сняться. И все-таки боролись до конца».

При этом за полтора месяца до этого мы «Уралочку» смогли обыграть! Было это 17 февраля. Матч тоже завершился тай-брейком, но в тот раз наша команда оказалась чуть сильнее. Правда, там не было многих ключевых волейболисток, которые на протяжении регулярки играли за границей, а ближе к финалу возвращались в Россию.

«Две первые партии взяли довольно уверенно. А потом расслабились. Проиграли два следующих сета из-за большого количества собственных ошибок. Много раз не справились с приемом, не могли забить по два, по три раза подряд, перестал работать блок, совершенно отсутствовала защита. Лично я в этой игре не помогла команде ни на блоке, ни в защите. На блоке никак не могла уловить направление удара, потому что смотрела на мяч, а не на нападающего игрока. А надо было следить за тем, как соперница разбегается, как двигает рукой. Ну и непосредственно во время постановки блока недорабатывала, плохо переносила руки на чужую сторону. Что до игры в защите, то в момент удара нужно было сидеть ниже и все время двигаться, чтобы занять правильную позицию во время удара».

Перед каждым сезоном Карполь объявлял, кто за какую команду играет. Безусловно, выступать именно за «Уралочку» было приятнее и престижнее всего. Но каких-то интриг или зависти это распределение никогда не порождало. Обычно молодежная сборная России играла за третью команду – «Малахит», а волейболистки первой сборной распределялись между двумя первыми – «Уралочкой» и «Уралтрансбанком». Главным в этой системе было то, что все получали достаточно игровой практики. При этом мы все воспринимали друг друга как одну большую и дружную семью.

К Карполю я, конечно, относилась, да и продолжаю относиться с большим уважением. Как к тренеру, как к учителю, который очень многое сделал для того, чтобы я стала игроком высокого уровня.

Собственно, даже не припомню каких-то обидных моментов при переходе в первую команду «Уралочки». Ну да, я должна была таскать сетку с мячами. Ну а что тут такого – я была самой юной, а это сложившаяся традиция. Если ты не играешь в основе – значит, должна помогать чем можешь. Еще помогала врачам и массажистам таскать их огромные сумки… Собственно, это

делали все молодые игроки, вне зависимости от того, сборная это была или клуб.

В какой-то период я на протяжении недели работала одновременно в первой и второй команде. То есть у меня было четыре тренировки в день – две утром, две вечером. Ничего, как-то выдержала.

Конечно, очень важным было еще и запомнить все то, что тебе говорили наставники. Но все-таки самое сложное на том этапе – просто физически выдержать эти нагрузки. Потому что в сравнении с тем, как я привыкла работать в Челябинске, это совершенно другой уровень.

* * *

Еще очень сложный момент – травмы. После операции на голеностопе в 2001 году меня привезли в зал на инвалидном кресле. Ощущения совершенно жуткие. Ты смотришь на людей, которые высоко подпрыгивают и быстро бегают. А сам сидишь в этой чертовой каталке и гадаешь – сможешь ли снова делать то же, что и они…

Когда тебе 28 или 30, уже сам разбираешься в болячках почти как спортивный доктор. Умеешь прислушиваться к своему организму и знаешь: так, вот это пройдет за две недели, а вот эту неприятную штуку надо лечить месяца полтора. Но в любом случае нет ощущения жуткой неизвестности.

Но тут тебе всего 20, перед тобой только-только открылись все дороги и горизонты, ты сыграла первые турниры за главную сборную, и поэтому тебе очень и очень страшно. Конечно, врачи меня как могли успокаивали и пытались подбодрить. Но если знание про то, что «все будет хорошо», вбито и вколочено в тебя всем твоим многолетним опытом – это одно. А когда то же самое говорит врач – ощущения совсем другие. В конце концов, у докторов работа такая: не только лечить, но и утешать пациентов…

Мне повезло, что этот разрыв связок случился в Германии. Прыгнула и приземлилась на ногу Инессе Коркмаз – в то время она еще носила фамилию Саргсян. Меня прооперировали там же, на месте. В России бы просто надели гипс на ногу. Ира Тебенихина получила аналогичную травму в Китае. Пока ее привезли в Россию, пока начали лечить… В итоге, на то, чтобы снова набрать форму, ей понадобилось несколько месяцев. А я свой первый прыжок сделала уже месяц спустя после операции, в августе, перед матчами Гран-при.

Причем было страшно, конечно, – вдруг нога не выдержит и подломится? Ну и вообще ощущения странные: ты привык взлетать высоко, а в этот момент я могла разве что газету перепрыгнуть. При этом передачи мне все равно давали, исходя из моих прежних возможностей. Привыкли уже… Но если раньше я часто била поверх блока – то теперь соприкасалась с мячом уже в тот момент, когда блок соперниц фактически приземлялся. И поэтому получалось так, что я все равно много забивала.

Кстати, какого-то избытка свободного времени у меня в тот период не образовалось. Я все равно находилась в расположении команды. Не случилось так, что я осталась одна, маленькая и никому не нужная. Конечно, поддержка других сборниц в тот тяжелый период была необходима, и я сполна ее получала…

Просто, пока все остальные работали на игровых тренировках, я занималась в тренажерном зале. Делала упражнения на руки, на пресс. Вскоре стала ходить и на обычные тренировки. Понятное дело, что работать вместе со всеми я не могла. Но в итоге закачала бицепсы и трицепсы до такой степени, что, стоя на месте, засаживала подачу словно из катапульты… Меня уже девчонки буквально выгоняли с тренировок, потому что не могли справиться с этими подачами.

Немецкие врачи составили для меня график индивидуальных занятий, и я его неукоснительно придерживалась. Мне изготовили специальный пластиковый сапог, и я спокойно могла ходить в нем без костылей. Под руководством массажиста Александра Ивановича Клюйкова делала разные упражнения для разработки голеностопа, с доктором Мамаевым занималась физиотерапией. Слава богу, восстановление мое никто не форсировал, да я не могла играть в полную силу. В результат уже месяца через три снова была в старте сборной.

* * *

Понятное дело, что всем игрокам «Уралочки» периодически хотелось отдохнуть и расслабиться. Мы были одного возраста – 17–19 лет. Вместе играли, вместе хулиганили – сбегали в ночной клуб…

Собственно, до переезда в Екатеринбург для меня понятия «ночной клуб» не существовало в принципе. В Челябинске в подобных заведениях ни разу в жизни не была. Ну а тут почти сразу после переезда девчонки стали регулярно звать меня «тусить».

Одеть мне, по сути, было нечего. Но, как говорила моя мама,

«Уралочка» на рубеже веков оставалась чуть ли не единственным местом на планете, где победил коммунизм. У нас все вещи были общими.

Пансионат «Уралочка» состоял из пяти отсеков, в каждом из которых по три комнаты. Соответственно, в каждой из этих комнат жили девочки, и у каждой можно было одолжить какую-нибудь часть «вечернего туалета». Собственно, даже деньги валялись в комнатах просто на тумбочках – никому в голову не приходило, что их кто-то может взять.

…Кстати, когда я играла в «Метаре», мы с мамой мою зарплату прятали под матрац. Банки, которые сначала завлекали рекламой по ТВ, а потом лопались один за другим, никакого доверия у нас с ней не вызывали. Как и Леня Голубков с МММ…

Так вот, мы общими усилиями наряжались и шли на дискотеку. Мне было легче, чем остальным, потому что я просто выходила из подъезда. А у девочек на выходе сидел вахтер, и поэтому они вынуждены были вылезать через окна. Спускались по решеткам с балконов второго этажа, я их внизу ловила. А потом, по возвращении, подсаживала наверх.

В клубах у нас было железное правило – «вместе пришли, вместе ушли». То есть было чувство ответственности друг за друга. Вообще мы всегда четко знали, когда можно идти в клуб, а когда категорически нельзя. То есть обычно шли ночью, которая предшествовала выходному дню.

Никто к нам не приставал, все местные нас хорошо знали. Охрана не то что контролировала, но приглядывала, чтобы никто нас не обидел. Иногда возникали какие-то приезжие персонажи, но достаточно было появиться охраннику, и они исчезали.

Танцевали под любую музыку. В какой-то момент я любила «Иванушек»… Но главное, чтобы драйв, чтобы весело. Кстати, в Алуште одно время главным хитом была песня Шуры «Холодная зима». Звучала отовсюду. А потом, через много лет, я узнала, что мой муж причастен к съемкам этого клипа…

При этом мы почти никогда не пили. Бокал шампанского я и раньше могла себе позволить, еще в Челябинске. Мне, кстати, вообще никогда не бывает плохо от алкоголя. У меня внутри стоит очень четкий счетчик, который всегда сигнализирует: «Стоп, Катя. Достаточно на сегодня». И поэтому у меня ни разу в жизни не было ситуации, чтобы я из-за выпитого перестала себя контролировать.

И ни с кем из девочек тоже не было такого, чтобы приходилось нести обратно в пансионат на руках. Во-первых, мы все-таки спортсменки, у нас крепкие организмы. Если девочка ростом метр пятьдесят выпьет полбутылки шампанского –

возможно, она вырубится. А у нас рост под два метра, нам такая же доза – даже глазом не моргнуть… Ну а во-вторых, мы действительно алкоголем не злоупотребляли. И без того было весело.

Разок чуть не «засыпались». Так получилось, что Карполь ехал на встречу с одним из спонсоров. И ему этот спонсор сказал: «Николай Васильевич, хотите, покажу, где ваши девочки отдыхают?»

Я почему-то именно в тот вечер осталась дома. Но следила за всей этой историей в режиме онлайн по эсэмэскам. Девчонки изначально отдыхали в двух разных клубах, потом решили объединиться. И тут одна из них прямо в коридоре увидела Карполя. Она молодец, не растерялась, мгновенно спряталась куда-то за угол, а потом быстро вернулась в зал к другим девчонкам со словами «Шухер, тут Карполь».

Все в шоке – что делать, не под стол же лезть прятаться… Ребята, которые были с девчонками, предложили: «Давайте мы его сейчас перехватим и пригласим в стрип-клуб. Там угостим. А вы тем временем сбежите».

В одном здании и даже в том же подъезде с ночным клубом действительно находился стрип-бар. Но эта смелая идея успехом не увенчалась…

При этом между двумя компаниями девчонок шла интенсивная переписка.

«Привет, вы внутри? Мы уже приехали, заходим».

«Тут Карполь».

«Какой Карполь?»

«Вы дуры, что ли? Николай Васильевич».

В итоге каким-то образом обе компании умудрились проскользнуть мимо грозного начальственного ока. Пулей в такси, в пансионат, одеяла на голову – все, спим, ничего не знаем…

Еще разок нас поймал доктор Мамаев. Все девчонки, когда уходили, оставляли на кроватях «кукол» из одежды, подушек и одеял. Юрий Васильевич зачем-то зашел в одну из комнат и увидел эти «скульптурные композиции». Прошелся по остальным комнатам – точно такая же история. Везде «мумии». Только в последней нашел единственного живого человека – Аню Артамонову.

– Где все?

А ей что отвечать? Что все одновременно ушли в туалет или душ? Все, в общем, и так понятно. Пришлось сознаваться:

– В ночном клубе.

– Дуры! Я же вам говорил, что Огиенко сегодня может с

проверкой прийти. Быстро звони всем, чтобы через десять минут были в кроватях!

Аня начала всем лихорадочно звонить и писать. Юрий Васильевич еще немножко пошумел, покричал. Потом, уже собравшись уходить, спросил:

– А ты-то чего не пошла?

– Колено болит… Неудобно со второго этажа спускаться.

К чести Мамаева, он нас тогда не сдал. Понятно, что в разных ситуациях он должен был вести себя по-разному, но тогда как-то обошлось.

В Москве, кстати, в ночных клубах вообще ни разу не была. Повзрослела, что ли. Это стало не нужно и не интересно.

* * *

…Первые золотые медали чемпионата России выиграла в 2001 году. Понятно было, что мы это первое место завоюем почти наверняка, но все равно эмоции были сильными. Это стало как бы новым этапом в жизни.

Как, конечно, и поездка на Олимпиаду 2000 года. Я уже писала, что какой-то дикой конкуренции – мол, ненавижу всех, растолкаю локтями и поеду на Игры – у нас не было никогда. Но само собой, попасть в итоговую заявку на олимпийский турнир было очень почетно.

При этом большинство «вакансий», разумеется, распределялись заранее. Но я на тот момент еще не входила в число тех, кому поездка в Австралию была гарантирована. Однако первой, о ком Карполь сказал: «Она едет на Олимпиаду», – оказалась именно я. Сюрприз, конечно, огромный.

Подготовка к Играм никак не отличалась от работы в другие годы. Закладывали «физику» столь же основательно, как и ранее. Ну а чтобы избежать проблем с акклиматизацией, прилетели в Сидней заранее, за неделю до начала Олимпиады.

Конечно, для меня это был настоящий восторг. Первые в жизни Игры – круто, здорово и очень интересно! То, о чем ты мечтал несколько последних лет, вдруг стало явью – непередаваемые ощущения…

Ну и сама атмосфера Олимпиады, когда ты на нее попадаешь впервые – это сложно описать словами. Огромная деревня, населенная легендарными спортсменами, большинство из которых ты раньше видела только по телевизору. Например, Немов с его пятью золотыми медалями. Боксеры, гандболисты… Вообще у России на той Олимпиаде была очень классная и

уверенная в себе команда. Много заслуженных-перезаслуженных ветеранов, наследников еще советской спортивной эпохи. Впрочем, специально с кем-то встретиться и познакомиться мы не пытались. Но когда пересекались в столовой или на прогулке, поздравляли с очередными победами, спрашивали, когда следующие выступления. Отношения между всеми членами российской делегации были очень хорошими. Можно даже сказать, семейными. А вот из зарубежных атлетов ни с кем не познакомилась. Да и желания особенного не было.

…Вспоминаю, как в Пекине-2008 бедный Роджер Федерер приехал пожить в Олимпийскую деревню. Так он сбежал оттуда через день. Ему просто не давали прохода, за сутки пришлось сфотографироваться несколько сотен, если не тысяч раз.

…В Сиднее жили в отличных условиях. Двухэтажные домики, большой развлекательный центр, где можно сразиться в игровые автоматы, сделать себе красивую прическу, выпить кофе – по уровню комфорта и организации это лучшая Олимпиада из всех, в которых я принимала участие. Эдакий пионерский лагерь, только самого высокого качества. Тем более что Виталий Георгиевич Смирнов, который тогда был президентом Олимпийского комитета России, каждый день проводил «линейки», награждал чемпионов и призеров. Собственно, я свою корочку заслуженного мастера спорта получила как раз на одном из таких торжественных построений. Смирнов, конечно, человек большой величины. Мне кажется, именно он на своих плечах держал замечательную атмосферу в российской сборной.

Как-то пришел в наш волейбольный домик Женя Кафельников: «Приходите меня поддержать, у вас же выходной завтра». Мы в ответ: «С радостью, но если сумеешь отпросить нас у Карполя. Если сами к нему подойдем, он точно никого не отпустит. Ну а тебе вряд ли откажет». В итоге я, Лена Василевская и Лена Година пошли на соревнования по теннису. Очень понравилось. Это вообще был первый раз, когда я смотрела большой теннис вживую. Женя нам даже подмигивал с корта…

В Сиднее нашей команде впервые выдали форму нового образца. Если раньше это были плавки и свободные майки, то на Олимпиаде – обтягивающие. Все удивлялись, когда видели нас в этой форме, выглядела она необычно и непривычно.

…Нам еще с погодой повезло. Обычно во время летних Олимпиад очень жарко, а в Сиднее в это время года климат комфортный.

Столовая, представлявшая собой огромный ангар, работала с утра до ночи. Питание было классное – опять-таки в отличие от других Олимпиад, где еда являлась проблемой номер один. В тех

же Афинах, если ты не пришел строго к началу завтрака, обеда или ужина, гарантированно оставался голодным. В Греции мы вообще всю Олимпиаду ели в «Макдоналдсе». Не гамбургеры, конечно. Мы путем экспериментов и ошибок нашли способ питаться нормально. Было там одно блюдо, состоявшее из салата и куска курицы на гриле…

Самую вкуснятину в сиднейской деревне привозили рано утром и поздно вечером. Народу в это время в столовой немного, поэтому у поваров было время побаловать спортсменов свежеиспеченными блинчиками, еще чем-то… Мы, правда, поздно вечером пойти в столовую не могли – режим был строгий. И на эти самые блинчики попали единственный раз – пораньше убежали с церемонии открытия и перед отбоем решили заглянуть в столовую. Но и в любое другое время все было очень вкусно, продукты разнообразные и свежие. В Сиднее, как и везде, в столовой были представлены несколько различных кухонь, но мы понимали, что Олимпиада не самое лучшее место для гастрономических экспериментов. И ели обычно стандартную европейскую еду, к которой привыкли.

* * *

Желание выиграть Олимпиаду у всех в нашей сборной было просто огромным. Со мной-то все понятно: мне всего 20, у меня вся карьера впереди, и шансы выиграть олимпийское золото, скорее всего, еще представятся. Но были в команде девочки, для которых эти Игры гарантированно являлись последними. Поэтому мы все очень-очень сосредоточились на том, чтобы добиться этой цели. Праздничная и красивая атмосфера вокруг – это, конечно, здорово. Но мы на нее почти не обращали внимания и не замечали, голова была забита другими мыслями.

…После проигранного кубинкам финала рыдали навзрыд всей командой. Мне было очень жалко тех девочек, для которых эта Олимпиада являлась последним шансом. Серебру никто не радовался. Собственно, даже если бы это второе место нам предложили перед стартом Игр, никто бы из команды на это не согласился. Нас с детства воспитывали в духе того, что никаких других медалей, кроме золотых, не существует. И серебро, и бронза – это только разновидности поражений, гордиться тут нечем.

Тем более перед началом олимпийского турнира было ощущение, что мы можем и должны стать первыми. И в общем то, как складывались соревнования, это ощущение подтверждало.

Олимпиада проходила тяжело, соперницы были очень сильны, но мы каждый раз демонстрировали характер. На групповом этапе одержали 5 побед в 5 матчах. В том числе над кубинками, которым впоследствии уступили в финале. Собственно, и матч в группе с островитянками сложился сверхдраматично: уступали по сетам 1:2, но в итоге вырвали выигрыш на тай-брейке со счетом 15:13.

В четвертьфинале встречались с Китаем, и счет 3:0 ни в коей мере не отражает характер борьбы. Каждый сет заканчивался на «больше-меньше». Причем первый мы взяли со счетом 27:25, а третий – 28:26. В полуфинале только в пятой партии смогли сломить сопротивление американок. Причем там как получалось: «свои» сеты мы брали довольно легко, а игроки сборной США свои буквально выгрызали. Вообще Америка в Сиднее очень сильно всех впечатлила. За полгода эта команда прибавила фантастически, тренеры сумели подвести ее к Олимпиаде на пике формы. Честно сказать, столь блестящая игра американок стала сюрпризом для всех, и для нас в том числе. К счастью, на тай-брейке мы смотрелись убедительнее и взяли его со счетом 15:8.

Ну а потом было горькое разочарование финала… Кубинки в те годы считались нашими самыми принципиальными и главными соперницами. Сборная России вновь демонстрировала и волю, и характер. Первый сет вытащили – 27:25. Второй и вовсе взяли в запредельной по драматизму борьбе – 34:32. Вообще, подавляющее большинство концовок сетов, которые заканчивались с разницей в 2 очка, наша команда на той Олимпиаде выигрывала. Сборная образца Сиднея-2000 была поистине классной.

…Помню, незадолго до Олимпиады мы участвовали в одном турнире. Играли на фоне тяжелых нагрузок. И почти каждый матч заканчивался со счетом 3:2. При этом было такое ощущение, что сил хватит еще на один пятисетовый поединок прямо сейчас. Вообще легко и безо всякого напряжения…

Ну а вот на последние партии с кубинками этих сил, видимо, не осталось. Они, конечно, играли фантастически.

Причем игру я… фактически не видела. По ходу каждого розыгрыша поворачивалась к площадке спиной, и только по реакции трибун определяла, в чью пользу он завершился. Так получилось, что в первом сете я на миг отвернулась во время одной из атак, и наша команда выиграла очко. Тут же соорудила себе из этого счастливую примету. И она очень долго работала. Вообще все запасные старались помочь основе, чем могли – чего мы только не придумывали!

А вот мыслей типа «вот выпустите меня сейчас, и я эту Кубу

порву» точно не возникало. Отдавала себе отчет, что на площадке находятся игроки, которые опытнее и лучше, чем я. И чем-то помочь, сыграть лучше, чем они, – не смогу. Хотя, конечно, в каких-то играх выходила на замену, что-то забивала… С той же Кубой в группе Карполь меня выпускал.

…Последний мяч кубинок в финале помню очень хорошо. К этому времени я уже «отложила» свою примету и смотрела игру во все глаза. Регла Торрес забила последний мяч, и эта картинка навсегда останется у меня перед глазами. Казалось, мечта была уже в руках… и упорхнула.

* * *

Может быть, сказалось то, что ночью накануне финала мы фактически не спали. В соседнем с нами коттедже жили российские синхронистки, которые взяли олимпийское золото. И они праздновали его так бурно, что отдохнуть толком не удалось. В итоге уже под утро кто-то из девочек попросил Карполя, чтобы он синхронисток своим авторитетом угомонил. Он сходил, все сделал, но в любом случае разруливание этой ситуации заняло большую часть ночи.

Запомнилось и то, как свою победу отмечали мальчики-гандболисты. Мы летели обратно в Россию вместе с ними. В самолете на протяжении многих часов была открыта багажная полка, на которой стоял включенный кассетный магнитофон. Пела группа «Любэ». Собственно, их веселье немножко помогало отвлечься от собственного разочарования.

Собрание прошло на следующий день в Олимпийской деревне. Было очень тяжело вновь возвращаться к теме проигранного финала. Нам сказали, что работать надо еще больше, что по возвращении время тренировок будет увеличено. После собрания мы шли все зареванные, и в деревне все, кто нас видел, были в недоумении. Все-таки серебро – не самый плохой результат, мягко говоря.

Но для всех нас в тот момент это была настоящая трагедия. Очень больно и очень сложно… Засыпала я тяжело, в голове все время крутилось: «Ты могла стать олимпийской чемпионкой, это было так близко, совсем рядом». Конечно, со временем боль утихает, ты начинаешь думать о будущем. Но все равно очень обидно. Такие удары лечат только время и новые турниры.

…На концовку олимпийского волейбольного турнира прилетал губернатор Свердловской области Эдуард Эргартович Россель, а также главный спонсор «Уралочки», генеральный

директор НТМК Сергей Константинович Носов. Они нас забрали после финала и устроили торжественный ужин. Все серебряные медали сложили в огромный бокал с шампанским, и все по очереди из него пили и говорили тосты. Когда очередь дошла до меня, я какую-то небольшую речь, конечно, сказала, но шампанское только понюхала и передала дальше. У нас в команде официальные законы были, как в Америке, – до 21 года никакого алкоголя. Все посмеялись, стало как-то чуть полегче…

А в последний день нашего пребывания в Сиднее отправились в зоопарк. Посмотрели кенгуру, утконосов, коал. Животные были очень милые, но настроение у нас, конечно, оставалось минорным. А тут еще и мама Лены Годиной позвонила и сказала, что волейболисты-мужчины свой финал тоже проиграли со счетом 0:3 сербам.

Мы потом этот матч смотрели в записи, и был там один момент, после которого стало ясно, что наши ребята не выиграют. Один из братьев Грбичей, Владимир, спасая мяч в защите, перепрыгнул через рекламные щиты, сохранив своей команде доигровку. Сербы перекинули мяч на нашу половину, последовал пас на Шулепова… Я даже успела сказать девчонкам: «Смотрите, сейчас его один в один закроют». Так и случилось. Вообще подобные эмоциональные розыгрыши часто решают судьбу матчей. Нам вот с кубинками такого эпизода не хватило.

Глава 5
Проклятие Лиги Чемпионов и Афины-2004

Возможность стать игроком основного состава сборной мне представилась в 2001 году. У Лены Годиной случилась травма, и меня поставили на ее место. Правда, ненадолго – ровно до того момента, как я повредила голеностоп на отборочном турнире в Германии. Вернулась в состав уже в ноябре 2001 года на всемирном Кубке чемпионов. И там взяла сразу две индивидуальные номинации. Стала самым результативным игроком турнира и лучшей блокирующей. Конечно, это было очень приятно и радостно. Но все равно такого ощущения «ура, теперь я лидер, на мне вся ответственность» – не возникло.

Вообще я к слову «лидер» отношусь негативно. И к себе его никак и никогда не применяю. Какое-то оно чуждое и непонятное… Вот что такое «вести команду за собой»? Как вести – на веревочке? Команда что – корова? А я – пастух?

Ты просто выходишь на площадку и делаешь свое дело…

На тренировках первой сборной в какой-то момент стало попроще. Но вовсе не потому, что закончился период игры за молодежку. Просто одно дело, когда тебе 17 лет и ты пашешь на нескольких фронтах – и в клубе, и с молодежной сборной, и с первой. И у тебя к тому же нет никакого опыта справляться с подобными нагрузки… Все, что есть, – это только огромное желание не сдаваться.

Но постепенно организм адаптируется к такой работе. И со временем ты становишься выносливее и крепче.

Ну а психология… В этом смысле мне всегда было легко. Меня никто никогда не воспринимал как маленькую девочку, которой можно делать какие-то поблажки и прощать ошибки. Когда в 14 лет Сорогин забрал к себе в команду, с меня сразу стали спрашивать как с полноценного игрока состава. И в паспорт мой никто не смотрел. Благодаря такому жесткому, но справедливому подходу я с юного возраста научилась нести ответственность за результат в команде.

Вот когда в 17 лет я пришла в «Уралочку», мне с другими девчонками-сверстницами на тренировке Огиенко как-то сказала: «Ну ничего страшного, ошиблись – вы же еще маленькие». Для меня это звучало как дикость какая-то… Потому что уже привыкла к тому, что всегда должна отвечать за свои ошибки.

Конечно, играть в «основе» психологически куда комфортнее, чем стоять на замене и ждать, когда тебе предоставят шанс выйти на площадку. Да, большинство девчонок в «Уралочке» были старше и опытнее меня. Могли и наорать, если вдруг накосячишь… Но при этом всегда готовы были подсказать в сложной ситуации.

В то время я жила в одной комнате с Леной Василевской – нашей связующей. Не то чтобы она из-за этого пасовала мне чаще, чем остальным, но человеческое и игровое взаимопонимание у нас с ней действительно было хорошее.

В командах Карполя особенного разнообразия в атаках не было, чаще всего связующие пасовали в края. Поэтому недостатка в передачах я не испытывала.

При этом во время игры времени задумываться об этом и уж тем более паниковать: «Вот сейчас мне прилетит передача, а вдруг ошибусь и проиграю?» – не было никогда. Тебе просто пасуют, ты забиваешь. Радуешься, что справился – и готовишься к следующему розыгрышу. Или, если это был матчбол, радуешься чуть больше – и начинаешь готовиться уже к следующему матчу…

…Мне как-то Таня Грачева сказала, когда я играла уже за казанское «Динамо»: «Вот Женю Старцеву все ругают и обвиняют, что она в концовках партий почти всегда пасует тебе. Ведь соперники это знают и подстраиваются. Но я бы поступала точно так же! Потому что если есть игрок, в котором связующая уверена на сто процентов, надо пасовать именно этому игроку. И не важно, через двойной или тройной блок придется бить. Главное – уверенность в том, что забьет. В данном смысле чем проще, тем лучше, как в поговорке про лом и прием. Зачем крутить какую-то сложную комбинацию, к которой могут оказаться не готовы не только соперницы, но и партнерши по команде?»

Никаких особенных «фишечек» в моих взаимодействиях с Василевской не было и быть не могло. Простая высокая передача, с которой я обязана была забивать. Иногда Карполь задавал мне риторический вопрос: «Ты что, умеешь играть быстро?» И тут же сам на него отвечал: «Нет, ты не умеешь играть быстро. Поэтому атакуй только с высоких мячей».

Хотя на тренировках мне нравилось играть быстро. В какой-то момент я попробовала использовать эти навыки в матче – сыграть быстрее, чем обычно. Но тренеры это быстро пресекли. Потому что если бы вдруг быстрая атака в матче не получилась, голову отвернули бы не только мне, но в первую очередь связующей. Рисковать не хотелось ни собой, ни пасующими.

* * *

Хотя, конечно, никакие наши возможные ошибки в чемпионате России по определению не могли стать фатальными. «Уралочка» в те годы была на две головы выше всех. Золотые медали можно было вручать еще до начала чемпионатов. А проигранные в течение сезона не то что матчи – сеты! – можно пересчитать по пальцам одной руки.

Как-то мы умудрились уступить в Балаково, и нас тут же обвинили в сдаче матча. Потому что там складывалась какая-то сложная закрутка перед плей-офф: кто-то вылетал, кто-то не хотел с кем-то играть… На самом деле – полный бред! Просто возникла такая ситуация, что у нас кто-то заболел, и в итоге центральная блокирующая должна была играть в четвертой зоне.

При этом никаких сложностей с настроем у меня никогда не возникало. Наоборот, ощущение того, что ты не проиграешь ни в коем случае, всегда добавляло мне уверенности. Эдакий детский кураж. Это же здорово, когда ты прыгаешь выше всех и можешь бить поверх блока! Настоящий кайф…

Но никакой анархии на площадке у нас никогда не было. Ощущения вседозволенности – какими бы глупостями ни занимались по ходу игры, все равно победим – тоже. Наоборот. Мы были очень дисциплинированной командой. Делали именно то, что нужно, то, что требовал тренер. И вопросам разбора тактики соперников уделяли очень много времени.

Как я уже писала, у каждой из нас были специальные дневники, куда заносились все сведения о ближайшем оппоненте. И перед каждым матчем Карполь проверял у нас «домашнее задание»: мы рассказывали ему, куда та или иная соперница любит бить, какие особенности защиты и блока.

А после матча еще и писали разбор собственной игры. В школе пишут сочинения «Как я провел лето», а мы писали на тему «Как я провела такую-то игру». Впрочем, мы быстро раскусили, как надо правильно писать эти разборы. Рецепт удивительно простой: чем больше ты себя ругаешь, тем лучше. Поэтому мы даже друг у друга спрашивали, советовались: «Не помнишь, где я еще могла накосячить?»

Даже подумать нельзя было о том, чтобы написать о себе хвалебный отзыв! Вот один из примеров «правильного» отчета о моей игре.

«В концовке третьей партии проиграли три мяча на приеме. Я не смогла сняться. И вообще забивала через раз, потому что опять испытывала проблемы с техникой удара. Снова бью локтем… Нужно оставаться после тренировок, стоять у стенки и отрабатывать правильный замах. Кроме этого, опять не успеваю на блоке выносить руки. Поэтому всегда должна их держать

вверху».

…Еще я очень любила в этих дневниках рисовать и записывать какие-то смешные фразы Карполя. «Коллекционированием» этих «афоризмов» увлекалась не только я, но и многие другие девчонки в команде. Как-то Карполь случайно увидел у кого-то эти записи – и все листочки с цитатами из дневника повыдергивал. На растопку, наверное…

Конечно, со стороны могло показаться, что тренер излишне к нам придирается. Команда катком прокатывалась по всем соперникам в чемпионате России, а критики мы слышали гораздо больше, чем похвал. Но на самом деле нельзя играть идеально, поэтому повод для критических разборов действительно находился всегда. И я не могу сказать, что это плохо. Как я уже сказала, это была одна из самых дисциплинированных команд в моей карьере. Тем более что в «Уралочке» хватало молодых девчонок, и по большому счету мы только начинали учиться играть в волейбол.

Кстати, нельзя сказать, что Карполь ругал всех подряд. Больше всего всегда доставалось пасующим. К ним предъявлялись наиболее высокие требования, и именно к ним были обращены самые громкие крики.

Конечно, особенного спуску Карполь никому не давал, но все-таки к каждой из нас у него был индивидуальный подход. На кого-то действительно кричал во весь голос. А кому-то иногда просто и спокойно объяснял ошибки. Понятно, что молодым игрокам всегда доставалось больше, чем тем, на кого он делал главную ставку в клубе и сборной.

Я, наверное, находилась где-то посередине этих двух категорий. Меня он чаще всего упрекал в недостатке техники. Я пришла к Карполю в 17 лет, и меня фактически полностью переучивали. От той техники, которой меня учили в Челябинске, осталась только передача сверху. Все остальное Карполь исправлял. В любом случае многие девчонки мне говорили: «На тебя Карполь кричит по-особенному. Меньше, чем на остальных».

Не знаю… Мне так совершенно точно не казалось. Зато я «нашла» в общении с Николаем Васильевичем свою персональную хитрую тактику. И эта тактика работала, как надежные швейцарские часы. Только он начинал на меня кричать, я принималась смотреть ему в глаза. Не моргая и ни на мгновение не отводя взгляд. И этот детский «гипноз» действовал! Голос тренера становился все тише и тише, и уже к середине своей тирады он переходил на спокойный тон.

Когда я сделала для себя это открытие, стала постоянно применять эту тактику и у меня началась «райская жизнь»!

* * *

Райская – исключительно с точки зрения комфортного пребывания в команде. Никаких больших денег в российском волейболе тогда не было. Точнее даже будет сказать, серьезных денег не было в «Уралочке». Например, волейболистки из Хабаровска зарабатывали гораздо больше, чем сборницы из Екатеринбурга. Это мы точно знали. Ну а за границей, понятное дело, контракты были еще серьезнее.

Карполь был таким менеджером, который сам продавал игроков. Сам обсуждал все условия контрактов, бонусы…

В результате зарплаты в «Уралочке» были весьма скромными. Главный наш доход составляли призовые за выступления в сборной. При этом Карполь и эти призовые тоже распределял самостоятельно. То есть на всю команду выделялась какая-то сумма, а он лично решал, кому сколько выдать, кто на какой гонорар «наиграл». В любом случае эти призовые, как я уже сказала, были для нас не просто очень хорошим финансовым подспорьем, а главным заработком.

Все свои деньги приносила домой. Помню, первая серьезная премия составила тысячу долларов. Кажется, в 1999 году…

Первую машину смогла позволить себе купить только в Москве, когда мне было 27 лет. До этого передвигалась на метро, электричках и не чувствовала какого-то особенного дискомфорта. А в Екатеринбурге – пешком и на такси.

* * *

…Если в чемпионате России конкурентов у «Уралочки» не наблюдалось, то Лигу чемпионов покорить так и не удалось. Может, дело как раз в отсутствии конкуренции во внутреннем чемпионате. Если бы у нас было больше опыта битв в концовках сетов и матчей, наверное, игралось бы полегче. Но скорее сказывалось то, что в «Финалах четырех» главного еврокубка тогда действительно играли очень сильные команды. Итальянские, французские и турецкие команды собирали настоящие сборные мира – финансовые возможности им это позволяли. Причем главными звездами во многих командах были именно россиянки… Ну а для меня Лига чемпионов долгое время была «проклятым» турниром. Плакала после каждого «Финала четырех». Ну, собственно, не только я – вся команда.

В самом первом розыгрыше в 2001 году в Нижнем Тагиле мы в полуфинале уступили итальянской «Модене». Вели по сетам 2:1,

но в итоге проиграли на тай-брейке. Очень обидным получилось то поражение. Мы взяли первую партию, а по ходу второй лидировали 24:21… Я тогда набрала 37 очков, но команде это не помогло. А Карполь в разговоре с журналистами главной причиной неудачи назвал как раз тотальное отсутствие конкуренции в российском первенстве. Потом в игре за третье место мы уверенно переиграли турецкий «Эдзачибаши» – 3:1, но, конечно, эта победа не слишком всех обрадовала. Как и меня – неожиданный титул MVP и звание самого результативного игрока турнира. Все-таки мы привыкли всегда быть первыми…

В следующем году в «Финал четырех» вообще не попали – уступили по сумме двух матчей испанскому «Тенерифе» в 1/4 финала.

Самой обидной для меня получилась, конечно, третья Лига чемпионов. В плей-офф мы победили польскую команду «Нафта-Газ». Первый поединок сложился тяжело, выиграли только на тай-брейке со счетом 16:14. Зато во втором матче легко привезли соперницам «баранку». Причем решающий турнир должен был проходить как раз в польском Пиле, где базируется эта команда. Но мы лишили местных болельщиков удовольствия поддержать своих в «Финале четырех»…

В полуфинале встречались с «Бергамо» и прошли этот клуб, по сути, на одном дыхании. В первой партии позволили соперницам набрать всего 11 очков, во второй – 15. Третий сет итальянки вымучили на «больше-меньше», но после этого в четвертом все снова встало на свои места – 25:19.

В финале играли с действующим чемпионом турнира, французским «Канном». Вообще не помню, были ли у них в составе француженки… Две китаянки, итальянка Равва, финка Лехтонен, чешка Букова, украинка Фомина. Возглавлял эту сборную планеты китайский тренер.

В итоге мы взяли первый сет, но затем соперницы перестроили свою игру. А мы – не смогли. Карполь после матча сказал, что команде не хватило сил на два поединка. Не знаю… Мне лично сил хватило. В итоге я снова стала самой результативной волейболисткой «Финала четырех», но это, конечно, слабое утешение.

Примечательно, что в двух следующих турнирах MVP самыми результативными были признаны покинувшие «Уралочку» россиянки – Елена Година привела к победе испанский «Тенерифе», а Люба Соколова – «Бергамо»… Не скрою, каждая из нас в то время не отказалась бы от хорошего предложения из зарубежного клуба.

В следующий раз я принимала участие в Лиге чемпионов

только через несколько лет, уже в составе московского «Динамо». И вновь наша команда проиграла в финале! Было это в сезоне 2006/2007. Встречались с итальянским «Бергамо». Соколовой в составе у них тогда уже не было, но хватало других звездных игроков. Турнир проходил в швейцарском Цюрихе, и золотой матч получился долгим и упорным. Итальянки два раза выходили вперед по сетам, мы оба раза счет сравнивали. Но в итоге в пятой партии все равно уступили – 11:15. Меня тогда, кажется, признали лучшей подающей турнира…

Через два года снова встретились с «Бергамо» в финале. И снова проиграли, и снова на тай-брейке! Что ж за мистика такая… Притом европейская кампания складывалась у нас очень удачно. Вплоть до финала мы не проиграли в Лиге чемпионов ни единого матча! Более того, всего один раз в сезоне позволили соперницам довести дело до тай-брейка – это удалось «Тюрк Телекому» в четвертьфинале. Все остальные поединки выигрывали либо 3:0, либо 3:1.

В золотом матче мы проиграли первый сет, но взяли два следующих. Однако в четвертом снова оказались слабее – 24:26. Причем у нас даже был матчбол… А потом уступили и на тай-брейке. Который, кстати, тоже складывался очень драматично. Мы неудачно начали, «горели» 4:8, но в итоге сумели восстановить равновесие. Однако при счете 10:10 итальянки взяли 5 очков подряд…

Игроки «Динамо» по итогам «Финала четырех» получили россыпь индивидуальных призов: Симону Джоли признали лучшей нападающей, Ирину Кириллову – лучшей связующей, я стала самой результативной. Но что толку?

В следующем сезоне я выступала уже за «Фенербахче». И снова моя команда за весь сезон не проиграла ни одного матча. Не только в Лиге чемпионов, но и в турецких чемпионате и Кубке. Однако в финале главного еврокубка этот «Бергамо» снова оказался сильнее. И снова со счетом 3:2! Мы уступали по сетам со счетом 0:2, сравняли… Увы, тай-брейк вновь оказался несчастливым.

Я получила свой уже «дежурный» приз самому результативному игроку «Финала четырех». А осуществление мечты о победе в Лиге чемпионов пришлось отложить на несколько лет – до переезда в Казань. Но это уже другая история…

* * *

Что до «Уралочки», то последним турниром сборной, в котором я де юре являлась игроком этого клуба, была афинская Олимпиада. Где до золота нашей команде не хватило совсем чуть-чуть.

Да, для меня лично те Игры складывались неплохо. В итоге меня даже признали лучшим игроком турнира. Но я какой-то особенности своей роли не ощущала. Чувствовала себя точно таким же игроком, как и все остальные. Да, наверное, журналисты, специалисты и болельщики воспринимали меня на этом турнире по-особенному и каждый раз ждали чего-то особенного. Но в раздевалке и непосредственно на площадке никаких изменений не было.

Мои внутренние ощущения тоже никак не поменялись. Никогда не возникало мыслей: «Ой, я много забиваю, теперь все на мне, я должна все решить». Чувствовала себя просто одной из деталей очень хорошего механизма. Если все детали работают хорошо – значит, и результат получается хороший.

С тактической точки зрения за четыре года, прошедшие после Сиднея-2000, ничего ровным счетом не поменялось. Да, состав стал другим. Но идея в атаке оставалась той же, передачи все так же отдавали в края – мне и Любе, мне и Любе… Если бы не проблемы с коленями у Лизы Тищенко, не ее запоздалая операция – в атаке было бы гораздо больше вариантов.

Многие задаются вопросом: чего нам не хватило в финале, чтобы дожать китаянок при счете 2:0 в нашу пользу? У меня на это есть свое мнение. Не чего, а кого – Насти Беликовой. До сих пор не понимаю, почему Карполь не взял ее в Афины. Лиза Тищенко перенесла операцию и физически не могла показать на Олимпиаде свой лучший волейбол. Настя команде очень сильно бы пригодилась, ее действительно не хватало. На самом деле так считаю не только я…

Да, первые две партии мы вытащили на характере. Что называется, «на зубах». Обе – на «больше-меньше». Первую – со счетом 30:28, вторую – 27:25. Ну а потом… Я даже не очень хочу писать об этом матче! Почти его не помню и ни разу в жизни не пересматривала. Чуть ли не единственное, что отложилось в памяти – красивый эпизод в начале поединка, когда подняла мяч в защите и тут же его забила. И еще запомнилась поддержка российских болельщиков. Их было очень много, и шумели они здорово…

Как-то обсуждали афинскую Олимпиаду с Мариной Бабешиной: она сказала, что тоже ту запись не смотрела никогда.

Вот историческим полуфинальным матчем против Бразилии мы с девчонками буквально обсмотрелись! Его вспомнить

лишний раз очень приятно…

Многие говорили, что в борьбе с бразильянками мы оставили все силы и все эмоции, и поэтому на Китай уже ничего не осталось. Но по-другому выиграть у той Бразилии было нельзя! Только на эмоциях, только на бешеном накале и кураже можно было отыграть эти матчболы в четвертой партии.

Бразильянки сначала слишком рано поверили в свою победу, а потом откровенно испугались. Мари, которая «вваливала» нам весь матч и в итоге набрала 37 очков, в решающий момент не смогла забить ничего. То заступ, то аут…

Помню, что у меня внутри было четкое ощущение: даже при катастрофическом счете 19:24 в четвертом сете ничего еще не ясно. И это не просто фигура речи. Это действительно было то, что я ощущала в тот момент. Игра не закончена, пока не закончен последний розыгрыш. 5 матчболов? Их еще надо реализовать… Пока судья не свистнул и не подвел итог, надо продолжать сражаться.

В итоге это «мы можем, мы хотим, мы должны» сработало. Да, соперницы не выдержали психологического напряжения и наошибались. Но это часть игры. В концовках вообще обычно побеждает не тот, кто выше прыгает или сильнее бьет. А тот, кто конкретно в этот день сильнее психологически.

Этот матч, мне кажется, перевернул все отношение к российскому волейболу. И конечно, после такой легендарной победы вдвойне, втройне обидно было уступить в финале. Да еще и после 2:0 по сетам…

После Бразилии в раздевалке мы пытались создать атмосферу «сдержанного оптимизма». Понятно, что эмоции бушевали, но все прекрасно понимали: надо успокоиться, еще ничего не закончено, самый важный матч впереди.

В олимпийскую деревню с полуфинального матча приехали уже поздно ночью. На балконе стоял Леша Вербов еще с кем-то из волейболистов. И чтобы никого не разбудить, они принялись шепотом скандировать: «Молодцы! Молодцы!»

…Ну а после финала нас повезли в Русский дом. Понятно, что настроение у всех было далеко не праздничное. Но, наверное, это решение руководителей российской делегации оказалось правильным. Не чтобы мы забыли о поражении или стали воспринимать его менее болезненно, но все-таки приятно было почувствовать поддержку. Для нас пели, говорили теплые слова. Поздравляли. Все стали вспоминать, что некоторые журналисты перед Афинами пророчили нам в лучшем случае вылет в четвертьфинале, а мы в итоге на серебро наиграли и скептиков посрамили. Немножко отпустило…

Если бы мы после матча просто поехали в деревню и разошлись по своим комнатам, то было бы гораздо тяжелее. А так после Русского дома стало чуть полегче…

Конечно, все равно мы ревели. Тем более что олимпийский турнир действительно был очень трудный и тяжелый. И не хватило буквально полшага до победы…

При этом изначально, как обычно и как всегда, настраивались на золото. Нам было все равно, что скептики не верят в команду. Все эти обидные прогнозы – «пятое-шестое место – потолок для сборной России» – только добавляли злости, подстегивали. Очень хотелось доказать всем и каждому, что именно мы – лучшие.

* * *

…С точки зрения быта и организации Афины-2004, конечно, проигрывали Сиднею-2000 с сухим счетом. Абсолютно по всем позициям.

Деревня представляла собой комплекс двух- и трехэтажных домиков. Сначала телевизоров в этих домиков не было, как факт. Вот просто не было, и все. Потом с горем пополам выделили один-единственный на весь наш дом, где мы жили вместе с мужской волейбольной сборной. Правда, Карполь эти совместные посиделки перед голубым экраном старался минимизировать. Ему жутко не нравилось, что девочки сидят вместе с мальчиками. И могут думать не об игре, а неизвестно о чем…

Кормили плохо. До арены добирались всегда очень долго, через пробки.

Ну а когда ты сдаешь в стирку свою форму, а тебе вместо белых маек приносят розовые, окрашенные – это никуда не годится! У нас было всего два комплекта белой формы. И на протяжении всей Олимпиады мы эти последние оставшиеся майки стирали исключительно руками, самостоятельно.

Еще был забавный момент, связанный с формой… Правда, уже не по вине организаторов – сами напортачили. Мы должны были играть с Германией и уже стояли в подтрибунном помещении, готовились выйти на площадку. Смотрим – а соперницы тоже в красной форме, как и мы. Стоим, смеемся над ними: «Вот вроде же немцы – самая аккуратная нация, а так накосячили». И тут один из наших тренеров, Михаил Дмитриевич Омельченко, начинает в ужасе бегать и что-то выяснять с организаторами. Оказалось, не немки перепутали, а мы…

И вот тут стало страшно. Потому что никогда раньше в такую

ситуацию мы не попадали. А вдруг техническое поражение? Тем более это же Германия. Игры с ней далеко не всегда складывались просто. И настраивали нас по принципу: «Это же потомки фашистов, надо отомстить за дедушек и бабушек, вперед, за Родину и Сталина!» Карполь такую риторику очень любил и перед матчами с немками постоянно использовал.

К счастью, на игре был отличный супервайзер. Доминиканец. Спокойный, как скала, и очень дружественно к нам расположенный. Он пошел объяснять ситуацию судьям, и в процессе этого диалога весело нам подмигнул. Только в этот момент отлегло от сердца: стало понятно, что технические 0:3 нам не грозят.

Времени на то, чтобы посещать какие-то другие соревнования, у нас, как обычно, не было. Со всеми российскими спортсменами общались только в деревне. Причем чаще всего в медпункте на каких-то процедурах.

Помню, впервые увидела Свету Кузнецову и долго не могла понять, каким видом спорта она занимается. Только когда, говоря по мобильному телефону, она несколько раз произнесла слова «сет» и «гейм», я смогла ее идентифицировать. На типичную теннисистку она была не очень похожа. Мы знали, например, Настю Мыскину, Лену Дементьеву, которые были тоненькие, как русские березки…

Вообще на тех Играх было много знаковых выступлений российских спортсменов. Эпичное противостояние Исинбаевой и Феофановой. Выступление Немова, которого засудили, и болельщики готовы были линчевать судей. Падение Хоркиной с брусьев…

Еще у многих российских спортсменов появилась фишка – надо было подержаться на фарт за свежеиспеченного чемпиона. Нам в итоге этого фарта чуть-чуть не хватило…

Глава 6
Уход от Карполя

Очень интересным для меня был опыт выступлений за «Динамо» из Московской области. В этой команде играло несколько волейболисток, которых целенаправленно готовили к афинской Олимпиаде. Я, Марина Бабешина, Ира Тебенихина, Елена Плотникова… Понятно, что на всех игрового времени в «Уралочке» не хватило бы, поэтому было решено создать на основе команды «Малахит» новый клуб.

Карполь нуждался в том, чтобы наработать для сборной России новые игровые связки. По сути, ничего не изменилось – мы оставались частью «Уралочки». Никаких проблем с переездом в другой город у нас тоже не возникло. Это же в любом случае здорово – играть вместе с девчонками, которых ты знаешь, ценишь, любишь…

В итоге в сезоне 2003/2004 мы «основу» чуть-чуть не обыграли в финале. Похожая история, кстати, случилась и несколько лет назад, когда я выступала за «Уралтрансбанк». Но выиграть команде из Мособласти не дали, к сожалению… Понятно, что екатеринбургская команда к этому времени в любом случае ослабла. Ушли Лена Година, Люба Соколова, Женя Артамонова…

Тем не менее обидно было, конечно, когда судьи не позволили нам победить. Любопытный момент: после финала мы переодевались в одной раздевалке. И в итоге в этой раздевалке рыдали все! Игроки подмосковного «Динамо» – потому что арбитры нас «убили», а игроки «Уралочки» – потому что им было стыдно за такую победу. Сидят 20 с лишним человек и все до одной плачут… Неприятное ощущение, конечно. А Карполь даже в раздевалку не зашел. Но при этом никаких мыслей тогда – мол, все, теперь, после такого судейства, я уйду из «Уралочки» – не было и в помине. Просто присутствовало ощущение большой обиды.

В любом случае именно эта игра послужила толчком для создания команды «Динамо» Москва. Поэтому что ни делается – все к лучшему. После этого динамовский попечительский совет принял решение создавать новую волейбольную команду, независимую от Карполя.

Первые мысли об уходе из «Уралочки» появились в тот момент, когда нас стали заставлять переписывать контракты. Мы были оформлены как индивидуальные предприниматели.

Спасибо, нашлись знающие люди, которые подсказали: если подпишем эти соглашения, то никогда в жизни не сможем их разорвать. Работодатель получает над тобой полную власть…

Честно скажу: стало страшно. Все-таки ты уже не маленькая девочка, которая готова подписать любую бумажку, не читая. Тебя, повзрослевшую, заставляют подписать контракт сроком на 10 лет. То есть, по сути, обязуют посвятить всю карьеру одному клубу, причем за очень небольшие деньги… Я и несколько других девчонок из «Уралочки» зажали в углу клубного юриста. Он, конечно, помялся, но в итоге его слова подтвердили наши худшие опасения…

Если, не дай бог, травма – кому ты тогда станешь нужна? Тем более что у нас перед глазами был грустный пример Жени Артамоновой, у которой возникли проблемы со спиной…

Причем в случае этой гипотетической травмы ты оказывался не только, по сути, безработным, но и нищим. Потому что финансовые условия наших контрактов, как я уже сказала, не являлись пределом мечтаний. Очень, очень мягко говоря.

Но все равно причина была не в деньгах. Все-таки возможность распоряжаться собственной судьбой самостоятельно – это очень хорошая и правильная возможность. А нас хотели этой возможности лишить. Причем весьма нехорошими методами.

Чуть позже я узнала, что два игрока «Уралочки» уже самостоятельно изучают варианты, как уйти из клуба – Таня Горшкова и Наталья Сафронова. После этого я и Настя Беликова тоже решили работать в аналогичном направлении. Для начала приняли для себя принципиальное решение – контракты эти в любом случае не переподписывать.

Для Карполя это стало сюрпризом. Он дал нам соответствующие бумаги на подпись в Японии, когда мы находились в расположении сборной. Помню, я зашла к тренеру в номер и разрыдалась… Естественно, подписывать ничего не стала. Он, конечно, был немножко ошарашен всей этой ситуацией, разволновался. С его стороны ведь это как выглядело? Заходит игрок в комнату, видит на столе контракт и начинает плакать навзрыд…

Карполь долго выяснял, что у меня случилось. Может, в семье какие-то проблемы, еще что-то? В итоге сказал: «Ладно, иди успокойся, потом договорим».

После этого случая на какое-то время нас с этими контрактами оставили в покое. Но было уже понятно, что необходимо найти людей, которые смогут нам помочь. Потому что за Карполем сила, он правит федерацией. А мы, по сути,

одни. Беззащитны и никому особенно не нужны.

К кому обращаться – непонятно. В Японии с нами был Владимир Леонидович Паткин, спросили совета у него. Он честно признался: в федерации нам никто не поможет.

В итоге Таня и Наташа поехали играть в Одинцово. Им поступило конкретное предложение, они с радостью согласились.

А мы с Настей находились на распутье и не знали, куда деваться. Тем более в Одинцово мы не могли идти по этическим соображениям: еще раньше договорились между собой, что не можем все вместе вчетвером переходить в один клуб, чтобы не конкурировать друг с другом за место в основе.

* * *

Потом нам сказали: вам поможет только Москва. Потому что «Динамо» – это единственная структура, которая никак от Карполя не зависит. При этом предлагали варианты и с Хабаровском, и с Балаково. В Хабаровске мы знали тренера Виктора Николаевича Бардока. А в Балаково знали по сборной Олю Фадееву, бывшую жену Владислава Валерьевича Фадеева.

Агентов у нас никаких не было, и мы через этих знакомых спрашивали о возможности перейти в тот или иной клуб. Нам, естественно, были рады и готовы были предложить контракты. Но при этом говорили: «Вы там сначала с Карполем сами разберитесь, освободитесь от него, и мы вас с радостью ждем». То есть идти с ним на прямой конфликт все боялись. А у нас-то весь смысл заключался в этом «освобождении»!

Мой изначальный контракт был подписан на 14 лет. Я знала, что в суде его можно оспорить. Но сами, без посторонней помощи, выстоять против Карполя мы бы не смогли.

И тут, к счастью, возник клуб «Динамо» Москва. И несмотря на то что его руководители – это бывшие руководители «Динамо» из Московской области, к Карполю он отношения больше не имел. Тем более что для дирекции динамовского клуба я за год, проведенный вместе, являлась не чужим человеком. Еще и Лиза Тищенко по секрету сказала, что тренером станет Ирина Кириллова…

В итоге Настя все-таки ушла в Хабаровск. В «Самородке» сказали, что сумеют договориться с Карполем по Беликовой без суда. Ну а в моей ситуации было понятно одно: куда бы я ни собралась – хоть на Дальний Восток, хоть на Луну, хоть в Москву – без разборок в суде дело не решится…

Первый разговор с президентом московского «Динамо»

Евгением Николаевичем Ловыревым состоялся… на Лубянке. Причем как меня туда доставляли – это целая шпионская операция!

Мне нужно было уехать с базы в Новогорске и подписать с клубом предварительное соглашение. Выходных у сборной не предполагалась – только двухчасовой отдых в середине дня. Понятно, что за столь короткий промежуток времени я бы физически не успела съездить в Москву и вернуться. Поэтому мне пришлось придумывать историю: кому-то надо срочно передать какие-то документы… Поверили. В итоге с базы меня подвезли до цирка на Цветном бульваре, а там я пересела в другую машину. Потом еще и в здание ФСБ проводили через какой-то задний служебный вход, чтобы, не дай бог, кто-то случайно не увидел.

Я немножко от всей «бондианы» опешила, но меня тут же подбодрили, пошутили. Мол, все эти предосторожности исключительно потому, что Николай Васильевич с утра был у Ловырева…

В итоге я подписала предварительный контракт и вернулась в расположение сборной. Но вплоть до нашего возвращения с Олимпийских игр в Афинах вся эта история дальше никак не двигалась. Я, впрочем, вела себя как партизан и ничем своих планов не выдавала. Ну а в «Уралочке» нас с этими контрактами решили больше не дергать, потому что сборной предстоял важнейший старт – Олимпийские игры. И естественно, никому не нужны были скандалы и конфликты накануне соревнований.

Уже после Олимпиады стало известно, что многие ведущие игроки «Уралочки» клуб покидают. Наташа Сафронова, Таня Горшкова… Карполь провел со мной долгую беседу, но я ему ничего не сказала о желании уйти из «Уралочки». А он пытался «давить на психику». В основном – на совесть. Рассказывал, что в «Уралочке» меня воспитали, вложили в эту подготовку много сил, времени и денег. Говорил, что у меня все будет хорошо, что сумму контракта существенно увеличат. Я слушала, кивала, но сама понимала, что пути назад нет. Юридическая машинка запущена, мосты сожжены.

И на следующий день просто пришла в офис клуба и написала заявление об уходе по собственному желанию.

У меня, разумеется, не хотели его принимать. Директор клуба Анатолий Великанов бегал в ужасе с выпученными глазами: «Я это заявление никогда в жизни не приму и не подпишу!» Я ему несколько раз спокойно повторила: «Вы по закону обязаны заявление принять». Немножко попрепирались…

Конечно, мое решение уйти для всех стало неожиданностью. Да, некоторые игроки «Уралочки» об этом догадывались. Но даже

они не знали, что я ухожу именно в «Динамо». Думали, просто собираюсь уйти в никуда, лишь бы не переподписывать трудовое соглашение.

А в руководстве клуба все были буквально ошарашены. Вроде бы я еще вчера говорила с Карполем… И все было не то чтобы нормально, но, во всяком случае, я ничем не выдала своих намерений.

* * *

Мне повезло в том, что адвокаты, к которым изначально обратились Горшкова и Сафронова, были из Москвы. То есть их офис располагался в Екатеринбурге, но сами они являлись выходцами из столицы. Кажется, бывшие военные… Уверена, никто из уральских адвокатов за это дело бы не взялся: власть Карполя была велика и распространялась на самые разные сферы жизни. И проблем никто бы не захотел.

Сначала к ним обратились девчонки, потом уже, с их подсказки, я. Признаться, они поначалу не верили, что игрокам сборной могут предлагать такие кабальные условия. Думали, мы их разыгрываем и попросту бесимся с жиру, хотим вырвать у руководства более денежные контракты. Но когда увидели соглашения Тани и Наташи, в первый момент впали в самый настоящий ступор. А потом разозлились: «За такое надо наказывать!» И для них действительно этот иск был не только частью их работы, но и делом принципа.

Потом им сказали, что скоро еще и Катя Гамова придет. Они снова удивились: «Ну а ей зачем? Уж у нее-то точно все в шоколаде!» После чего я им показала мой «шоколадный» контракт, который был таким же, как у девчонок…

Конечно, эта юридическая тяжба была очень долгой, противной и уничтожила много моих нервных клеток.

…Был еще один очень сложный и тяжелый разговор с Карполем. Он приехал на сборы национальной команды, на которые изначально приезжать не планировал. Говорил все о том же. Мол, клуб меня воспитал, научил играть в волейбол, сделал игроком сборной. Говорил, что я предательница. Что ж, пришлось себя пересилить и выдержать этот нервный диалог.

Потом, конечно, всевозможных неприятных моментов тоже хватало. Например, когда я пришла в «Уралочку» забирать свою трудовую книжку, меня и пугали, и рисовали не самые радужные перспективы. В итоге сказали примерно следующее: «Отдадим трудовую книжку только в обмен на ключи от квартиры».

Там смысл в том, что в одном из пунктов контракта было прописано: «Гамова на протяжении трех лет является арендатором квартиры, а потом эта недвижимость переходит в ее собственность». А эти три года на момент конфликта еще не истекли. Великанов угрожал, обещал, что выкинет вещи моей мамы на улицу… Мама – молодец, не растерялась, сказала: «Пожалуйста, вперед, приезжайте, выбрасывайте. Я в ту же секунду обзвоню все газеты и телеканалы, чтобы тоже приехали. И показали всей стране, как «Уралочка» обращается с заслуженным мастером спорта».

В итоге мои адвокаты смогли эту квартиру в суде оспорить – получалось так, что де факто я ее у клуба на протяжении определенного количества времени выкупала за свои деньги. А трудовую книжку мне вернули только по распоряжению суда, под угрозой прокурорской проверки.

* * *

В Москву я переехала в октябре, а свой первый матч за новую команду сыграла только в декабре. Существовал серьезный риск, что в случае поражения в суде мне вообще придется завязать с волейболом. Потому что возвращаться в «Уралочку» я, естественно, не согласилась бы ни за что.

Конечно, было страшно. Ты сидишь и не знаешь, сможешь ли когда-нибудь еще заниматься делом, которому посвятила всю свою жизнь. И решение этого вопроса от тебя никак не зависит. Почти как тогда, когда ты травмирован, но только при этом еще и слушаешь о себе всякие гадости…

Поскольку мой переход в «Динамо» по-прежнему был секретом, поначалу тренировалась в ЦСКА. Динамовский клуб договорился с Леонидом Николаевичем Зайко, и я пару месяцев работала под его руководством с армейской командой.

При этом о риске травмы не думала. Просто работала и работала, как обычно. У меня имелись куда более серьезные поводы для беспокойства… Хотя, если бы получила повреждение без действующего контракта, ничего хорошего в этом не было бы.

Ну а потом, к счастью, федерация разрешила мне играть за «Динамо» до вынесения судебного решения. И в декабре я дебютировала в бело-голубой форме. Конечно, после этого психологически стало попроще…

Не могу сказать, что решение ВФВ стало для меня большой неожиданностью. Все-таки «Динамо» – это, по сути, клуб ФСБ. А президентом федерации тогда являлся Николай Платонович

Патрушев. Думаю, это обстоятельство сыграло немаловажную, если не решающую роль во всем этом деле. Но официально внимание акцентировалось на том, что Гамова ключевой игрок сборной и нельзя допустить, чтобы она лишалась игровой практики.

Итоговое судебное заседание состоялось только весной. Мне просто позвонили адвокаты и сказали: «Все нормально, дело выиграно». Конечно, в тот момент такого страха, который у меня был осенью, я уже не испытывала. Потому что по ходу развития сюжета этой грустной пьесы стало понятно: мы своего все-таки добьемся. Дело явно катилось к нашей победе. Было несколько апелляций, несколько заседаний, но в принципе наша юридическая правота казалась очевидной…

При этом адвокаты мне сразу сказали: «Будь морально готова к тому, что как минимум до уровня областного суда мы ничего не выиграем. Надо выходить дальше, в более масштабные суды». Собственно, именно так ситуация и развивалась. Было ясно, что закон на моей стороне, что трудовое соглашение не может быть оформлено больше чем на 5-летний срок. Но все равно руководство «Уралочки» пыталось вытрепать мне нервы до последнего…

Например, в клубе настоятельно не рекомендовали девочкам со мной общаться. Особенно на публике, на разминке перед матчами. Ну глупость же! Разумеется, когда нас никто не видел, я на первой же игре «Динамо» и «Уралочки» со всеми переобнималась. Да и по телефону мы с ними болтали, и даже встречались.

И мама меня поддерживала, и родные, и друзья. И адвокаты, конечно. Они, как я уже сказала, четко расписали весь сценарий, как будет развиваться эта тяжба, и все сбылось в точном соответствии с их прогнозом.

Руководство московского «Динамо» в какой-то момент напрямую вышло на Карполя. И лично ему предложило выплатить отступные, чтобы меня оставили наконец в покое. Он в ответ заявил, что подготовка Гамовой обошлась ему в … И назвал какую-то космическую, нереальную цифру.

В ответ Николаю Васильвичу сказали: «Без проблем, мы выплатим вам эту сумму. До последней копейки. Если вы нам взамен предоставите все чеки, чтобы было понятно, как именно подготовка одного игрока стоила для вас таких колоссальных денег».

Естественно, после этого диалог сошел на нет. И вопрос решался уже судебным порядком.

Столичный клуб, конечно, на протяжении всего этого периода

неопределенности тоже оказывал мне всяческую поддержку. Хорошо общалась с членом правления «Динамо» Александром Ивановичем Осиповым и президентом Евгением Николаевичем Ловыревым… Оба они входили в попечительский совет подмосковного «Динамо», то есть изначально я их хорошо знала по совместной работе в предыдущем сезоне. Ну а любой насущный вопрос всегда можно было оперативно решить через директора клуба Владимира Анатольевича Зиничева. Вообще все держали руку на пульсе моих судов. И постоянно выражали уверенность: все закончится хорошо.

…Конечно, очень хотелось обыграть «Уралочку» в финале чемпионата России. Не получилось, и было действительно обидно. Хотя по ходу регулярного чемпионата смогли их победить…

«Золотой матч» проводился в Москве, во Дворце спорта на улице Лавочкина. Даже Борис Николаевич Ельцин с супругой на тот поединок приезжали…

С Карполем я совершенно спокойно поздоровалась. Меня мама всегда учила: «Катя, ты умный, адекватный и воспитанный человек. Даже если кто-то к тебе плохо относится, это не повод самой быть невежливой. Пожелать здоровья человеку – это будет правильно в любой ситуации». Карполь, собственно, тоже всегда здоровался. Потому что и он нормальный и адекватный человек. Да, имела место вся эта напряженная ситуация. Но это же не повод превращаться не пойми в кого… Рабочий конфликт – это одно. А воспитание – совсем другое.

Болельщики «Уралочки» тоже в мой адрес никакой агрессии никогда не демонстрировали. Кстати, в отличие от многих московских фанов, которые не простили мне переезд в Казань спустя несколько лет.

Глава 7
Москва и Стамбул

Никаких проблем с адаптацией в «Динамо» у меня не возникало. Хотя Леся Махно недавно призналась:

– Мы боялись, что ты окажешься эдакой суперзвездой-недотрогой. Тем более на первой тренировке у тебя зазвонил мобильник, ты его достаешь, и это такая крутизна была! В том смысле, что телефон крутой и дорогой, мы себе такой позволить не могли… Новенькая Motorola, как сейчас, перед глазами.

Посмеялись. Понятно, что какие-то опасения у них тогда действительно были: вдруг я приду с короной на голове и пальцами веером. Лучший игрок Олимпиады, все дела…

Конечно, обстановка в «Динамо» принципиально отличалась от той, к которой я привыкла в «Уралочке». Там у нас было эдакое общежитие в прямом и переносном смысле. Вместе гуляли, обедали-ужинали, развлекались, ходили по клубам.

А в Москве по-другому. Здесь каждый предоставлен сам себе. Хотя, конечно, те девочки, которые жили рядом с залом, в Перово, постоянно проводили время вместе. Мы играли тогда в «Дружбе», а тренировались в «Луче». А у меня квартира на другом конце города, на Соколе. То есть с учетом московских пробок при всем желании непросто с одноклубницами состыковаться…

Ну и, конечно, в «Динамо» была принципиально иная модель управления. В «Уралочке» Карполь являлся единовластным монархом. Без его ведома и приказа не делалось ничего. Да, формально были директора, менеджеры, но де-факто все решал он один.

А в столице четкая «вертикаль власти». Понятная и прозрачная структура. Есть президент клуба, есть директор, есть другие сотрудники. Главное, всегда было понятно, кто конкретно за что отвечает. Не могу сказать, насколько эта система работает лучше или хуже той, которую Карполь установил у себя в Екатеринбурге. Просто она принципиально другая. Привыкнуть мне в любом случае было несложно.

Конечно, добавлял психологической уверенности тот факт, что клуб курировался ФСБ. Слава богу, мне ни разу не пришлось решать какие-то вопросы, связанные с личной безопасностью. Но само сознание того, что ты можешь в любой критической ситуации обратиться за помощью и тебе обязательно помогут – это очень приятно.

К пресловутому «московскому ритму жизни»

я адаптировалась и приспособилась очень быстро. Какого-то излишнего пиетета и страха – мол, Москва огромный город, я тут потеряюсь, никого не знаю – не было вовсе. Вообще, меня уже через несколько месяцев стали очень сильно раздражать люди, которые… приехали в Москву! Вот честно! Несешься на тренировку, у тебя все по мгновениям расписано – электричка в такое-то время, этот подземный переход занимает столько-то секунд. А тут стоит какой-нибудь чудак с развернутой картой, перегородил всю дорогу, не обойдешь его и не объедешь… В тот момент, когда я поняла, насколько меня подобные моменты раздражают, тогда и осознала, что Москва стала моим городом. Собственно, у меня и раньше было желание жить именно в столице.

При этом не могу сказать, что у меня сразу появились какие-то любимые места. Правильнее сказать, были люди, с которыми мне было интересно. Одноклубницы, подруги… Кстати, новых друзей я на тот момент в Москве почти не завела. Буквально пара человек. Случайное знакомство, а дружим до сих пор.

Самая большая проблема в Москве – встретиться. Огромные расстояния, пробки… Поэтому особенно любила такие несуетливые праздники вроде Рождества. Когда никуда не нужно спешить, когда можно собраться компанией в тихом ресторанчике. Да не важно где, на самом деле – хоть на кухне! Главное, чтобы люди кругом были хорошие.

Очень часто ездила в Подмосковье. Там жила Таня Горшкова, которая играла за местную команду «Заречье-Одинцово». А из одноклубниц больше всех дружила с Таней Грачевой и Настей Беликовой. Часто ночевали у Насти в гостях. А у Тани, у единственной в тот момент из всех нас, была машина, и она не раз развозила нас по домам после тренировки. В Сандуны, кстати, любили ходить втроем-вчетвером…

Еще у нас всех в те годы было очень забавное хобби – вышивание. Выпускались такие красивые картинки из ткани, и мы тут же все новинки покупали… После чего в самолетах, в автобусах всей командой сидели и вышивали. Потом вообще всех девчонок в сборной России этим увлечением заразили.

* * *

С игровой точки зрения в «Динамо» тоже никаких проблем не было. Даже с учетом того, что изначально на роль главного тренера планировалась Кириллова, по факту в начале сезона команду возглавлял Гарий Егиазаров, а потом через какое-то

время его сменил Леонид Зайко. Единственное, что меня в тот первый год тяготило, – однообразные тренировки Зайко. Под руководством Егиазарова работать было гораздо интереснее, и мне жаль, что его заменили. Понятно, что в плане жесткости и грубости ни Егиазаров, ни Зайко «конкуренции» с Карполем не выдерживали.

…Запомнилось, конечно, первое чемпионство московского «Динамо». Клуб целенаправленно шел к этому два года. Перед тем сезоном наши ряды пополнила Наташа Курносова, плюс Таня Грачева решила возобновить карьеру после трехлетнего перерыва. То есть команда у нас и так сложилась мощная, а непосредственно по ходу финальной серии приехала еще и Лена Година. Это, конечно, стало неожиданностью для «Заречья-Одинцово» и большим подспорьем для «Динамо». В итоге чемпионство ковалось в местном маленьком зальчике.

Радовались сильно, конечно. Эмоции от разных побед сложно сравнивать, но у меня они всегда бурные и яркие. Победа – это всегда победа, это здорово. Даже когда в «Уралочке» нам золотые медали можно было надевать на шеи еще перед началом сезона – все равно радовались.

В сезоне 2006/07 наша команда защитила чемпионский титул. Причем вновь по ходу чемпионата случилась тренерская рокировка. Начинал турнир Дмитрий Фомин, а заканчивал снова Зайко. На этот раз в финале оказались сильнее ЦСКА.

А вот на следующий год мы провалились. Проиграли «Заречью-Одинцово» в финале как чемпионата страны, так и в Кубке. Поэтому в очередное межсезонье команду основательно «встряхнули»: в «Динамо» все-таки пришла Кириллова, но не в качестве тренера, а в качестве игрока. Плюс контракты подписали с Наташей Сафроновой и итальянкой Симоной Джоли.

Новым тренером стал Валерий Лосев. Хороший человек, прекрасный тренер, но почему-то очень остро реагировал на любые наши шутки. Понятное дело, что из-за этого мы еще больше полюбили его всяческим образом разыгрывать… Приколам не было конца и края – по любому поводу и без. Например, на Новый год всю его машину обмотали разноцветной мишурой. Причем не просто так по ленточке серпантина привязали к каждой двери, а подошли к этому делу творчески и основательно. В итоге под конец нашего украшательства невозможно было открыть двери…

Еще Лосев очень не любил свои дни рождения. И он нас даже специально предупредил, чтобы мы его не поздравляли. Ага, щас! Если нам сказано «не поздравлять» – это на самом деле означает, что надо поздравить как следует, чтобы человеку праздник по-

настоящему запомнился…

Мы играли выездной матч в Санкт-Петербурге. И перед тренировкой закупили специальные колпачки, надувные язычки, какие-то дудки… Купили хороший подарок. Лосев ушел за рекламные щиты – что-то изучать в компьютере, готовиться к занятию. А мы в раздевалке всей командой надели эти колпачки и пришли в зал. Он нас когда увидел, попытался спрятаться…

Но мы вывели его в центр площадки и принялись водить вокруг него хоровод и петь песню про каравай. Если честно, даже показалось, что переборщили: он с каким-то совершенно жутким лицом наблюдал за нашими поздравлениями…

А на 23 февраля подарили ему красивого плюшевого лося. Эта игрушка ему, кстати, понравилась – лось все время потом ездил с ним в машине, был счастливым талисманом.

Под руководством Лосева мы вернули себе титул лучшего клуба страны, причем финальная серия против «Заречья-Одинцово» получилась очень красивой и упорной. Для того, чтобы определить, кому достанется золото, а кому серебро, понадобились все 5 матчей. А вот в Лиге чемпионов до выигрыша трофея нам не хватило всего одного сета…

* * *

Перед сезоном 2009/10 у меня встал вопрос, где продолжать карьеру. Мой агент вел переговоры с директором «Динамо» Зиничевым. Я настаивала на том, чтобы переподписать договор на новых условиях. Мне в ответ говорили: «Ну нет, давай подумаем, давай поговорим…»

А в концовке предыдущего сезона я сыграла не слишком результативно. Из-за травмы в решающем матче чемпионата России набрала всего 8 очков. Соответственно, динамовское руководство пыталось давить на то, что «8 баллов от Гамовой – это очень мало». Но при этом никто не хотел слушать, что я в принципе могла не выходить на игру. Врачебные рекомендации позволяли этого не делать. Можно было просто со справкой в руке посидеть на трибуне…

И в разгар этих переговоров поступило предложение из Турции. То есть у меня на руках было одновременно два варианта. Пыталась вместе с агентом продолжить диалог с «Динамо», но другая сторона попросту тянула время. А вопрос уже стоял остро, нужно было дать «Фенербахче» конкретный ответ: либо «да», либо «нет». Понятно, что на рынке волейболистов высокого уровня не очень много. И клубы, которые

ставят перед собой серьезные цели, пытаются сформировать состав как можно раньше, потому что иначе высока вероятность остаться у разбитого корыта.

Мне в какой-то момент просто надоело слушать динамовские рассказы про «завтраки». И я сказала агенту: «Ок, еду в Турцию». Причем в деньгах я, вопреки слухам, почти ничего не выиграла. Да, контракт с «Фенербахче» был чуть больше того, что предлагало «Динамо», но это «чуть» совершенно не равнозначно тому, что мне нужно менять привычный уклад жизни и переезжать в другую страну.

Конечно, для всех – не только в «Динамо» – мой переход стал большой неожиданностью. Что ж, полетела в Стамбул. Прошла медицинское обследование, подписала однолетний контракт и вернулась в Россию. Все это заняло один день. Мне помогала Инесса Коркмаз – бывшая советская и российская волейболистка, серебряный призер афинской Олимпиады. Она играла в Турции за команды из Анкары и Стамбула. И после завершения карьеры осталась там, стала работать спортивным менеджером.

Она помогла мне с этим медобследованием – переводила, подсказывала. Потом были многочисленные интервью и собственно процедура подписания контракта. Ну а уже вечером я вернулась в Россию. С Инессой в итоге настолько быстро по-человечески и профессионально сошлись, что она стала моим новым агентом.

Кстати, впервые я прибегла к услугам агента только в 2006 году. До этого обходилась и все переговоры вела сама. Но как-то говорили «за жизнь» с Леной Годиной, и она мне порекомендовала агентство Volleyservice. Я подумала: а почему нет? Это действительно здорово облегчает жизнь спортсмену. Во всяком случае, когда речь идет о волейболистке моего уровня, становится гораздо проще. Больше не нужно забивать себе голову финансовыми и бытовыми вопросами, не нужно самой решать какие-то спорные ситуации с клубом. Вообще убирается много вопросов, которыми мне не хотелось бы заниматься напрямую и самостоятельно. И с точки зрения психологии, да и с финансовой тоже – всем от этого только лучше…

Наш стандартный диалог с агентом выглядел следующим образом: я высказывала ему свою точку зрения и пожелания, а он мне через какое-то время приносил разные подходящие варианты. И оставалось только выбрать.

* * *

…Подход к волейболу в Турции в то время был совершенно иной, чем у нас. В России часто покупают иностранных игроков, даже толком не зная, здоровы ли они. И сначала подписывают контракты за баснословные деньги, а потом хватаются за головы и пытаются их хоть кому-то перепродать. В «Фенербахче» все устроено профессиональнее. Условия изначально стояли так: сначала медосмотр, и только потом – подпись под контрактом. В общем, совершенно разумная и единственно правильная практика.

Признаться, определенные опасения перед сезоном у меня присутствовали. Я же приехала с минимальным знанием английского. Естественно, предупредила руководство «Фенербахче», что говорю только по-русски. Турки поначалу вообще не знали, что делать, как выходить из этой ситуации. Не могли же они включить в тренерский штаб русского переводчика только для того, чтобы он переводил мне установки и задания наставника…

Но когда я им продемонстрировала свои небогатые познания, в турецком клубе все были в полном восторге. Мол, «все отлично, ты все понимаешь, вообще никаких проблем не будет…» В итоге все мое общение за год пребывания в Турции – и на площадке, и вне ее – происходило на английском. Разумеется, за исключением того времени, которое я проводила с Инессой. Турецкий даже не пробовала учить – сложный язык, да мне это и не нужно было.

Во время матчей языковой барьер вообще отсутствовал. Тренер же изъясняется универсальными терминами, которые понятны любому волейболисту. Ну и, конечно, чем дольше я жила в Турции, тем больше становился мой багаж английских слов. Ну а если слов не хватало, переходила на язык жестов. Никакого дискомфорта это у меня не вызывало.

Еще мне повезло, что «Фенербахче» подписал контракт с хорваткой Наташей Осмокрович. И когда мы хотели обсудить с ней что-то втайне от всех остальных, переходили на ее язык. Так получилось, что при Карполе мы очень часто ездили на сборы именно в Хорватию. Более того, я в 1999 году даже играла пару месяцев за местную «Пулу». И поэтому на хорватском могла объясниться и почти все понимала.

С точки зрения быта в Турции вообще не было никаких проблем, даже с учетом лингвистических трудностей. Пожалуй, это самый комфортный сезон в моей карьере.

Все время тепло. Никуда не надо ездить.

Раньше приходилось все время летать по нашей необъятной родине. А ведь есть еще не только национальные чемпионат и Кубок, но и еврокубки. Собственно, в России у тренеров вообще

нет времени нормально выстраивать полноценный тренировочный процесс. Все усилия направлены только на восстановление. Ты прилетел куда-нибудь, сыграл, и надо снова собирать сумки и лететь…

А тут я чуть ли не впервые поняла, что такое качественные тренировки в течение сезона. Половина турецких команд базируется в Стамбуле, и львиную долю не только домашних, но и номинально гостевых матчей мы играли в одном и том же зале. Часто случалось так, что в один день должно было состояться несколько поединков. Ну два матча – это минимум. Я очень радовалась, когда нам ставили игры на первую половину дня. То есть в 13.00 вышел на площадку – и потом полностью свободен весь день. Получается такой дополнительный выходной. Клево! Кроме того, в моем новом клубе не было такой практики, как заселение в гостиницу накануне домашней игры. Тоже новый и необычный для меня момент.

Вообще нового хватало. Благодаря нормальному тренировочному графику я пребывала в лучшей физической форме за карьеру! Наверное, потом пару раз подбиралась к подобному состоянию, но на таком пике не была никогда. У нас 2–3 раза в неделю были полноценные занятия в тренажерном зале. А в России в течение сезона со штангой мы, конечно, иногда работали – но далеко не в таких объемах, как в Турции.

* * *

Встретили меня в команде тепло. Я, разумеется, сама у них не спрашивала: «Вы мне рады? Как вы ко мне относитесь?» Но Инесса рассказывала, что ждали меня действительно с волнением и воодушевлением. Конечно, никто не знал, что я представляю собой как человек, и поэтому немножко нервничали, но довольно быстро все мы нашли общий язык.

Вообще, мне кажется, что в европейских командах игроки более открыты. У нас все немножко зажаты и стесняются. А там сразу: «Привет! Как дела?», целуются, обнимаются. Вообще за весь мой год в Турции не было даже намека на какой-то конфликт с подругами по команде.

Передвигалась по городу на такси, а чаще меня подвозили тренеры или кто-то из девчонок. Я жила далеко от нашего зала, но как раз в том районе, где жили многие волейболистки «Фенербахче». Иностранным игрокам служебные автомобили не выдавались, поскольку за несколько лет до этого у президента клуба случилась трагедия: его сын попал в аварию и погиб…

Как-то в Стамбуле пошел снег. А там даже такого понятия, как «зимняя резина», не существует. Наш район при этом находился на небольшой возвышенности. И тренер, который должен был меня забрать на тренировку, позвонил и сказал: «Катя, мы в ловушке! До зала доехать не сможем. Если спустимся вниз, то наверх уже не заедем». Я позвонила Инессе – та, кстати, жила в европейской части города, а я в азиатской.

– Представляешь, из-за такого жуткого стихийного бедствия, как снег, у нас отменили тренировку!

– Ну так бери такси и приезжай в гости.

В итоге все девчонки, которые жили неподалеку от зала, все равно тренировались, а я получила два дня непредвиденных выходных.

Стандартный мой день в Стамбуле проходил следующим образом. Утром тренировка. Потом мы с одноклубницами шли куда-то в кафе. Ну или я сама себе дома готовила что-то легкое. Затем дневной сон, вечерняя тренировка. Собственно, и все. По выходным ездила к Инессе в гости. Благо добраться до нее было несложно: либо такси, либо двадцать минут на речном трамвайчике.

Свободное время чаще всего проводила именно с Инессой. У нее тогда как раз рос маленький ребенок. Совсем еще кроха, всего несколько месяцев. Естественно, я быстро натренировалась менять подгузники. Могла Дашу накормить, могла убаюкать, чтобы она уснула. В общем, мне после этого сезона можно было вручать не только медали за победу в чемпионате и Кубке Турции, но и диплом сертифицированной няни.

У Инессы к дому примыкал маленький палисадничек, и мы очень много времени проводили там. Иногда ездили в располагавшийся неподалеку спортклуб, где она работала. Еще рядом было вкусное десертное кафе. Я сладкое не особенно люблю, но там готовили одну вкуснейшую штуку… Кешкюль называется. Это такой рисовый пудинг с орешками. Желе светлого цвета и не очень сладкое, что меня особенно привлекало.

* * *

Тот сезон у команды складывался здорово. Как-то раз после того, как мы одержали какую-то важную победу в Лиге чемпионов, к нам в раздевалку пришел президент «Фенербахче». Вместе с дочерью. В итоге он говорил долгую и, наверное, красивую поздравительную речь, а дочь в это время раздавала

всем красивые подарочные пакеты. А на пакетах написано Lois Vitton. Естественно, никто комплименты нашего босса толком не слушал. Мы же девушки! Всем хотелось поскорее уже нырнуть и порыться в этих пакетах… При этом спич был эмоциональный, долгий, ну неприлично же в это время шуршать завязками и пытаться разглядеть, что там внутри. Но в итоге наше ожидание оказалось вознаграждено по полной программе: внутри были крутые фирменные сумки. Ну и еще мелочь всякая типа конфет. Когда рассказывала об этом – подружки-волейболистки, конечно, обзавидовались…

Мы по ходу того сезона потерпели одно-единственное поражение. Плакала я очень сильно. В том числе и потому, что проиграли опять «Бергамо», которому я уже дважды уступала в финале в составе московского «Динамо». И снова на тай-брейке…

Правда, тогда, в составе бело-голубых, второе место – это для всех воспринималось как настоящее позорище… Никто не радовался, все рыдали и стыдились. А для «Фенербахче» первый в клубной истории выход в финал Лиги чемпионов стал настоящим прорывом. Конечно, уступать в любом случае обидно, но турецкие болельщики все равно считали нас победителями.

Кстати, именно там, в Каннах, где проходил «Финал четырех», я впервые после Екатеринбурга оказалась в ночном клубе. Итоговый официальный банкет благополучно завершился, и волейболистки «Фенербахче» отправились в отель. Ну а мы с Инессой решили еще прогуляться – развеять грусть поражения. Погуляли, и нам в какой-то момент стала слать эсэмэски Виктория Равва: «Приезжайте в ночной клуб, тут весело».

Ну а почему нет? О’кей, берем такси, едем по указанному адресу. Машина останавливается, и мы понимаем, что водитель перепутал. Темная улица, какая-то обшарпанная дверь. Ни музыки, ни вывески. Но таксист сказал: «Просто погромче в эту дверь постучите».

Огромная железная дверь, никаких опознавательных знаков. Однако на наш стук вылезла огромная лысая морда шириной чуть ли не с эту самую дверь:

– Вам чего?

Мы с робостью:

– Эээээээ… А Вика Равва здесь?

Лысая морда сразу буквально расцвела.

– Конечно, проходите, добро пожаловать!

Внутри оказалось крохотное помещение. Там были девчонки и из «Канна», и из «Бергамо». В итоге мы затусили как следует, словно в детстве. Охранники под конец уже принялись настойчиво нас выгонять, а мы никак не «выгонялись». Хныкали и

просили: «Ну нет, еще одну песню»…

Выходим на улицу – в глаза лупит солнечный свет. Время восемь утра. Заглянули в какую-то кафешку, съели по круассану. Потом вернулась в гостиницу, и одноклубница, с которой я жила, засыпала меня вопросами: «Что случилось? Где ты была? С тобой все в порядке? Мы так испугались…»

Мне как-то неудобно стало рассказывать про свои танцы.

– У Инессы в отеле осталась ночевать.

Многие в Канны приезжают в том числе ради казино, но меня это никогда не привлекало. Несколько раз заходила внутрь, но так ни разу ни на что не поставила. Просто когда знаешь много историй о том, как тот или иной человек проиграл все, что имел, становится страшновато.

* * *

Встреча в Стамбуле была фантастической. Для меня это стало настоящим откровением. Как так – второе место, а тебя приветствуют так, словно ты чемпион Вселенной…

В аэропорт пришли толпы людей с желто-синими флагами и шарфами, которые скандировали, не умолкая, все то время, что мы находились в аэропорту. Потом мы ехали на автобусе, а за нами выстроился целый караван автомобилей. И на протяжении всего пути к городу в этом длинном кортеже все бибикали, продолжали кричать и размахивать атрибутикой.

Вообще болельщики у «Фенера» классные. В России есть представление о турках как о навязчивых и немножко бесцеремонных типах, но это просто стереотип. На самом деле добрые и спокойные люди, живут своей жизнью.

Меня часто узнавали на улицах. Здоровались, фотографировались. А Инессу спрашивали: «Вы – мама Гамовой?» Она не обижалась, показывала на коляску: «Да, Катя первая дочка, а вот вторая». Потом мы смеялись с ней: то ли Инесса так плохо выглядит, то ли я так хорошо…

Меня предупреждали, что местные болельщики немного безбашенные и что в Стамбуле вообще вопрос противостояния фанатов стоит довольно остро. Причем болеют именно за клуб – нет такого, что человек ходит только на футбол, баскетбол или волейбол. Если ты поклонник «Фенербахче» – значит, болеешь за эту команду во всех видах спорта. Это боление передается из поколения в поколение. Часто к нам на матчи ходили семьями, и годовалые дети на руках щеголяли ползунками клубных цветов.

Вплотную с фанатами «Бешикташа» или других стамбульских

клубов я не пересекалась. Один раз, правда, мы на автобусе ехали на футбольную игру в качестве почетных гостей. Мы как раз взяли Кубок Турции и поэтому должны были бежать круг почета с этим трофеем. И по этой же дороге ехали болельщики «Бешикташа». Нам тут же сказали задернуть занавески и ни в коем случае не высовываться и не провоцировать их, поскольку мы все были в «фенеровских» спортивных костюмах. Вполне могла прилететь в окно бутылка. Или камень. Доехали в итоге нормально, и сама церемония нашего чествования на футбольном стадионе была очень эмоциональной и яркой. Шестьдесят тысяч зрителей, все скандируют название команды или поют – ощущения, конечно, уникальные. На волейбольном матче, даже когда на трибунах аншлаг, аудитория в несколько раз меньше. Болельщики «Бешикташа», кстати, на стадионе тоже были. И из их гостевого сектора прилетело все-таки несколько файеров…

И еще был случай. Я ехала от Инессы домой на такси. Водитель в какой-то момент остановился и жестами показывает: «Все, выходи». Я: «Как так, мы же еще не доехали?» Общались с ним на дикой смеси турецкого и английского, и он в итоге так и отказался ехать дальше. Только потом поняла, почему таксист все время говорил мне «йок», то есть «нет». Как раз закончился футбольный матч, и по району ходили и бегали толпы полиции и фанатов.

С одной стороны, это были болельщики «Фенера»… То есть вроде как наши. С другой – их было очень много, и они были очень агрессивные. Так что я натянула на лицо капюшон и очень быстрым шагом от этой толпы ушла. Конечно, когда фанатов огромное количество и они находятся во власти буйных эмоций, это неприятно и жутковато.

* * *

Потом я, кстати, попросила эту квартиру поменять. Не из-за соседства с футбольным стадионом, а просто она была какая-то очень большая и одновременно темная и бестолковая. А мне всегда нравилось, чтобы поуютнее и посветлее. В итоге нашли другой вариант, который меня устраивал. И в этом новом, более уютном районе быстро стала «своей». Меня узнавали соседи, владельцы кафешек… Тем более я часто гуляла там с турецкими одноклубницами.

Конечно, при всех плюсах нахождения в Турции в Россию тянуло очень сильно. И постоянно. Категорически не хватало общения с друзьями. Да и просто ощущения того, что находишься

на Родине. Что все вокруг свое… Домой действительно хотелось. Пусть это звучит слегка напыщенно, но я на самом деле тосковала.

Мне еще повезло: в течение сезона мы дважды ездили в Москву на игры. Сначала в группе встречались с московским «Динамо», потом – в четвертьфинале с «Заречье-Одинцово». Победили во всех четырех матчах, причем только москвичкам отдали два сета. Все остальные поединки взяли «всухую».

Турки меня часто спрашивали:

– Что будешь делать, когда вернешься в Москву?

Я отвечала:

– Первым делом сяду в машину, включу музыку и ночью буду нарезать круги по Садовому кольцу.

…Еще в Стамбуле я все время читала и перечитывала роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Вообще читаю всегда, что называется, под настроение. Не могу сказать, что люблю какой-то определенный стиль или даже какого-то автора. С фильмами, кстати, точно такая же история. Супруг может быть в восторге от кино, а я только морщусь.

Но вот та книжка, что называется, легла на мое «ностальгическое» настроение. Я не могла дождаться, когда вернусь с тренировки домой и продолжу читать. Хотя сейчас, наверное, даже не вспомню половину книги…

Глава 8
Капрара

С итальянским тренером Джованни Капрарой, который возглавлял сборную России в период с 2005-го по 2008 год, мне, признаюсь, было сложно. Да не только мне – многим девчонкам, защищавшим цвета нашей страны под его руководством. Холодок возник уже во время самого первого разговора. Нам сразу категорически не понравилась одна его фраза, которую он нам сказал при знакомстве с командой. Дословно не вспомню, но смысл ее заключался том, что Россия – это сборная так себе. А вот Итаааааалия…

Разумеется, мы эту Италию возненавидели сразу. Когда выходили на площадку против итальянок, нам принципиально было их не просто обыграть, а по голове надавать и разгромить. Чтобы ни у кого никаких вопросов не возникало, кто здесь на самом деле лучший. Помню, в своем дневнике любила писать красивым шрифтом слово «Italia», а потом обводить его траурной рамкой…

Конечно, Капрара принес в сборную много нового и полезного. Но какой-то близости с командой он за все годы работы добиться так и не сумел.

Когда только объявили о назначении итальянца, всем было очень интересно. Ждали чего-то новенького. Собственно, никто из нас даже представить себе не мог, что это такое – сборная без Карполя. И поначалу это ожидание новой струи подстегивало и воодушевляло. Но вот та самая первая его речь сразу вызвала, мягко говоря, недоумение и обиду.

А Капрара, не подозревая, видимо, как он пал в наших глазах, тут же нанес еще один жестокий удар:

– А ну-ка, принесите, что у вас в холодильниках! И я вам расскажу, как нужно правильно питаться.

Мы, наивные души, пошли и все принесли. Я, например, всегда очень любила сыр. Еще у меня образовался большой «стратегический» запас шоколадок Kinder. Но из всего этого мне вернули только горсточку крекеров…

Так обидно стало! И вообще, зачем мне эти крекеры без сыра? Оказалось, что сыр – он на самом деле очень вреден. А Kinder нам вообще есть нельзя по идеологическим соображениям, поскольку это спонсор сборной Италии.

Ну и стоит ли после этого говорить, что с того самого дня мы «вредную» еду ели в два раза больше! Мол, вы с нами вот так

жестоко, тогда мы все втихаря будем лопать и больше вам никогда и ничего не расскажем…

У итальянского штаба был принципиально иной по сравнению с Карполем подход к тренировкам. Собственно, впервые в сборной появилась новая должность – специалист по физподготовке…

У Карполя, помню, мы бегали очень много и в самых разных вариантах. По стадиону, по пляжу, по опилкам, в гору. А при Капраре бега не осталось вообще. Конечно, не то чтобы меня это расстраивало, но было непонятно, каким образом планируется тренировать выносливость. Оказалось, что ее мы будем теперь «набирать» игровыми занятиями с мячами. А потом все шли в тренажерный зал, причем для каждого амплуа предназначался свой комплекс упражнений. Более того, всем девочкам раздавали распечатанные листы с персональными заданиями. В общей сложности тренировки шли три часа.

* * *

Вскоре после начала работы Капрары в сборной России у меня с ним случился уже настоящий, очень серьезный конфликт. После которого я даже собиралась уходить из национальной команды.

Дело было так. Ему не понравилось, как я выполняла какое-то упражнение, и он с досады пнул мячик ногой. И этот мяч прилетел аккурат в меня. Разумеется, мне это, мягко говоря, не очень понравилось. Я просто встала и, ни слова не говоря, ушла из зала.

Потом мне не разрешили сесть в автобус со всей командой. Ну какая проблема – значит, доеду до базы на такси. Девчонки, кстати, нарочно очень долго переодевались и собирали вещи в раздевалке – ждали, пока приедет заказанная машина, чтобы убедиться, что у меня все нормально. И только после этого погрузились в автобус.

По приезде на базу мне стали откровенно угрожать – мол, меня дисквалифицируют, и я не смогу играть за клуб в чемпионате России.

Пару дней ситуация находилась в подвешенном и взрывоопасном состоянии. Сборы проходили под Свердловском, оттуда до дома рукой подать. Собственно, в любой момент могла попросить кого-нибудь из друзей за мной заехать… И морально уже к этому готовилась.

В итоге в роли «мирителя» и переговорщика выступил

Александр Иванович Клюйков. Он мне сказал: нет, надо идти и каким-то образом договариваться с Капрарой. А то правда сделает какую-нибудь гадость – зачем оно надо?

Кончилось все дело тем, что итальянец один на один попросил у меня прощения. Но, конечно, тепла нашим отношениям произошедшее не добавило.

К играм итальянский штаб подходил основательно. В том числе использовал ряд технических нововведений. Если Карполь заставлял нас самих все изучать и потом писать сочинения на тему «Как правильно играть в защите против такой-то диагональной», то Капрара и его помощники каждой сборнице выдавали толстые распечатки с подробной информацией по соперницам. Плюс мы всегда отсматривали очень много видео.

Еще принципиальное новшество для сборной России – во время матчей один из тренеров-статистиков все время передавал Капраре информацию в наушник в режиме онлайн. Другое дело, что очень много в тайм-аутах занимал перевод, и поэтому вся эта техническая оснащенность не всегда работала так, как могла бы. Но потом мы привыкли, и большинство волейбольных терминов уже понимали на итальянском. Ну и Ирина Кириллова, конечно, старалась все перевести как можно скорее, а иногда и от себя что-то добавляла, подсказывала.

Капрара, надо отдать ему должное, тоже пытался учить русский. Но все-таки во время игр сформулировать свои идеи ему было проще на родном языке.

* * *

…Победа на чемпионате мира 2006 года стала очень важной историей. Для всего российского волейбола. А может быть, и для страны.

Я всегда приезжала в Японию с огромным удовольствием, эта страна еще в юности произвела на меня колоссальное впечатление. Правда, в 2006-м, к моменту первенства планеты, японцы уже пережили пик своей «волейбольной влюбленности», который пришелся на 90-е. Видимо, мировой финансовый кризис и островитян не обошел стороной. Но организация турнира все равно оставалась на высоком уровне – пусть и не таком запредельно высоком, как раньше.

Разумеется, еду организаторы старались максимально адаптировать под наши вкусы. Рыба, курица, мясо, макароны, рис… В общем, меню универсальное и самое правильное для спортсменов. А если хотелось чего-то еще – всегда можно было

попросить, и нам охотно шли навстречу. Не только в вопросах питания – вообще в любых. При этом, конечно, у нас на примете все равно была пара местечек с разными вкусными местными штучками…

Главной фишкой сборной России на том турнире было… воровство мячей. Ну то есть мы их не в буквальном смысле воровали, а похищали на время.

Началась эта история так. Мы разминались перед игрой не на основной площадке, а в большом тренировочном зале, который был разделен на две половины огромной шторой. С одной стороны занимались мы, с другой – какая-то другая команда, сейчас уже не вспомню, какая именно.

И нам с чужой половины зала поверх этой шторины прилетел мячик. Кто-то сказал: вот, надо его забрать у соперниц, вместе с ним заберем у них удачу!

Забрали. И сработало! Матч мы выиграли. После этого воровство мячей стало ритуалом, в котором участвовала вся сборная.

Как только «снаряд» прилетал с чужой половины зала, все тут же толкали друг друга локтями и шептали: «Мяч! Мяч!» Весь штаб и стафф тоже, разумеется, был в курсе этой приметы. И кто-то из массажистов или помощников Капрары потихоньку прятал добычу в сумку. Естественно, тут же из-за шторы прибегали испуганные японские волонтеры. В панике спрашивали:

– Ball! Ball! Where is the ball?!!

А мы спокойно как ни в чем не бывало продолжаем тренировку.

– А, что? Какой мяч? Нет, не видели, к нам не прилетал.

Ну а после того, как матч заканчивался очередной нашей победой, мы этот мячик незаметно подкидывали в зал. Черное дело сделано, и тащить трофей в гостиницу не было никакого смысла.

Перед финалом с Бразилией, разумеется, операция «похищение мяча» была осуществлена по высшему разряду. А потом, кстати, эта история перекочевала и на следующий чемпионат мира, 2010 года. Который тоже стал для нас победным.

Ну а возвращаясь в 2006-й… Конечно, наш состав по сравнению с Афинами-2004 здорово изменился. Появились новые молодые игроки – Маша Бородакова, Юля Меркулова. Плюс Елена Година встала в прием.

В группе мы бразильянкам уступили – 1:3. Люба Соколова травмировала ногу и тот матч пропускала. Да, с турнирной точки зрения тот матч ничего для нас не решал. Но он многое решал с

точки зрения психологии. Было четко видно: южноамериканки нас боятся.

В одном из эпизодов Юля Меркулова эффектно заблокировала соперницу и что-то эмоционально крикнула. Бразильянки всей командой прибежали к сетке. Стали что-то орать, жестикулировать. А мы ушли на тайм-аут. Вернувшись на площадку, я аккуратно задвинула Юлю себе за спину, а сама со спокойной улыбкой просто смотрела на соперниц, которые продолжали что-то эмоционально причитать. Даже известный фотокадр такой есть: я стою, а они недалеко от меня скачут… Не знаю, что именно они кричали, но наверняка что-то обидное. И вот по этому поведению было очевидно: они трусят. Мы сумели заставить их бояться. Потому что соперник, который на сто процентов в себе уверен, так нервно вести себя не будет.

Возможно, именно это обстоятельство позволило чаше весов склониться в нашу пользу в «золотом» финале. Хотя, конечно, там было много ключевых моментов…

Вообще, «золотой» матч помню какими-то отрывками. Сейчас даже не скажу, в чем заключалась предматчевая установка Капрары. Но зато в память врезался один ключевой эпизод. Концовка пятой партии, счет 13:13, каждое очко на вес золота. У нас на передней линии стояла связующая Марина Акулова. А в четвертой зоне у бразильянок – Жаклин. И Капрара очень долго сомневался, менять ли ему Акулову на кого-нибудь, чтобы усилить блок. Потому что на сто процентов было понятно, что передача будет именно в четвертую зону. Он думал-думал, ему одновременно в ухо кричали тренеры-статисты: «Замена, замена!»

Однако он так и не стал сажать Марину на лавку. Как и предполагалось, пас последовал Жаклин, и Акулова блоком ее закрыла, что называется, в шнурки! Без намека на шанс для бразильянок спасти и сохранить мяч.

…Как-то еще до матча была очень большая уверенность в том, что все получится, что мы ничуть не слабее. Что все зависит только от нас, и если сыграем на своем уровне, то победим. Надежда и уверенность одновременно.

* * *

Примет, особенно счастливых примет, на том турнире хватало. У нас с Мариной Бабешиной был свой ритуал. Мы жили вместе и из комнаты всегда выходили под группу «Любэ». Песня не помню какая, но какой-то известный народный хит, вроде «Батяня, комбат». Вообще, эта группа – она какая-то «спортивная»,

что ли. Во всяком случае, когда самолет с российской олимпийской делегацией летел из Сиднея, всю дорогу играла именно «Любэ».

Так вот, мы какой-то матч в группе выиграли. Тут же все «проанализировали» и смекнули – ага, фартовая песня. И стали ее постоянно включать в номере перед выездами на поединки. Садились и слушали на дорожку каждый раз.

Вообще, на каждом таком крупном турнире множество новых примет возникает само собой. Что вот эта песня, что воровство мячей… В итоге все приметы сработали. Спортсмены – такие люди, что победный ритуал сделают из чего угодно. Лишь бы работало.

Причем у меня каких-то персональных примет не было никогда. Ну разве что разминка-растяжка у меня одна и та же на протяжении десяти лет, еще с юношеских лет в «Уралочке». Вот нашла для себя как-то правильный комплекс упражнений, и он со мной был всю карьеру, ничего не меняла.

…Так вот, после того блока Акуловой в концовке тай-брейка как-то все стало понятно. Наступило спокойствие. Поняли, что дожмем соперниц в любом случае. И уже следующий розыгрыш стал чемпионским: Люба Соколова подавала, бразильянки толком не приняли, и мне оставалось только аккуратно уложить в площадку переходящий мяч.

Никаких опасений, что судьи свистнут атаку с чужой половины, не было. Это один из тех элементов, которым Карполь меня очень долго учил. Классика! Я сделала все максимально аккуратно – даже мысли не могло возникнуть, что нарушила правила. Примечательно, кстати, что и в этом матче, и в финале чемпионата мира 2010 года нас судил один и тот же корейский арбитр – Кунь Тай Ким. И в спорных стыковых моментах, когда он теоретически мог бы отдать очко бразильянкам, всегда принимал верное решение, не поддавался на их крики и вопли.

Меня как-то спрашивали: пока летел этот переходящий мяч, успела ли я о чем-то подумать? Что вот сейчас он прилетит ко мне, что связующая соперниц до него не дотянется, что вот он шанс завоевать золотые медали – и очень важно не ошибиться…

Ответственно заявляю: ни о чем вообще не думалось. Действуешь в таких ситуациях рефлекторно, на автомате. Летит мячик, ты на автомате принимаешь решение за доли секунды и это решение реализуешь. Этим и прекрасен волейбол. Конечно, после того, как забила – тогда да, тогда мыслей сразу становится много. Ура и все такое…

Вот как праздновали, тоже не слишком помню. Понятно, что телефоны у всех буквально лопались от входящих сообщений и

звонков. Творилось что-то невероятное. Все звонили и в один голос говорили: «Вы не представляете, что вы сделали, что сейчас творится в России!»

И конечно, когда мы приехали домой, это действительно было что-то новое, чего в российском женском волейболе прежде не случалось. Ажиотаж колоссальный! В аэропорту встречали, постоянные интервью, телепередачи… Непривычно.

Еще тот чемпионат запомнился забавным эпизодом на награждении. Мы стояли рядом с Любой Соколовой, и как раз должны были объявить MVP турнира. Я ей говорю: «Тебя выберут». А она: «Ну нет, конечно, тебя!» Стоим-стоим, весело препираемся, и в этот момент объявляют, что лучшим игроком признали связующую сборной Японии Йошие Такешито. А японки на том турнире финишировали шестыми, причем даже в игре за пятое место их Китай «прибил» со счетом 3:0…

Мы друг на друга с Любой посмотрели и стали смеяться так, что еще долго потом успокоиться не могли. Вроде бы торжественный момент, награждение, а мы с ней стоим и хохочем как ненормальные… Порадовались хотя бы за Елену Годину, которую признали лучшей подающей. Она, кстати, часть тех своих призовых денег отдала на благотворительность.

А больше нам ничего и не досталось, никаких индивидуальных призов.

* * *

А, ну конечно! Что значит ничего не досталось… А пончики?! Правда, доставались они нам регулярно на протяжении всего турнира. Точнее, мы их сами доставали. Терпением и трудом.

История следующая. Недалеко от отеля располагался «Данкин Донатс». Денег у нас особенно не было, а отдавать в Японии вещи в стирку очень дорогое удовольствие. И для федерации, и для нас… Ну а стирать как-то надо же. На руках не вариант, все пальцы сотрешь до мозолей, играть не сможешь. Хотя в начале моей карьеры в сборной стирали именно сами всю форму, за исключением игровой. Даже возили с собой маленькие пластиковые тазики для стирки…

Нашли неподалеку от отеля прачечную. Там все это дело стоило 100 или 200 йен плюс порошок. И каждый день дежурные по команде носили туда форму.

И вот пока одежда стиралась, волейболистки сборной России шли в этот самый очень удачно расположенный «Данкин Донатс». Счастливые-довольные покупали пончики, возвращались в

прачечную, грузили форму в рюкзаки – и в отель. Чтобы там, в номере, в тишине и спокойствии насладиться этими пончиками. Вопрос о «здоровом питании», изначально вынесенный Капрарой на повестку, с этой повестки не снимался никогда. И есть пончики можно было только втихаря от тренерского штаба.

Один раз мы с Маришей Бабешиной как раз были дежурными. А стирала таким образом не только сборная России, а почти все команды. И вот мы всё закинули в машинки и как-то не рассчитали время. Вернулись гораздо позже, когда наше время уже кончилось, и стирать должна была другая сборная. Идем с этими пакетами с пончиками и думаем: сейчас, наверное, нашу форму уже вытащили и разбросали по прачечной, в лучшем случае – свалили в кучу…

Повезло, что после нас в очереди были японки, а не наши самые принципиальные соперницы – итальянки или бразильянки. Мы заходим в прачечную, а вся наша форма разложена аккуратными стопочками. Шорты отдельно, топики отдельно, носочки отдельно, форма разных цветов тоже отдельно…

Честно говоря, если бы кто-то наше время занял, мы бы эту чужую форму просто положили бы сверху на стиральные машины. Мол, нечего занимать чужое время! Но японки – молодцы. Чего-то нам так неудобно перед ними стало… Мы эти аккуратные стопочки быстро запихали огромными комками в рюкзаки и пакеты, чуть ли не ногами утрамбовали и скоренько отчалили. Сказали «аригато» и ушли. Японки на нас смотрели округлившимися от удивления глазами.

…Понятно, что никто в сумки нам, как на таможне, не заглядывал, и «диету Капрары» удавалось обходить. Спокойно заваришь чаек, достанешь пончик – красота! Мои любимые были с заварным желтым кремом…

Еще все в нашей команде обожали японские бутерброды-треугольники. Рисовые, с креветками. Тоже вкуснотища. Вот таким незамысловатым образом пытались сами себя развлекать и баловать.

Главные сувениры из Японии – это продукция производителя волейбольной экипировки Mizuno. В Осаке был огромный пятиэтажный магазин этой фирмы, и вот там мы по-настоящему отрывались! Тем более это технический спонсор сборной России, поэтому нам полагалась хорошая скидка. Большинство друзей ведь все равно из волейбольной тусовки, поэтому какая-нибудь кофточка или футболка Mizuno с Микки-Маусом считалась самым крутым подарком.

Если кратко резюмировать, победа 2006 года сильно поменяла отношение к волейболу в нашей стране. Надо отдать

должное Капраре, ведь эти изменения связаны не только с выигрышем золотых медалей чемпионата мира, но и с тем, что игроки национальной команды получили гораздо больше свободы в общении с прессой.

Раньше на любое интервью мы должны были отсылать журналиста к Карполю за разрешением. А он такие разрешения давал весьма неохотно. И сборная была очень закрытой, о ней мало кто что знал. Даже когда мы играли успешно…

Ну а когда ты «свободный» игрок, да еще и на волне успеха… Все эти интервью и телепередачи после возвращения с ЧМ-2006, конечно, добавляли популярности волейболу и дали очень мощный толчок к его развитию.

* * *

Тем обиднее было то, что на Олимпиаде-2008 мы, называя вещи своими именами, провалились. Погода в Китае во время Олимпиады была под стать нашему настроению. Солнышка не видно, только весь день над головою густой серый смог – туман. И жуткая влажная жара. Выходишь на улицу, и тут же майку можно выжимать. Ливни периодически тоже случались. Как-то раз дождь начался, когда мы обедали в столовой в Олимпийской деревне. В итоге в корпус бежали, почти как супергерои из комиксов, только за спинами у нас развевались не красивые плащи, а целлофановые дождевики…

Единственное развлечение – вечерами играли с мужской волейбольной сборной в мафию. Чаще всего я и Маринка Бабешина. Когда сели играть первый раз, то, не стесняясь, предлагали «валить» Владимира Романовича Алекно. Мол, ну кто тогда мафиози, если не он? Потом ребята нас все время звали: «Приходите еще!»

Сама Олимпийская деревня обычная. Хуже, чем в Сиднее, лучше, чем в Афинах. Все из-за этой жары очень боялись, что в комнатах не будет кондиционеров. Но они, к счастью, наличествовали.

А вот с питанием поначалу полнейшая катастрофа. Первые два-три дня мы откровенно мучились, но потом совершенно неожиданно для себя открыли китайскую кухню. Именно в этот отдел олимпийской столовой почему-то завозили самые свежие продукты. И рыба красная, и какие-то диетические пельмени на пару, и еще много всего вкусного и полезного. Притом что до этого блюда азиатской кухни мы вообще никогда не ели, даже когда играли, например, в Японии. Как-то не хотелось

экспериментировать.

Времени посмотреть Пекин у нас, естественно, не было. Обычная история на Олимпиадах. Собственно, у всех «игровиков» примерно одинаковый режим – тренировки, матчи, отдых. Это представители индивидуальных видов спорта могут приехать, выступить на своих соревнованиях, а потом еще у них есть свободное время для изучения столицы Игр. У нас же даже выходных не было. Единственное развлечение – та самая «мафия»… Ну и телевизор, звонки родным по скайпу.

…С точки зрения собственно игры это было худшее выступление сборной России за все время, что я являлась ее частью. Незадолго до Олимпиады мы играли турнир и уже в тот момент говорили Капраре, что плохо себя чувствуем. Именно в плане «физики» сил вообще почему-то не было. Непонятно: то ли недотренировались, то ли перетренировались. Мы не знали, что с нами, но четко понимали: что-то идет совершенно не так, как нужно.

На собраниях открыто говорили об этом тренерам: «Мы себя плохо чувствуем, у нас ни резкости, ни скорости»… А нам в ответ показывали всевозможные графики и таблицы, статистику – мол, все нормально, все по плану.

Мы отвечали: «Да, мы играем хорошо, даже побеждаем – но легкости нет никакой, это «хорошо» достигается через «не могу», огромным трудом. И на Олимпиаде этого точно не хватит»

Нас все равно пытались успокоить: ничего страшного, через две недели в Пекине вы будете в отличной форме. Все сложится нормально.

Прошли две недели, и ощущения стали еще хуже. Просто ужас! Заканчивается очередной розыгрыш, и половина команды стоит, опершись о колени с открытым ртом, и хватает воздух, пытаясь отдышаться… Конечно, мы пытались что-то сделать, как-то эту ситуацию преодолеть. Но не смогли.

С первых матчей в Китае стало окончательно понятно, что нам будет катастрофически тяжело. Сначала уступили итальянкам – 1:3. Потом Бразилия обыграла нас, что называется, в одну калитку – 25:14, 25:14, 25:16. Не получалось почти ничего.

Хотя, конечно, продолжали надеяться, что все-таки на морально-волевых сможем преодолеть все трудности. Пытались и между собой обсуждать, делиться мыслями, как улучшить игру. Тоже не помогло. «Отскочить» не удалось.

Был и еще один момент, который постоянно психологически выбивал нас из колеи. Мы привыкли, что сборная России – единая команда. На всех предыдущих Олимпиадах, да и вообще на любых крупных турнирах, мы всегда ходили есть вместе с

тренерским штабом.

А тут наставники от нас отделились. Даже когда шли обедать или ужинать в одно время с нами, все равно всем своим штабом они занимали отдельный столик. И сборной этого ощущения единения команды в Пекине очень не хватало. В какой-то момент нам даже попытались объяснить: мол, мы не ходим с вами есть, потому что очень много работы по статистике, ее надо обсуждать в тесном тренерском кругу. Но мы же видели: много раз Капрара и его помощники не были ничем заняты. Неприятно это было и хорошему настроению точно не способствовало.

В четвертьфинале с китаянками мы, несмотря ни на что, готовились играть на победу. Играла у них в составе одна девочка, Имэй Вонг, мы ее прозвали Птичка. Высокая, мощная. По мячу била – словно ногой. Нас эта Птичка заклевала…

* * *

Когда после поражения от хозяек турнира состоялось итоговое собрание и Капрара заявил, что уходит из сборной – никто особенно даже не отреагировал. Скорее, все обрадовались. Помню, как после этого собрания зашла в наш блок в Олимпийской деревне, и половина команды буквально прыгала на кроватях, радуясь отставке Капрары.

Думаю, ошибка итальянца в том, что в какой-то момент он слишком буквально принял к сведению совет – мол, с этими девчонками надо обращаться пожестче и построже. И попросту перегнул палку. Помню, на каких-то сборах нам даже запрещали выходить за территорию Новогорска. На вопрос: «А где тогда гулять?» – следовал ответ: «Гуляйте по периметру»…

Как в тюрьме. Естественно, это вызывало внутренний протест. Все эти камешки-кирпичики накапливались, и в итоге в Пекине-2008 привели к вполне логичному результату. Ни на одной другой Олимпиаде при мне сборная России не выглядела так плохо.

Понятно, что мы, спортсмены, привыкли ко всевозможным ограничениям. И при Карполе, естественно, этих ограничений тоже было очень много. Но все-таки должна же присутствовать хоть какая-то логика. А ее во многих распоряжениях Капрары не было, они находились за гранью разумного. При этом тот же Карполь в обычном общении, не на площадке, не был жестким…

Конечно, и в общении с итальянцем хватало и хороших, даже добрых моментов. Все-таки он был далеко не таким жестким, как Карполь. Мы даже могли себе позволить слегка подурачиться,

подшутить над ним и его штабом.

…Перед чемпионатом мира 2006 года итальянцы имели неосторожность сообщить нам, что 25 августа у них в стране отмечается праздник, когда все друг на друга прыскают водой. По поверью, чем больше прыскают – тем больше тебе будет счастья.

Ну а русский человек – он же меры в праздниках не знает… Поэтому мы решили «осчастливить» Капрару и его ассистентов, что называется, по полной программе.

В итоге была разработана серьезнейшая шпионская операция. Мы тогда проходили сборы на базе в России. Зальчик там небольшой, но уютный. Мы изучили все входы и выходы в него, пришли заранее, задолго до тренировки. Собрали все ведра и тазики, которые смогли отыскать на этой даче. Наполнили их водой до краев, спрятали. Даже каким-то образом протянули ко входу в зал поливочные шланги!

После этого заперли все эвакуационные и запасные выходы. Открытым оставили только главный вход. И при этом несколько человек готовы были оперативно захлопнуть эту дверь сразу после окончания тренировки. В общем, засада была оборудована по полной программе. Наверное, даже партизаны во времена войны с французами в 1812 году не готовились так тщательно, как мы…

Итальянцы заподозрили неладное уже на тренировке. Все-таки мы не могли заниматься с серьезными лицами, периодически хихикали без видимой причины. В итоге кто-то из штаба наш план раскусил и предупредил итальянцев: «Все, парни, финита ля комедия. А говоря по-русски – нам всем труба, девчонки с ведрами сидят в засаде…»

Но деваться тренерам все равно было некуда. Мы были намерены оторваться по полной, и шансов спастись у итальянцев не было. Кто-то даже хотел удрать через окно, но его и там поджидали с тазиком…

Первой жертвой стал тренер по физподготовке. Сначала на него вылили несколько ведер «счастья», а потом попросту засунули за шиворот шланг.

Потом дошла очередь до других. Капраре, кстати, удавалось долго скрываться. Мы его везде поджидали, несколько человек с полными кастрюльками воды даже залезли на крышу…

Он долго не подходил к корпусу, но в конце концов сначала массажист, Александр Иванович Клюйков вылил на него полную бутылку, а потом уже мы окатили водой с козырька основного здания.

Понятно, что в отношениях с Карполем о подобных шутках даже помыслить было бы невозможно… Надо отдать Капраре

должное: он никак не пытался на нас после этого случая «отыграться».

Дольше всех от своей толики водного счастья скрывался итальянский статистик. В отношении него пришлось прибегнуть к хитрости. Кто-то из девчонок сказал ему: «Иди срочно к Капраре, он тебя ищет». Он все равно поначалу идти не хотел: «А что ему нужно?» Мы такие: «Нам-то откуда знать, он же главный. И нам не докладывает».

Бедолага клюнул, пришлось ему идти… Вышел на улицу, слышит окрик: «Эй, Кармело!» Поворачивается, и ему в лицо прилетает целый тазик водички. Он чудом успел отвернуться в другую сторону, но только для того, чтобы и с этой стороны получить полный таз.

Был еще один забавный случай. Не помню уже, в связи с чем мы хотели выразить свой протест, но решили выразить его в необычной форме. Перед тренировкой сделали себе чудовищный макияж: раскрасили глаза разным цветом, нарисовали какие-то страшные румяные щеки. Еще и вырядились как клиенты сумасшедшего дома – в носки и кроссовки разного цвета, лифчики поверх футболок…

Построились в шеренгу, ждем начала тренировки. Капрара зашел в зал и тут же вышел обратно. Потом вернулся: «Так, девчонки, все отлично, это действительно смешно и весело. Но сейчас идите смывать эту косметику и переодевайтесь».

Мы отказались и решили довести нашу «протестную акцию» до конца. Но тут в зал неожиданно пришли журналисты. Команда почувствовала, что все это не только не смешно, но и немножко глупо. В итоге как-то привели себя быстро в порядок прямо в зале…

Глава 9
Кузюткин

После Олимпиады в Пекине я приняла решение немного отдохнуть от сборной. Отдохнуть – наверное, самое правильное слово. Мне было просто необходимо чуть-чуть вырваться из этого бесконечного замкнутого круга матчей и тренировок. Я не отказывалась от национальной команды, но мне банально требовалось слегка перевести дух. Хотя бы раз в жизни сходить в нормальный отпуск, например… Конечно, родные и друзья поддержали в этом решении. Они же видели, сколько сил я оставляю на площадке.

Правда, тогда у меня тоже не сказать чтобы получилось совсем уж «глобально» отдохнуть. Вообще, первый длительный отпуск в жизни у меня случился в 2011 году. Вот тогда действительно отдыхала по-настоящему, несколько месяцев – с конца апреля по август. Ездила к тете в Челябинск, путешествовала по России и за границей…

Но и тогда, после Пекина, передышка организму была необходима. При этом я не любительница валяться на пляже. Для меня отдых – это всегда какая-то активность, надо что-то делать: ездить на экскурсии, узнавать какие-то любопытные подробности об интересных местах…

Вернулась я в сборную в итоге уже очень скоро, в 2009 году. По сути, ничего и не пропустила. Все-таки на тот момент я была действующей спортсменкой, и честь страны для меня не пустой звук. Чуть-чуть «отдышавшись» в спокойной обстановке, приняла решение снова защищать ее цвета.

Я приехала в Монтре, где снимался ролик для FIVB. Наша сборная тоже находилась там. Мы поговорили с новым тренером национальной команды Владимиром Ивановичем Кузюткиным, и он сразу ответил: «Жду тебя в сборной в любое время. На Гран-при поедешь обязательно, без всяких предварительных сборов и просмотров». Такой легкий получился разговор. Сошлись в итоге на том, что я приеду непосредственно на Гран-при.

Турнир тот складывался для нас непросто. Изначально Кузюткин говорил, что в дебюте практически не будет меня задействовать. В первых двух матчах я входила в игру со скамейки запасных, но потом вернулась в стартовый состав. В предварительном турнире мы потерпели ряд неожиданных поражений, например от Японии и Пуэрто-Рико, но в конце концов заняли второе место.

А вот на чемпионате Европы 2009 года у нас не сложилось. Обидно. Проиграли Польше и Голландии и даже не попали в финал – как и в 2003 году в Турции… Вообще у меня с континентальными первенствами как-то не складывалось.

Чем Кузюткин отличался от своих предшественников в сборной? Пожалуй, категорической нелюбовью к тренажерке. Все нагрузки предпочитал давать в зале, причем работой с мячами. Еще ни один другой тренер сборной не тратил столько времени и сил на то, чтобы построить защиту. В любом случае у нас на чемпионате мира 2010 года были очень хорошие защитницы: и Люба Соколова, и Света Крючкова, и Таня Кошелева. Да и себя я со счетов не сбрасываю. Понятно, что так летать по площадке, как, например, Света, я не могу. Но вообще в защите, учитывая мой рост, играю неплохо и пользу команде в этом компоненте игры тоже всегда приносила.

Да, здорово, когда у тебя благодаря хорошему приему есть такая вариативность в атаке, которая была у сборной России в мировом первенстве. Но при этом хорошая защита дает в нападении дополнительные шансы.

Также Владимир Иванович являлся противником длительного дневного сна. Он всегда говорил нам, что лучший отдых – прогулка. Если была возможность выбора, он всегда был за прогулку. А нам, конечно, это не нравилось: за много лет в сборной мы привыкли к определенному режиму, и дневной сон всегда был важной частью восстановления.

Если стоял выбор – «сон или прогулка» – мы, конечно, всегда голосовали за сон. А прогулки откровенно раздражали. Например, на чемпионате Европы 2011 года, который для нас выдался сложным и неудачным. После тяжелых вечерних матчей хотелось скорее лечь в постель, но вместо этого по тренерскому плану нужно было идти гулять.

Приходилось слушаться. Хотя в какие-то моменты доходило до скрытого протеста. Все-таки массаж и различные медицинские восстановительные процедуры представлялись нам куда более важным делом, чем вечерний моцион… И мы вместо прогулок шли ко врачам. Спасибо докторам, они нас в этом вопросе всегда поддерживали. Не уставали говорить тренеру: «Владимир Иванович, конечно, когда девочки отдохнувшие, когда у них ничего не болит, тогда погулять – это здорово и прекрасно. Но медицинское профессиональное восстановление прогулки заменить не могут».

* * *

Даже не могу сказать, чем Кузюткин принципиально отличался от своих предшественников на посту наставника сборной. Каких-то особенных «фишек» и заморочек, кроме этой любви к прогулкам, у него не было. Тренер и тренер. Проводит занятия, дает установки на матчи, подсказывает в тайм-аутах. Все как обычно.

При этом наставником Кузюткин был очень строгим. Дисциплина четкая, внутрикомандные правила обязательны к выполнению для всех. Если на матч дана определенная установка – значит, надо ей следовать до тех пор, пока он не внесет коррективы. С этим связан, кстати, один забавный эпизод.

Чемпионат мира 2010 года. Полуфинал, концовка матча с американками, у нас матчболы. Оставалось забить всего один мяч – и все, победа, здравствуй, финал. Кузюткин все время кричал нашей связующей Жене Старцевой, чтобы она пасовала мне. А там получилась такая расстановка, что напротив меня стояли самые высокие соперницы. После нашего приема они каждый раз бежали втроем меня блокировать – и смягчали удар, и получали контратаку.

Однако Кузюткин продолжал кричать: «Пасуй в четыре!» – то есть в мою зону. Мы в итоге с Любой Соколовой прямо перед розыгрышем подошли к Жене, и я сказала: «Пасуй Любе!» Она послушалась, и Люба забила вообще, по-моему, без блока. Все, матч окончен.

Приходим в раздевалку, вдвоем подходим к Жене:

– Ты чемпионат мира выиграть хочешь?

Она кивает.

– Ну тогда слушай то, что мы говорим!

Понятно, что слова тренера – это очень важно. Но когда стоишь на площадке, можно заметить некоторые вещи, которые от его внимания ускользают…

Но надо сказать, что этот эпизод на том турнире был чуть ли не единственным подобного рода. Может, потому что у нас почти во всех матчах все складывалось очень хорошо, и необходимости в таких необычных решениях не возникало?

* * *

Понятно, что порой Кузюткин давал волю эмоциям. Но все-таки откровенной брани или грубости от него никогда не слышали. Хотя ясное дело, что иногда мы заслуживали серьезной критики – не все же нас гладить по головке…

На мировое первенство 2010 года в Японию летели с четким

ощущением: у нас есть составляющие для того, чтобы повторить успех четырехлетней давности. И с «физикой» все было в порядке, и состав хороший… Не то чтобы мы заранее считали себя победительницами, но желание выиграть было очень большое. То есть это не предчувствие, а именно понимание того, что команда у нас сильная, способная добраться до самой вершины.

Костяк в сборной был тот же, что и все последние годы. Я, Маша Бородакова, Люба Соколова, Света Крючкова… Плюс в состав добавились другие талантливые волейболистки – Таня Кошелева, Женя Старцева, Мария Перепелкина. И от матча к матчу мы становились все более сыгранными. А уверенности в себе становилось все больше.

По ходу чемпионата мира мы в итоге победили во всех одиннадцати поединках. Конечно, это очень сильно помогало психологически. Мы не занимались шапкозакидательством, но вот эти инъекции оптимизма, которые мы получали с каждой новой победой, являлись важным фактором. При этом на 99 процентов предполагали, что в финале встретимся с главными нашими соперницами – бразильянками. И что будет очередной матч с приставкой «супер», что будет много эмоций и еще больше попыток что-то доказать друг другу…

Конечно, когда японки сенсационно навязали борьбу Бразилии в полуфинале, мы тихонько болели за сборную хозяек турнира и не верили своему счастью. Думали: ну неужели вот сейчас нашим соперником в борьбе за золото станут азиатки? Но, увы, как и на предыдущем чемпионате мира, в финале снова пришлось встретиться с Бразилией.

У Японии вообще на том турнире подобралась отличная команда. Первый групповой турнир они прошли без единого поражения, а на втором этапе уступили только нам, со счетом 1:3. Но то, что они в полуфинале попортят столько крови Бразилии, предсказать было все равно сложно. Хозяйки выиграли первый сет, а потом еще и второй, причем с запредельно волевым счетом – 35:33. На большее их, к сожалению, не хватило, но в любом случае нам стоит поблагодарить их за помощь. Южноамериканская команда в своем полуфинале явно затратила гораздо больше сил, нервов и эмоций, чем рассчитывала.

Финал был не только противостоянием мастерства и таланта, но и психологической дуэлью. В голове сидело, что мы у них выигрывали, что они не могут нас не бояться. Ну или если «бояться» – слишком громкое слово, то как минимум они должны нас уважать.

Вообще, когда пересекались с бразильянками в холле отеля, в лифте, на арене или еще где-нибудь, и мы, и они держали себя

подчеркнуто корректно, вежливо и спокойно. Никакой агрессии. Такое холодное, сухое уважение… Мы, конечно, для них являлись самым главным раздражителем.

* * *

Болельщиков на этом турнире было меньше, чем на других крупных соревнованиях, проходивших до этого в Японии. Раньше трибуны буквально ломились от желающих попасть на волейбол. А в 2010 году никакого ажиотажа не было. И это воспринималось немножко грустно. Все-таки наш вид спорта в Японии всегда очень любили.

Наверное, падение интереса связано с тем, что уровень местного чемпионата упал. Но на финал все-таки арена забилась. К тому же японцы очень ярые и, что называется, благодарные болельщики. У них есть не только любимые команды, но и любимые игроки. Нередко приходят на матчи с забавными плакатами или транспарантами, посвященными кому-то персонально. А многие даже путешествуют по миру за кумиром. Например, когда проводился Гран-при, за нашей сборной всегда ездила группа японцев. После каждого матча они подходили, дарили какие-то сувенирчики, фотографировались… Собственно, это касается не только японцев, а в принципе азиатских любителей волейбола.

Были, конечно, и у меня персональные болельщики. Причем они появились много лет назад, почти сразу, как я стала выступать за сборную России. Впрочем, у меня это всегда находилось как-то на периферии сознания. Ну подходят, я раздаю автографы, фотографируюсь – не жалко, пожалуйста. Прикольно, необычно, но не более того. А аккаунтов в социальных сетях у меня на тот момент еще никаких не было, поэтому все общение с поклонниками проходило в очень «лайтовом» и коротком послематчевом режиме.

В Японии любовь Кузюткина к прогулкам была реализована нами в полной мере! Бродили по городу, пили кофе в маленьких кафешках, я особенно любила Green Tea Latte. Жила с Лесей Махно, и гуляли тоже чаще всего с ней вдвоем. Все время покупали какие-то подарки и сувениры родным. В основном всякие такие японские необычные штуки. Еще очень любили посещать… местную аптеку. В Японии во всех отраслях, не только в медицине, хватает всяких прикольных вещиц, которых в России никогда не было и, возможно, не будет. Такое все маленькое, интересненькое, необычное – как тут удержишься, обязательно

надо всем друзьям и родным купить!

Ну и в магазин Mizuno тоже, конечно, продолжали ездить. Собирались группой человек в 10, садились на метро и потом закупались в этом центре. Всякие мячики, ручки, полотенца, гольфы, магнитики, футболки с символикой чемпионата…

Болельщики, конечно, у нас тоже постоянно просили на память игровые футболки, но мы не давали. Не потому что жалко. А просто мы же не футболисты, у которых этих маек двадцать штук. Вот в том же Пекине-2008 у меня после неудачной стирки остался всего один комплект белой формы…

И почти на всех соревнованиях такая же история: есть две майки. Если вдруг одна потеряется после стирки – берешь запасную… Вот и все. Тем более у меня на эту форму обычно были желающие из числа друзей и близких.

Фанатов на финале было больше у Бразилии. Причем именно бразильцев, которые специально прилетели в Японию. И японцы тоже в основной своей массе поддерживали южноамериканок. Но и нашими флагами на трибунах размахивали от души. Помогали. Это действительно приятно, когда среди желто-зеленого моря мелькают российские триколоры. Я смотрела перед началом финальной игры на эти флаги – и становилось радостнее. Мы тут не одни – и это здорово.

* * *

Кстати, наша борьба за золото с бразильянками началась еще до первого розыгрыша. Мы приехали в зал раньше соперниц и привычно отправились в нашу «любимую» раздевалку. Собственно, до этого мы всегда в ней переодевались – это даже стало традицией. Ну а как много значат для сборной все эти традиции и приметы, особенно перед важнейшими матчами, я уже рассказывала…

Тут выяснилось, что перед финалом организаторы решили отправить нас в другую раздевалку. Мы, недолго думая, просто взяли и поменяли местами таблички на комнатах. Японцы рядом бегают, суетятся, говорят: «У нас так нельзя!»

На что мы не могли ответить ничего, кроме: «А у нас в России – можно! Кто первым встал, того и тапки…»

Мы еще и музыку нашу врубили на полную громкость. Там в принципе места было не очень много, поэтому все тейпирование, все растирания происходили в маленьком общем коридорчике. И Зе Роберту ходил по этому самому коридорчику и на нас смотрел. Видимо, кто-то ему настучал, что мы поменяли раздевалки, и,

естественно, он не был в восторге от этой нашей смелости и наглости. А может, ему просто интересно стало, что такого необычного в этом нашем разминочном зале, каким именно медом он намазан. Бразильский тренер еще вместе со своим помощником просил, чтобы мы музыку сделали потише…

Уже после окончания финального матча, в котором я набрала 35 очков и из них 8 на тай-брейке, журналисты спросили: «Считаете ли этот матч лучшим в карьере»? Ну, мне сложно саму себя оценивать… Но одним из лучших, особенно учитывая его значимость, конечно, считаю. В «копилочку» он точно попал…

Есть такое понятие «идет игра». Не только в жизни, в спорте тоже. И вот у меня в том финале действительно по-настоящему «шло». Я делала какие-то такие вещи, что после розыгрышей сама удивлялась: «Ничего себе, даже это проходит!» Откуда-то с задней линии, против тройного блока, с неудобной передачи атакуешь – и все равно забиваешь.

Помню, в пятой партии был эпизод: я атаковала из четвертой зоны, передачу мне после неудачного приема давали очень далекую и сложную, из первой зоны. И даже успела подумать: надо сейчас прыгнуть повыше, потому что никакой щелки в блоке с такого острого угла не найти. В итоге выпрыгнула очень высоко – а блока передо мной вообще не оказалось. Соперницы неудачно выбрали место и остались в стороне от меня. Я ударила в «четыре метра» с такой силой, как, по-моему, до этого вообще никогда в жизни не била.

Вообще в этом финале хватало эпизодов, которые эмоционально встряхивали нашу команду. На каком-то отрезке у нас ничего не получалось, и тут Маша Перепелкина делает важнейший блок, чудом успев пристроиться к Жене Старцевой во второй зоне. Еще подача у нас очень хорошо летела. В такой игре – «на тоненького» – любое удачное действие, любой удачный розыгрыш может привести к победе и в сете, и в матче.

Вообще «свои» партии в этом финале мы выигрывали уверенно, с большим отрывом. Бразильянки два сета взяли с гораздо большим трудом. Но чем ближе становился тай-брейк, тем больше становилось напряжение. А уж в самой пятой партии оно и вовсе достигло апогея. Вроде вот она, победа, совсем рядом, ну а вдруг не получится?

В концовку пятой партии пришли при равном счете. Но в самых нужных моментах мы оказались чуть целеустремленнее. Красивым и немножко нелепым получился розыгрыш нашего четырнадцатого очка. Сначала мы отбились у сетки, потом подняли сложнейший удар в защите, и в конце концов я забила мяч в пол почти без прыжка через двойной блок… Повели 14:11,

и стало ясно, что этот перевес мы уже не упустим. Ну а в последний удар я вложила все свои оставшиеся сил.

Первые эмоции после победы – это как поездка на американских горках. Когда ты сначала кричишь-вопишь: «Ура!» – а потом устало и немножко растерянно выдыхаешь и радуешься тому, что все закончилось. У меня эти качели длились очень долго.

Кстати, о чемпионских футболках Mizuno, которые подготовил технический спонсор сборной, мы не знали до самого последнего момента. Было очень неожиданно и очень приятно.

Потом нас с Таней Кошелевой куда-то звала переводчица – а мы никак не могли понять зачем. Оказалось – получать индивидуальные призы. Мне – MVP, ей – лучшей нападающей. В этот раз приз лучшему игроку достался мне, хотя сборная Японии выступила гораздо лучше, чем четыре года назад. А японкам, завоевавшим бронзу, на сей раз организаторы решили вообще больше никаких наград не вручать. Видно, помнили о конфузе на прошлогоднем чемпионате мира.

Затем у нас состоялся торжественный командный ужин, нам вручали разные подарки… Так, спонсоры из Mizuno подарили очень милые подвески с жемчужинами.

* * *

…Как и в 2006 году, наша победа вызвала всплеск интереса к волейболу по всей стране. Разумеется, нам снова организовали красивую встречу в аэропорту, и журналисты, и болельщики, и глава ОКР Жуков приехал поздравить. Сразу по прилете нас повезли на телевидение. Все это продолжалось довольно длительный период.

Победа, а в особенности большая победа, – самый лучший рецепт для того, чтобы привлечь внимание к тому или иному виду спорта. Ну разве что футбол и хоккей можно вынести за скобки – они популярны всегда. Ну а в волейболе у России, слава богу, успехов хватает.

При этом никакой зависти к коллегам из того же футбола или хоккея лично я не ощущаю. И никогда не ощущала. Многие говорят: ну как так, они играть вообще не умеют, а им платят такие деньги… Я по данному поводу очень много дискутировала и с журналистами, и с подругами по сборной. Игроки же не виноваты, что в их виды спорта вливаются такие колоссальные деньги. Что им, отказываться от миллионов долларов? Я думаю, никто на их месте не отказался бы. Так что можно только

порадоваться за ребят, если они уже лет в 18 получают контракты, которые позволяют обеспечить себя на всю жизнь. Да, они летают на частных самолетах, живут в самых лучших отелях и катаются на очень дорогих машинах. Что тут поделать, если волейбол не так популярен, как футбол?

В конце концов, есть множество видов спорта, представители которых смотрят на волейболистов и думают: вот это им повезло, вот это у них контракты! Так что все в этом мире очень относительно. И вины самих спортсменов в данной ситуации нет. Ну вот такая сложилась ситуация, что в разных видах платят по-разному. Ничего с этим поделать нельзя. Так устроена жизнь.

Глава 10
Казань

Факторов, из-за которых я решила продолжить карьеру в казанском «Динамо», было много.

Во-первых, банально соскучилась по России после года, проведенного в Стамбуле в составе «Фенербахче». Ну и, конечно, очень важным обстоятельством было то, что главным тренером клуба являлся Ришат Гилязутдинов. Он работал в сборной помощником Кузюткина, я его прекрасно знала и как тренера, и как человека.

Он возглавил клуб из Татарстана в июне 2009 года. На тот момент у меня уже был подписан контракт с «Фенербахче». Мы с Маринкой Бабешиной, находясь в сборной, смеялись: «Ришат Сиразутдинович, возьмете через год к себе на работу?»

Он в ответ тоже смеялся: «Конечно, возьму!»

И так получилось, что наша шутливая «просьба» оказалась пророческой.

Примечательно, что переговоры и с краснодарским, и с казанским «Динамо» у меня прошли в один вечер, с разницей буквально в пару часов. Дело было в Одинцово, где я в составе «Фенербахче» играла четвертьфинал Лиги чемпионов. Сразу после матча с «Заречье-Одинцово» пообщалась с главой краснодарского «Динамо» Русланом Олихвером. Не знаю, прилетал ли он туда по своим каким-то делам или специально, чтобы со мной пообщаться…

А где-то в 10 или 11 вечера разговаривала уже с Сергеем Николаевичем Чернышовым, директором другого «Динамо» – казанского.

Очень большое значение для меня имело то, что в Казани формировалась по-настоящему чемпионская команда. Мне сказали, что в «Динамо» приглашают игроков высокого уровня. Собственно, играть в клубе, который не ставит перед собой задачу быть на самой вершине, мне было бы неинтересно. Там уже выступала американка Джордан Ларсон – и наличие такого техничного игрока тоже стало одним из составляющих успехов клуба.

Ну и динамовское руководство – это своеобразный синоним слова «стабильность». Асгат Ахметович Сафаров, в то время министр внутренних дел Татарстана, решил создавать команду настолько высокого уровня, чтобы с места в карьер можно было претендовать на первенство и в России, и в Европе.

Мне говорили: не бойся, у нас в клубе все будет очень хорошо. Чернышов рассказал, что команду пополнят Маша Бородакова, Катя Уланова, Таня Кошелева. Конечно, когда ты знаешь, с кем будешь вместе стоять на площадке, и знаешь, какого высокого уровня твои партнерши, это сразу подкупает. Наверное, именно эти факторы и стали решающими в процессе переговоров.

…Вообще во время подписания контракта с Казанью было ощущение уверенности и внутреннего спокойствия. Особенно если сравнивать с тем состоянием, в каком я находилась перед сезоном в «Фенербахче». Вот тогда действительно пребывала в серьезном смятении: чужая страна, другой менталитет, незнакомая команда, языковой барьер… Много было факторов если не пугающих, то, во всяком случае, неизвестных и вызывающих определенное беспокойство.

А в Казани я очень быстро почувствовала себя как дома. Главное для меня – психологический комфорт, а его руководители клуба и республики обеспечивали игрокам с лихвой. Никто не компостировал мозг, никто не приставал с нравоучениями…

Квартиру мне выделили в центре города. Серьезных пробок тогда не было, и до зала я легко добиралась за 10–15 минут. Изначально предлагали жить рядом с новой волейбольной ареной. Но это новый микрорайон по дороге в аэропорт, и жить там мне не слишком улыбалось. Тем более после Москвы и ее бесконечных заторов на дорогах доехать куда-то на машине всего за 15 минут – это же такие радость и кайф! Местные мне иногда говорили: «Сегодня была пробка». А я даже не понимала, что они имели в виду… Пробка – это когда ты час стоишь без движения.

Тем более вожу я спокойно, тормозят очень редко. Правда, был в Казани один гаишник, дежуривший обычно неподалеку от волейбольной арены – вот он меня останавливал почти каждый раз. Но не потому, что я нарушила, а просто так. Узнать, как дела, пожелать удачи и побед…

Хотя, конечно, были и вредные гаишники, откровенно пытавшиеся срубить денег. Понятно, что я могла все вопросы с ними решить одним телефонным звонком. Но все-таки каждый раз пыталась искренне «качать права» и оспаривать свою правоту в юридической плоскости, не прибегая к помощи высоких покровителей клуба из числа руководства города и республики. Впрочем, случалось подобное редко. Я действительно аккуратный водитель.

При этом, бывает, случается и «накосячить». Как-то меня остановили в Москве – в 2016 году, уже после завершения

карьеры. Тормознули, но сразу же узнали, даже водительское удостоверение не попросили предъявить. Просто покачали головами и укоризненно сказали: «Как же так, Екатерина, вот же знак специальный висит…»

Я такая: «Ну так 8 утра, что вы хотите. Светофор еще заметила, а вот знак – нет. Обещаю, больше не буду». Отпустили…

Вообще жизненный ритм в Казани, конечно, совершенно иной по сравнению с Москвой. Расстояния меньше… Поэтому с точки зрения работы лично для меня Казань – город вообще идеальный. С одной стороны, современный, комфортный, прогрессивный и красивый. А с другой – пробки не съедают половину твоего рабочего времени. Можно быстро добраться куда угодно – до салона красоты, магазина с хорошими продуктами… Так что с игрой за казанское «Динамо» у меня связаны исключительно положительные воспоминания.

* * *

Помню, когда перед первым сезоном проходила церемония представления новичков и нам торжественно выдавали футболки с номерами, тогда была официально, перед камерами, озвучена цель – победа в чемпионате России. Вряд ли хоть для кого-то из присутствующих это стало сюрпризом. Мы даже немножко удивились: а чего об этом говорить? И так все понятно. Иначе какой смысл было нас приглашать? Игроки, которые собрались тогда в «Динамо», априори на генетическом уровне «заточены» на борьбу за золото. Вторые-третьи места – сродни поражению.

Собственно, у всех в контрактах были прописаны серьезные бонусы за победы. Чемпионат России «стоит» столько-то, Кубок России – столько-то… Кстати, контракт мой в казанском «Динамо» с течением времени менялся, а вот суммы призовых за победу в том или ином турнире оставались неизменными. На протяжении всех шести лет, что я защищала цвета клуба.

Но побеждали мы, конечно, не ради денег. Особенно принципиальным было противостояние с московским «Динамо». Не только для меня, но и для Маши Бородаковой, для Кати Улановой…

Знаете, для кого-то повышенная мотивация может стать проблемой, а нам наоборот, помогала и подстегивала. И свои лучшие матчи мы часто выдавали именно в противостоянии с московскими одноклубницами, когда на кону стояло очень многое.

Конечно, со многими девчонками из московского «Динамо» мы через многое прошли в сборной. Нормально общались, дружили даже. Ясное дело, мы на них не кидались во время «динамовского дерби», словно бык на красную тряпку. Но уже непосредственно перед игрой – никаких шуток. Все очень серьезно. Да, накануне матча можно пообниматься, повспоминать что-то веселое. Но при этом напряжение все равно чувствовалось – все понимали, что завтра придется бить друг друга. Без жалости и в полную силу.

А вот столичные болельщики отреагировали на мой переезд в Казань плохо. Точнее даже, гадко. Писали всякие мерзости в социальных сетях и на нашем сайте, что-то кричали с трибун… Не только про меня, но и про других девочек, которые перешли из московского «Динамо» в казанское. В какой-то момент я вообще напрочь перестала читать, что обо мне пишут. Не важно кто – журналисты, фанаты… Почему я должна тратить свои нервные клетки из-за того, что какой-то болельщик сделал неправильную ставку в букмекерской конторе и решил после этого выплеснуть свой негатив в Интернете или с трибун?

Основной лейтмотив фанатских «обвинений» – что мы команда, купленная за нефтяные доллары!

Забавно было это слушать и читать… Наши болельщики на эти выпады реагировали гордо и с юмором: «Мы не нефтяные, мы майонезовые!» Потому что у нас спонсором была компания «Махеевъ», занимавшаяся производством продуктов питания. По легенде, придуманной маркетологами, еще до революции жил купец Махеев, основавший завод, который производил самый качественный в стране майонез…

Ну то есть нефть к нам совсем ни единым боком!

Наверное, понять московских фанов можно. Лигу чемпионов команда так и не выиграла, хотя была к этому очень близка. А теперь у нее, по сути, в одночасье появился мощнейший конкурент. Мы же сразу выбили столичных одноклубниц из полуфинала Кубка России…

Весной прилетели в Москву играть финальную часть российского чемпионата. С нами приехал наш талисман – очень симпатичная и веселая божья коровка. Как только местные фанаты ее не обзывали – и «тараканом», и еще как-то. В общем, действительно, гадкое отношение… Очень неприятно это было.

С другой стороны, всеми этими пакостями московские болельщики оказывали своей команде дурную службу. Потому что мы злились и заводились еще больше. Игры были тяжелые, напряженные, драматичные, и, может быть, именно этот дополнительный эмоциональный заряд и помог нам в итоге

склонить чашу весов в нашу пользу. Слава богу, до каких-то действительно серьезных эксцессов в общении с фанами дело не доходило… Ну а хотят кричать что-то с трибун – их дело, пусть кричат.

Что до казанских болельщиков – это хорошие, добродушные люди. Тем более мы постоянно выигрывали, и они всегда находились на позитивной волне. Собственно, в такой ситуации проблем с поклонниками априори не может возникнуть ни в одной стране. Трудности возникают только в случае поражений, тогда люди могут раскрыться не с самой лучшей стороны… Вообще поговорка «друг познается в беде» – очень правильная. Но у нас, как я уже писала, проигрыши случались нечасто…

Правда, нельзя сказать, что наша армия болельщиков в Казани была очень уж большой. И несмотря на все победы, она не слишком сильно пополнялась новыми людьми, полюбившими наш вид спорта. Даже года три спустя после переезда в Татарстан ко мне могли подойти в каком-нибудь гипермаркете и спросить: «Ой, а что вы у нас тут делаете?»

Я на это всегда отвечала дежурной шуткой: «Мол, в Москве делать нечего, скучно. А здесь, в Казани, IKEA больно уж хорошая. Вот и приехала, не удержалась».

Кроме того, солидную часть болельщиков мы потеряли, когда переехали в новый волейбольный Дворец спорта, построенный к Универсиаде. Изначально первые месяцы после моего приезда мы играли в «Баскет-Холле», расположенном в самом центре. А новая арена находилась на окраине, добираться туда многим казанцам было не слишком удобно. Конечно, здорово, когда у тебя свой специализированный Дворец спорта, но наши болельщицкие ряды после переезда изрядно поредели. Да, организовывались специальные автобусы для болельщиков, какие-то специальные акции по привлечению людей на трибуны, хорошие билетные программы, но в любом случае аншлагов стало существенно меньше.

* * *

Казань – спортивный город. «Рубин» дважды подряд становился чемпионом по футболу, «Ак Барс», один из сильнейших хоккейных клубов России, тоже не раз выигрывал первенство. Баскетбольный УНИКС, правда, в стране первым не становился, зато не раз побеждал в еврокубках. Ну а мужской волейбольный «Зенит» вообще один из сильнейших клубов планеты.

Однако какой-то конкуренции, «битвы за болельщика» между всеми этими грандами не было. «Зенит» по сути являлся нашим клубом-побратимом. Мы вместе тренировались, постоянно ходили на игры друг друга. Нас даже кормили одновременно и в одном месте. Конечно, мы очень дружили. Поздравляли мальчишек с 23 Февраля, а они нас – с 8 Марта.

Мы им один раз сделали большой плакат. Ну не плакат, а, скорее, огромную стенгазету. Изображения солдат различных родов войск и приклеенные фотографии головы. Кто-то был «десантником», кто-то «ракетчиком». Помню, Леша Спиридонов на нас очень обиделся, потому что его мы изобразили со шваброй в руках…

А ребята нам делали красивые видеоролики. Первый раз это стало классным сюрпризом. Перед тренировкой включился экран – и там поздравления! Еще они нам телевизор в раздевалку подарили. Ну и цветы, естественно, на все праздники. А также – сертификаты в салон красоты.

Ну а мы им – плакат! Лучший подарок – тот, который сделан своими руками…

Помню, нашему тренерскому штабу на один из Дней защитников Отечества подарили тельняшки. Ну то есть не только тельняшки – это были специальные «военные» наборы, куда также входили стальные фляжки, еще что-то, уже не помню. Так вот эту тельняшку Ришат Гилязутдинович непременно надевал на все самые важные матчи. Помню, май месяц, жара неимоверная, а у него из-под костюма все равно на фарт торчат сине-белые полоски.

С одеждой в казанском «Динамо», кстати, связана еще одна забавная история. У нас были клубные куртки. Очень красивые, белоснежные. Но как раз из-за этой своей красоты и белизны они были чудовищно непрактичные – очень быстро пачкались.

Лена Пономарева собралась сдать свою куртку в химчистку, и все девчонки попросили ее: «Сдай наши тоже, чего мотаться лишний раз». Без проблем – ее супруг Вася забрал у нас эти куртки, забросил в машину и поехал сдавать. В химчистке спросил:

– Скидку сделаете на большой заказ?

Его спрашивают:

– А что тут у вас?

Он:

– Да вот, ребятишкам из детского дома надо куртки постирать…

Естественно, скидку ему дали. И сердобольная приемщица каждый раз, когда он приходил еще что-то сдавать, подолгу его

расспрашивала: как там дела у детдомовских?

Нам, конечно, за это стыдно было, но Вася уже не мог признаться в обмане. Это вышло бы совсем уж некрасиво, и людей бы расстроил. Так мы, заслуженные-перезаслуженные мастера спорта, получили незаслуженную скидку…

А еще как-то подарили Ринату, предварительно посоветовавшись с его женой Люсей, кресло-качалку. Вроде бы он очень хотел именно такое. Но тренер на нас жутко обиделся: «Мне еще сорока нет, а вы меня уже в старички записали?»

Долго объясняли ему, что никакой задней мысли у нас не было. И вообще это не мы, это Люсина инициатива! Так в итоге потом у них в семье на это кресло очередь устанавливалась.

Вообще атмосфера в команде была по-настоящему семейная. Как внутри коллектива, так и со стороны руководства.

* * *

Вот многие тогда говорили: казанское «Динамо» набрало суперсостав и поэтому выиграло чемпионат России пять раз подряд. Но другие команды что – не хотели победить? Хотели, конечно. И более того, именно так свою задачу и формулировали.

Ни одно из наших чемпионств не было легким, проходным. Общий уровень конкуренции в стране вырос очень серьезно. Это во времена «Уралочки» в конце 90-х можно было вешать себе на шею золотые медали еще перед началом сезона. А тут за каждую итоговую победу приходилось сражаться – с бурными эмоциями, с преодолением себя…

Примерно в те же времена началось наше «виртуальное» соперничество с Наталией Гончаровой. Меня все эти публикации в прессе, где нас пытались столкнуть лбами, очень скоро даже раздражать перестали. Скорее забавляли. Потому что все это быстро перешло в разряд полной глупости и сюрреализма. Журналисты сами придумали себе это противостояние и после каждого матча двух динамовских команд доставали Наташу и меня одинаковыми вопросами. От нас на полном серьезе ждали, что мы начнем драть друг другу волосы или кусаться прямо на площадке…

Понятно, что когда мы находимся по разные стороны сетки, то не испытываем к соперницам большой любви. Поскольку все мы амбициозные спортсменки, все очень хотим побеждать. Но при этом в первую очередь мы адекватные, нормальные, воспитанные, цивилизованные люди. Которые просто делают свою работу, и каждый старается делать ее максимально хорошо.

Конечно, для нас матчи с Москвой были главными. Смеялись, прикидывали в начале сезона: интересно, сколько раз сыграем друг с другом за сезон? Знали соперниц уже наизусть. С одной стороны, это здорово, когда ты прекрасно осведомлен о сильных и слабых сторонах противника. А с другой – и этот самый противник знает тебя как облупленного…

Плюс это опасно еще и тем, что ты в какой-то момент можешь махнуть рукой – а, я и так все про них знаю – и упустить какой-то важный тактический нюанс. В нашем тренерском штабе, кстати, на каждый из этих поединков старались придумать что-нибудь эдакое, новенькое. Крутили расстановку, «переключали» направление атак…

А вот дополнительно настраивать нас было не надо. Вообще. И никогда. Замотивированы мы были так, что мама не горюй!

Кстати, «раздражающих» соперников у нас хватало. Принципиальным было не только соперничество с московскими одноклубницами. Понятно, что матчи с «Уралочкой» для меня тоже всегда являлись чем-то особенным, я в них решала еще и свои личные задачи. Да и на то же краснодарское «Динамо» попробуй не настройся – тут же накажут, состав у них был классный…

В итоге в России мы, несмотря на всю эту конкуренцию, все время становились первыми. А вот Лига чемпионов нам долгое время не давалась. Несколько раз буквально уплывала из рук. Причем я же и в «Уралочке», и в «Динамо», и в «Фенербахче» была в шаге от этого трофея. Сбилась со счета, сколько раз становилась самой результативной в «Финале четырех», но при этом проигрывала в «золотом» матче на тай-брейке…

* * *

Какого-то «комплекса» Лиги чемпионов у меня, конечно, не было. Как и крутящейся в голове мысли: «Надо, надо, обязательно надо!» Просто было очень большое желание выиграть наконец уже этот турнир.

В сезоне 2011/2012 казанское «Динамо» дебютировало в главном еврокубке. В «Финал четырех» пробились на характере, в четвертьфинале обменялись победами с азербайджанским клубом «Азеррейл» и в итоге выиграли только в экстра-сете. Ну а в решающем турнире, проходившем как раз в Азербайджане, в полуфинале уступили моей бывшей команде «Фенербахче», которая потом и стала победителем Лиги чемпионов – кстати, впервые в своей истории.

В следующем сезоне в первом раунде плей-офф мы дважды играли с московским «Динамо» и дважды оказались сильнее. А во втором – также дважды, с одинаковым счетом 1:3, уступили бакинской «Рабите».

Наконец в сезоне 2013/2014 все звезды выстроились правильным образом, а у нас все получилось как надо. Конечно, очень существенную помощь нам оказала доигровщица сборной Италии Антонелла Дель Коре, которая как раз тогда пополнила ряды «Динамо». В ее активе до этого было целых три победных Лиги чемпионов, причем в двух из этих финалов ее команда оказывалась сильнее моей.

Но еще большую помощь нам оказал… проигрыш Кубка России! Уступили его своим главным конкуренткам из столичного «Динамо». Прекрасно помню, как все в раздевалке после поражения говорили:

– Пусть Москва заберет себе этот маленький кубок, надо же и им что-то выиграть. А мы возьмем Лигу чемпионов и клубный чемпионат мира!

И взяли! Антонелла оказалась эдаким цементом, который склеил нашу игру в единое целое. Она не только сама действовала здорово, но и другим девчонкам помогала раскрыть их лучшие качества. Помню, мы звали ее бабушкой, настолько она готова была постоянно всем помочь. Ну и правда она на заботливую бабушку очень похожа!

Если говорить о соперниках по «Финалу четырех», то больше всего мы опасались, конечно, «Вакифбанка», который являлся действующим чемпионом. Внушала опасения и азербайджанская «Рабита». Причем не из-за того, что за год до этого мы ей проиграли в плей-офф, и не из-за того, что она демонстрировала какую-то очень уж сильную игру. Просто «Финал четырех» снова проходил в Баку. Ожидать можно было всякого: и предвзятого судейства, и каких-то эксцессов со стороны болельщиков.

Поэтому в команде все очень обрадовались, когда узнали, что в решающих матчах площадка будет оборудована системой видеоповторов. Это добавило уверенности, позволило сосредоточиться непосредственно на подготовке. Все-таки видео – серьезное подспорье в играх с командами из Азербайджана на их «поляне».

В итоге к «Финалу четырех» мы подошли очень хорошо подготовленными. И тактически, и физически. В полуфинале мы как-то с первых розыгрышей придушили соперниц и не дали игрокам «Рабиты» поднять голову. Матч завершился со счетом 3:0 – 25:15, 25:21; 25:19.

Слава богу, никаких проблем и конфликтов с местными

болельщиками не возникло. Понятно, что они расстроились, но на площадки ничего не бросали, оскорбительных выкриков себе не позволяли.

К тому же и мы без поддержки не остались. Приезжали мужья Кати Улановой и Дель Коре, мой супруг с мамой, весь клубный штаб, обычные болельщики. И кричали они громко. Муж Дель Коре, кстати, после победы поднял вверх четыре пальца – мол, у моей жены уже четыре выигранные Лиги чемпионов! А я ему в ответ на это: «Эхххх, минимум парочка из них должны были быть моими. Но лучше поздно, чем никогда».

…После полуфинала у нас в команде царило очень оптимистичное настроение. Мол, посмотрите на нас и посмотрите на этот «Вакифбанк». Ну понятно же, что мы ничуть не хуже их! К счастью, эта уверенность не переросла в самоуверенность. Финал, конечно, получился гораздо более сложным, чем полуфинал, но все-таки мы тоже не отдали соперницам ни одного сета – 25:23, 25:11, 25:23. Совсем «на тоненького», но взяли первую партию – притом что турчанки вели 16:12. Причем последний розыгрыш в сете получился очень долгим. К счастью, с третьей попытки мне удалось забить. Дальше складывалось уже полегче…

Особенно запомнился, конечно, самый последний, «золотой», розыгрыш в финале. У нас было три матчбола, но один из них соперницы отыграли. Тренер взял тайм-аут и объяснил связующей: если прием нормальный, передача Кате, и она снимается. Турчанки, само собой, это тоже наверняка понимали и первый раз «поймали» меня блоком. Но уже в следующем, точно таком же, розыгрыше я исправилась.

* * *

Радость, конечно, была очень серьезной. Вообще очень любопытно спустя какое-то время анализировать свои эмоции после больших побед. Сначала, конечно, радость, эйфория. Потом осознание того, что удалось сделать по-настоящему важное дело. Ну а затем наваливается усталость…

Спасибо Жене Старцевой – она в этот важный момент, когда все были уставшие и расслабленные, не растерялась. После победы, когда нас поздравлял вице-президент клуба Ильхам Фаизович Рахматуллин, Женя очень вовремя пожаловалась на эту самую усталость и такой скромной застенчивой лисой спросила: «А мы ведь домой на чартере полетим?» Директор клуба Сергей Николаевич Чернышов начал укоризненно дергать ее за рукав: «Ты что, Старцева?» Ну а Рахматуллин: «Правда хотите чартер,

так сильно устали? Сейчас узнаю».

И буквально за минуту одним звонком все решил и организовал.

Я сразу же: «Женька, ты такая молодец!» Ну и вся команда, тоже, естественно, поблагодарила ее за находчивость.

Ну а если серьезно, эта победа действительно стала настоящим прорывом для женского волейбола. В масштабах не только Татарстана, но и всей страны.

Встречали в ВИП-зале казанского аэропорта золотым фейрверком, оркестром. Было много прессы, болельщиков, студентов. И конечно же моих любимых пирожков!

Вообще после побед нас каждый раз встречали как-то по-особенному, старались удивить. А когда сюрпризы заканчивались, спрашивали напрямую: «Что вам еще организовать интересного?»

Мы как-то ответили: «Вот «Зенит» на БТР катали, тоже хотим!» И нас тут же повезли на стрельбище. Разложили на длинный стол весь арсенал стрелкового оружия – пали по мишеням из чего хочешь. Правда, некоторые из этих автоматов или пулеметов невозможно было поднять… Но в любом случае было очень интересно. Мне особенно понравился такой маленький удобный короткоствольный автоматик, стреляла в основном из него. Мужчина, который нас по стрельбищу водил, посмотрел на мою мишень и сказал: «О, молодец, сдала зачет!»

* * *

Мне казалось, что Асгата Аметовича Сафарова в Татарстане многие слегка побаивались. Ну, побаивались – неправильное слово, наверное. Его уважали до такой степени, что боялись о чем-то попросить, рассказать о каких-то насущных проблемах. А команда с ним общалась спокойно и непосредственно. С уважением, конечно, – мы же с детства привыкли старших уважать. Но без какого-то пиетета, что ли. Иногда даже шутили как-то. И мне кажется, ему это нравилось.

Один раз мы были на приеме у президента Татарстана Рустама Нургалиевича Минниханова. Он к нам: «Ну как вам помочь, может, проблемы какие?»

Все, естественно, молчат.

А я сижу-сижу и поднимаю руку, как в школе: «Можно разметку на дорогах сделать? Ездить невозможно… Ужас же!»

Повисла пауза. Настоящая такая пауза, качественная и длинная, как в гоголевском «Ревизоре».

И Минниханов ответил:

– Ну вот знаю, что не поверишь же! Только сегодня утром этот вопрос обсуждали. Сейчас пока делаем временную разметку, не самую лучшую. Но к Универсиаде все разметим, как нужно!

…Через два дня выезжаю с тренировки. «Ооооо! Разметка! Круто!»

Еще Минниханов всегда, когда мы вместе фотографировались, в шутку просил скамейку или стул. Раз пошутил, другой, третий. Наконец, на очередной фотосессии я сказала:

– Рустам Нургалиевич, а у президента Медведева таких комплексов нет!

…И вот тогда уж наступила такая пауза – всем паузам пауза. Потом все потихоньку стали рассаживаться и «расставляться» по своим местам для группового фото, а у меня место было как раз в серединке, рядом с Рустамом Нургалиевичем. Вспышки, щелчки камер…

Все закончилось, он ко мне поворачивается:

– Нет у меня никаких комплексов!

При этом, конечно, все наши шутки были очень добрыми. Человек сделал для республики очень многое. Вообще, когда мужчина не стесняется взваливать на себя ответственность и потом эти обязанности честно тащит – это здорово.

Разумеется, и Асгат Ахметович Сафаров делал для клуба все, что мог. Когда было объявлено, что он уходит с поста министра внутренних дел Татарстана, все так ощутимо напряглись. Замерли в ожидании: что теперь будет? Но он тут же получил назначение на пост руководителя Аппарата Президента Республики, и сразу отлегло. Другие спортсмены нам говорили: «Ооооо, у вас теперь вообще жизнь сплошной малиной будет».

* * *

…До переезда в Казань я о ней ровным счетом ничего не знала. Мне повезло: я попала туда в очень хороший для города период. Благодаря Универсиаде и чемпионату мира по водным видам спорта его облик стремительно менялся в лучшую сторону. Буквально на глазах!

Я в Казани прожила 6 лет. А, например, Лена Ежова приехала туда с супругом, который выступал за казанское «Динамо», в 2000-м. По ее словам, когда она сошла с поезда, первым желанием было развернуться, уехать и никогда-никогда больше не возвращаться. Было очень жутко и страшно. Для нее то, во что превратилась Казань за последние 15 лет, это невероятное

достижение. Очень, очень похорошел город.

Каких-то особенно излюбленных местечек у меня в Казани поначалу не было. Так получилось, что именно тогда я познакомилась со своим будущим мужем и почти все выходные проводила не в Казани, а в Москве.

Ну а потом уже супруг прилетал ко мне. Проводили время, как все влюбленные пары, – ходили в кино, ресторанчики.

Примерно в это же время я подружилась с бухгалтером казанского «Динамо» Натальей Вадимовной Ниловой. И как-то так вышло, что очень много времени проводила у нее в гостях.

…Конечно, отдельная песня – это татарская кухня. Все эти эчпочмаки и прочие пирожки – мммм… Многие наши девчонки не могли себе их позволить. Точнее, позволять-то позволяли – удержаться трудно, – но потом грустно смотрели на себя в зеркало. Женя Старцева, когда приехала в Казань, вскоре поняла, что поправилась, и решила ограничить себя в пирожках.

Ну а у меня с лишним весом проблем не было никогда. Часто приходила в свой любимый магазин «Бахетле», покупала эчпочмаки, другие вкусности. Пирог с капустой там был какой-то особенный… Я, когда мы всей командой ходили на прием к президенту Татарстана, всегда спрашивала: «А пирожки будут?»

С пирожками связана еще одна забавная история. После какого-то матча ко мне подошел директор клуба Сергей Николаевич Чернышов: «Надо отправляться во Владивосток, нести олимпийский факел для сочинской Олимпиады. Завтра с президентом Татарстана летишь за огнем для страны».

Приезжаю наутро в аэропорт. Оказалось, что лететь предстоит с хоккеистом «Ак Барса» и сборной России Алексеем Морозовым. Чартерным рейсом, на президентском самолете.

Усаживаемся в кресла, к нам тут же подходят стюардессы, приносят меню. Все по описанию такое вкусное, глаза разбегаются… Сидим, читаем, выбираем. Заходит в самолет Рустам Нургалиевич: «Что они там выбрали? Глупости, ничего этого им не нужно!» – и отбирает у нас меню.

Мы: «Э, как так, лететь 8 или сколько там часов…»

А он: «Спокойствие!» И стюардессам: «Принесите им лучше пирожков…» И нам тут же притащили чуть ли не целую корзинку.

Сама, правда, готовить что-то из казанской выпечки я так и не научилась. Да и не хотелось особенно учиться. Чего время терять, если можно доехать до магазина и купить? А вот к сладостям всегда была равнодушна. Ну вот разве что в Турции полюбила рисовый пудинг кешкюль… Друзьям, конечно, чак-чак из Казани иногда привозила. А так в принципе я в еде вообще непривередлива. Люблю что-нибудь вкусное, но простое. Рыбу,

овощи…

Во Владивостоке, правда, было не до рыбы и не до морепродуктов. Оказалось, там собачий холод. Я натянула на себя два тренировочных костюма, еще что-то, какую-то жилетку вроде. Куртка, шапка, варежки… И все равно от холода этот матрешкин наряд не спасал. Впрочем, так одета была не только я, но и все участники эстафеты – Дима Губерниев, Маша Киселева…

Ехали на микроавтобусе, и нас по очереди высаживали бежать этап олимпийской эстафеты. Я если честно, даже толком не видела, куда бегу: слезы текли от мороза непрерывно. И потом в этот микроавтобус запрыгнула чуть ли не на ходу – так хотелось поскорее в тепло.

Кстати, в мой первый год в Казани нас периодически возили болеть за «Ак Барс». В Лиге чемпионов мы не играли, календарь был кайфовым – масса свободного времени. Такого в моей карьере вообще раньше никогда не было! Из других команд мы, конечно, чаще всего болели за «Зенит», но и на хоккей тоже выбирались.

Именно казанский клуб выступил одним из главных инициаторов организации моего прощального матча. Летом 2016-го мы встретились с Леной Годиной незадолго до Олимпиады. Она предложила организовать гала-матч, в котором недавно завершившие карьеру волейболистки «проводили» бы действующую сборную в Рио. Таким образом, этот поединок стал бы и для меня прощальным. Лена вышла с этим предложением на Зиничева, – но руководство московского «Динамо» эта идея не слишком заинтересовала.

Ну а в Казани идею восприняли на ура. И придумали красивую формулу моего прощального матча, – поединок двух сильнейших клубов страны, в каждом из которых я провела много лет. Примечательно, что с «Финала четырех» чемпионата России 2015/2016 я к мячу не прикасалась…

И после, кстати, тоже!

Сама я в этом матче хотела играть только за казанское «Динамо». Но в столичном клубе настояли, чтобы я выступала за оба коллектива. Причем вопрос этот был поставлен максимально жестко: без соблюдения этого условия москвичи бы на игру не приехали. Для меня, конечно, этот момент был неприятным. Сказала – как решит руководство казанского «Динамо», так и будет. Клуб из Татарстана проделал большую работу по организации поединка и этого моего праздника. В итоге сошлись на том, что в начале третьей партии я сыграю за команду гостей до первого технического перерыва.

Причем мне очень не хотелось забивать Казани. Поэтому я

попросила Катю Панкову мне не пасовать… Но в итоге решили, что разок она мне все-таки отдаст передачу. Забить, правда, я так и не смогла, – да и не особенно старалась.

Матч завершился со счетом 1:3. А потом состоялась красочная церемония проводов из большого волейбола. Мою майку подняли под своды арены, а номер вывели из обращения. При этом прощальную речь я писала себе с утра, потому что понимала, что спокойно говорить не смогу. Обязательно занервничаю, собьюсь, заплачу… В итоге слез сдержать все равно не смогла.

Глава 11
Супруг

Со своим супругом Михаилом Мукасеем познакомилась на съемках рекламы. Его компания снимала для торгового центра «Гранд» ролик. И владельцы этого центра в какой-то момент сказали: «Мы хотим, чтобы у нас снималась Гамова».

Соответственно, Михаил стал искать мои контакты. Он потом мне рассказывал: «Найти какого-то артиста или певца для меня труда не составляет. А вот твой телефонный номер доставал через седьмые руки».

Но поскольку он в детстве сам занимался волейболом, вышел в итоге на нужных людей. Позвонил своему детскому тренеру – Шелиховой Надежде Ильиничне, которая в разные годы работала с молодежью «Динамо» и ЦСКА. Она дала ему телефон Леонида Зайко. А потом уже он какими-то своими путями выяснил мой номер и передал его Михаилу… В общем, целая эпопея с неожиданным, но счастливым концом.

Правда, то, что ролик с моим участием был снят, – это самое настоящее чудо. Изначально, когда Михаил мне позвонил, предложение меня устроило, и я согласилась. Но времени выбраться в Москву как-то все не было и не было. Он мне названивал месяц, а я ему постоянно отвечала: «Да-да-да, обязательно приеду. Попозже».

Однако это «попозже» никак не наступало. В конце концов Михаил мне написал эсэмэску: «Вам это правда интересно?» А я была в какой-то суете, даже и не ответила. Уезжали вроде куда-то с командой… В общем, он сказал владельцам «Гранда»: «Извините, не будет у вас Гамовой, никак не получается».

И они уже сидели и перебирали другие кандидатуры для съемок, когда я совершенно неожиданно перезвонила. Говорю: «У меня образовался один выходной день, будет несколько свободных часов. Если успеем – ок, я готова».

Прилетела. Они потом признавались, что были уверены: со мной будет очень сложно. Поскольку особенного опыта «делания чего-то» на камеру у меня нет, а по времени – цейтнот. Поэтому меня постоянно пытались расслабить – шутили, предлагали шампанское…

И в какой-то момент мы просто начали смеяться. Почти без остановки. В итоге ролик отсняли быстро и весело. По сюжету я входила в этот торговый центр в нарядном платье, кругом хрустальные люстры, еще что-то… Этот ролик потом год крутили

по ТВ.

Вернулась в Казань, и Михаил стал писать мне эсэмэски. Переписывались, переписывались, а потом он приехал в Татарстан по работе – его компания участвовала в съемках ролика для казанской Универсиады. Причем, как он мне потом признался, особенной необходимости в его присутствии не было, но он себе эту командировку придумал, чтобы повидаться со мной.

С этого момента стали встречаться. Признаться, никаких планов относительно наших отношений я не строила. Сегодня счастлива – и слава богу, надо жить настоящим и наслаждаться хорошими моментами. Мне здорово, но сколько оно все продлится – месяц, три, год, – загадывать совершенно не хотелось. Поэтому предложение выйти замуж стало полнейшей неожиданностью…

Михаил написал мне… эсэмэску! Точный текст переписки уже не вспомню, конечно. Но смысл был такой: нам так хорошо вместе, все здорово складывается. И последняя смс что-то вроде: «Я не знаю, как это делается, но, может, давай попробуем и поженимся?»

Ну и я ответила в таком же стиле: «Давай попробуем».

Потом, конечно, он приехал и подарил мне кольцо. Но тоже без вставания на колено и всего подобного.

Вообще для меня вся эта «девчачья» тематика – подготовка свадьбы, выбор платья – особенного значения никогда не имела. Хотя меня после лондонской Олимпиады и пытались обвинять – мол, у Гамовой голова была забита замужеством, а не игрой…

* * *

Всю организацию свадьбы Михаил взял на себя. На мне было только украшение зала. Ну и платье, конечно, должна была выбрать.

Причем по факту получилось так, что и платье мне тоже помог купить супруг. Как-то так получилось, что я заказала свадебный наряд, и что-то там сорвалось. В итоге за месяц до свадьбы платья у меня еще не было и не было никаких идей, где и как его доставать.

…А мне как раз надо было ехать на турнир в Италию. И Миша тоже полетел. Нашел там свадебный салон. Предложил: «Сходи посмотри, вдруг что-нибудь приглянется». Мы с Лесей Махно туда отправились. Михаила, естественно, из салона выгнали…

Мне сразу понравилось короткое белое платье. Село на меня идеально. В итоге я решила, что лучше уж я буду на свадьбе в коротком платье, чем вообще без платья…

А потом я включила креатив и соорудила себе наряд-трансформер. Сверху нашила длинную белую юбку. А на самой свадьбе, когда наступило время веселых танцев, Миша с меня эту юбку снял, и я осталась в коротком платье.

…Мы сразу сошлись на том, что нам не нужна вся эта история с разбрасыванием риса, караваем, выкупом. Причем буквально за день до свадьбы наглядно убедились: нам это действительно не нужно. Мы сидели вдвоем в ресторане, и туда как раз приехала свадьба. Посмотрели вживую на всю эту ерунду – ведущего в нелепом цилиндре, родителей с караваем и гостей с горстями риса. И в один голос сказали друг другу: «Не-е-е-ет, у нас всего этого точно не будет! Сто процентов».

Задачей было сделать веселую вечеринку. Такую прикольную тусовку для своих. И, мне кажется, получилось…

Отмечали в Строгино, в яхт-клубе. Правда, ресторана этого больше нет – снесли.

Ведущему своему сразу объявили: «Чтобы никаких идиотских конкурсов – попадите попой в яблоко или засуньте карандаш на ниточке в бутылку. Никаких «Горько!» по десять раз подряд и с устным счетом».

«Да никаких проблем! Даже если гости начнут кричать «Горько», быстро чмокните невесту и снова садитесь за стол. Приглашенные все поймут, и им в любом случае это быстро надоест».

В итоге у нас был один-единственный конкурс. Надо было сказать «Я тебя люблю» на всех языках планеты. Но конечно, в век гаджетов и Интернета любой такой конкурс утрачивает смысл: все тут же полезли «совещаться» с Siri…

…Была отличная кавер-группа, народ у нас на местах не сидел и не скучал. Все танцевали от души. В какой-то момент я остановилась и поняла, что пол подо мной буквально подпрыгивает…

* * *

Еще был забавный момент. Мы расписывались в Хамовническом ЗАГСе, и в тот же день Хамовнический суд выносил приговор Pussi Riot. Журналистов понаехала огромная толпа. А мы ведь хотели, чтобы о нашей свадьбе пресса вообще не знала. Поэтому, когда увидела весь этот народ перед зданием –

сильно растерялась. Попросила у Инессы палантин, замотала его себе на голову…

Но меня все равно узнали. Смешно было, когда молодые ребята, стоявшие неподалеку, поочередно скандировали: «По-зор! По-зор!» и «Горь-ко! Горь-ко!»

В итоге в зал ЗАГСа мы вошли слегка взбудораженные. Смеялись – остановиться не могли. Нам читают торжественную речь про священный союз любящих сердец и все такое прочее, а мы продолжаем хохотать.

В какой-то момент ведущая церемонии даже спросила нас: «Молодые люди, вы сюда зачем пришли? Вы вообще жениться собираетесь?»

Мы: «Все, молчим-молчим…»

Надо признать, мы действительно в глазах сотрудников ЗАГСа были очень странной парой.

– Оркестр нужен?

– Нет. Вообще давайте без музыки.

– То есть даже марш Мендельсона брать не будете?

– Нет, спасибо. Нам и так хорошо!

А вот на следующее утро было не слишком хорошо. И вовсе не из-за «нарушений режима». Как я уже сказала, мы нашу свадьбу не афишировали, но журналисты все равно пронюхали. И когда утром я включила телевизор – впала в самый настоящий шок. Там по всем каналам крутили какие-то ужасные кадры, которые кто-то снял на мобильный телефон из-под полы. Картинка выглядела просто кошмарно.

Ощущение очень мерзостное. К тебе залезли туда, в тот уголок твоей жизни, в который ты никого не звал и пускать не хотел. Понятно, что есть люди, которые тайными съемками зарабатывают деньги. Но нам от этого не легче.

Пришлось как-то выходить из этой ситуации. Миша связался с Константином Эрнстом и предложил: раз уж этот сюжет и так все крутят, давайте мы вам хотя бы дадим нормальную видеозапись, а не это убожество. Так и поступили, и Первый канал стал транслировать уже красивый ролик.

* * *

Я вот в принципе терпеть не могу людей, которые меня фотографируют или снимают на видео без моего разрешения. Жутко раздражает. Если ко мне подходят и спокойно просят об автографе или селфи, почти никогда не отказываю. Но вот был случай: я как-то летела в самолете, и человек, сидевший рядом,

делал вид, что копается в телефоне, а на самом деле все время меня щелкал. Ну видно же это, блин! Глупо просто! Потом он набрался смелости и все-таки решил спросить: «Можно с вами сфотографироваться?» Пришлось ответить что-то жесткое. Смысл сводился к следующему: «А вам зачем еще, у вас же и так в телефоне полно моих фото?»

Меня даже Миша как-то спросил: «Почему у тебя такой кисляк на лице, когда просят сфотографироваться?» Даже не знаю – наверное, потому что до сих пор каждый раз смущаюсь…

Одно из наших совместных с мужем правил – никого из посторонних не пускаем к себе в дом. Это только наше, очень глубоко личное.

…Свадьба у нас была 17 августа, а 18 августа замуж выходила Леся Махно. Естественно, она пришла к нам на свадьбу, а на следующий день мы всей волейбольной толпой переместились уже на ее торжество. Нам-то с супругом хорошо – мы свою «обязательную» программу отработали. А вот Лесе, конечно, пришлось непросто.

Если вдруг кто не знает, она вышла замуж за игрока сборной России по гандболу Егора Евдокимова. И главный гандбольный тренер страны Владимир Максимов, приводивший команду к олимпийскому золоту в Сиднее-2000, устроил ребятам тренировку уже на следующий день после свадьбы Егора и Леси, 19 августа.

Причем даже я ему звонила: «Владимир Салманович, ну дайте своим ребятам хоть один денек отдохнуть!» Он сказал: «Да, без проблем». После чего тут же набрал второму тренеру: «Чтобы кровь из носу все были завтра на тренировке. Как штык!»

В итоге у Леси «второго дня» вообще не было, а мы свой проводили через день, 19 августа. Поехали большой дружной компанией в Серебряный Бор и играли там в волейбол на пляже, в формате «мальчики против девочек». Впервые такой поединок увенчал свадьбу Кати Улановой, потом настал мой черед…

Из профессиональных волейболистов в команде супруга играл Леша Остапенко. Юра Бережко тоже был, но он «работал» судьей, поскольку только-только восстанавливался после травмы.

Мы в нашу женскую команду взяли одного «легионера» – Мишиного папу, Анатолия Михайловича. И в итоге победили! Причем играли по «антипрофессиональным» правилам – запрещено было прыгать. В итоге мы все-таки сумели сломить ожесточенное сопротивление оппонентов…

* * *

…Многие меня потом спрашивали: «Тяжело было несколько лет жить на два города?» Я ведь до 2016 года играла в Казани, а Миша работал в Москве. Да ни капельки не тяжело, если честно. Ты просто принимаешь такие правила жизни и по ним живешь. Главный тренер «Динамо» Ришат Гилязутдинов, пусть и без большого желания, но шел нам навстречу и отпускал с Лесей и Катей на выходные в Москву – конечно, если позволял игровой график.

А периодически мы и вовсе сбегали. Тайком, не отпрашиваясь у наставника. Конечно, как в «Уралочке», со второго этажа слезать не приходилось, но все равно это было настоящим приключением.

И разок засыпались… Во время одной из таких «самоволок» казанский аэропорт закрыли из-за плохой погоды. Стоял сильный туман. А мы должны были утром прилететь в Казань из Москвы, днем вместе со всей командой потренироваться и сразу после этого вылететь на выездной матч чемпионата России с «Омичкой» в Омск.

…Сидим с утра в Домодедово, ждем вылета. Очень страшно. До последнего надеемся, что туман рассеется и рейс в Казань все-таки отправят. Не дождались…

Девчонки мне говорят: «Давай ты звони, чего тянуть». Я: «А чего сразу я, сами звоните!»

Но аргументация у Леси и Кати оказалась железная: «Во-первых, ты – это ты, тебя будут меньше ругать, чем нас. А во-вторых, у тебя сегодня день рождения!»

Как сейчас помню: сижу, держу в руках мобильник, девчонки твердят: «Звони, звони скорее!» – а я ежесекундно обновляю экран с погодой в Казани. В конце концов они стали на меня уже буквально орать: «Ты заколдовать хочешь этот туман? Силой «волшебного обновления» его рассеять? Звони уже давай!»

Сначала позвонила менеджерам. Чтобы они как-то взяли у хозяев ключи от квартир, где мы жили. А затем собрали нашу форму и захватили сумки в Москву. Ну а потом был самый трудный звонок – Ришату.

– Ришат Сиразутдинович, так получилось, слегка накосячили… Мы в Москве и не можем вернуться из-за нелетной погоды.

Он, конечно, очень расстроился. Причем не сколько из-за факта нашего «побега», сколько из-за того, что не ему первому позвонили, когда стало ясно, что катастрофы не избежать. Это тренера больше всего задело и огорчило.

В итоге нам было сказано: сидите в своей Москве, ждите вечером остальную команду. Потому что в Омск «Динамо»

должно было лететь как раз через столицу, прямых рейсов из Казани не было.

Позвонила из аэропорта Мише: «Привет, ты уже успел соскучиться? Ну тогда жди, возвращаюсь домой».

В итоге отметили мой день рождения еще раз. Друзья оперативно поъехали, мы с ними немножко посидели…

Но в итоге этот день рождения продлился еще дольше! Вечером позвонил менеджер «Динамо»: «У нас по-прежнему туман, поэтому поедем в Москву поездом. Будем только на следующее утро. Причем вам жутко повезло. Поезд битком, мест нет, едем на верхних полках. Я вот прямо вижу сейчас, как ты расплываешься в улыбке!»

Я в ответ: «Ну что ты! Я так расстроена, так переживаю…»

…А Омск тогда был очень крепкой командой. Тренировал их Владимир Кузюткин, и они были примерно четвертыми-пятыми в России. В хороший для себя день могли прихлопнуть любую из трех динамовских команд – и нас, и Москву, и Краснодар.

Я говорю Кате и Лесе перед матчем: «Если вдруг сейчас проиграем – нам точно оторвут голову». И надо же такому случиться, что чуть ли не в первой расстановке подворачивает голеностоп наша доигровщица Джордан Ларсон. А Леся тогда не играла в стартовой шестерке, и ее выпустили как раз вместо американки.

Джордан, кстати, пришла в команду за год до нас. И ей поначалу было очень тяжело, поскольку в команде почти никто не говорил по-английски. Но мы с ней как-то быстро сдружились, периодически выбирались куда-то вместе… Она нам потом говорила: «Я вас сначала слегка побаивалась, а вы такие классные и компанейские оказались»…

Так вот, возвращаясь к игре с «Омичкой». Только Леся выходит на площадку, я ей сразу: «Видишь, бог на небе все-таки есть. И он решил, что ты этот косяк должна отработать вместе со мной и Катей!»

В итоге Леся сыграла здорово, мы победили 3:0. Чуть-чуть отпустило психологическое напряжение…

Но конечно, директор клуба Сергей Николаевич Чернышов и Ришат Сиразутдинович потом вызывали нас на «ковер». Причем это была такая игра в злого и доброго полицейского. Потому что Чернышов нас ругал, а Ришат заступался… Тренер говорил: «Ну это же девушки, дом для них святое – понятно, что их туда тянет».

В итоге директор запретил нам эти поездки в Москву. Сказал: «В каждый аэропорт, на каждый вокзал посажу по сотруднику – чтобы мышь не могла проскочить, не то что вы!» Мы уж думаем: все, приплыли. Мужей увидим только летом… Стало грустно.

Но Сергей Николаевич тут же дал послабление. «Ладно уж, если у вас такая тяга к дому, буду иногда отпускать. Но только каждый раз чтобы отпрашивались и согласовывали лично со мной!» И чтобы мы не расслаблялись совсем, добавил: «Каждая оштрафована!»

Однако наш бухгалтер Наталья Вадимовна и от денежного наказания спасла. Когда Чернышов передал ей соответствующий приказ, она ему в ответ: «Ой, а вот здесь неправильно оформлено. Нельзя так, обязательно налоговая придерется!»

И так она технично отфутболивала эти приказы несколько раз. А потом положила бумагу на самое дно папочки «На исполнение» и «забыла» про нее.

Ну а после победы в чемпионате России так получилось, что мы куда-то шли вчетвером – «летучая тройка» накосячивших и Сергей Николаевич. И он сказал: «Ладно, я вам этот штраф прощаю, так и быть».

Мы в ответ смеемся: «А мы уже давно простили всех, кому были должны!»

* * *

…С родителями мужа у меня отношения изначально сложились хорошие. Теперь это часть моей семьи. Люди, с которыми вместе переживать и радости, и горести. Конечно, иногда возникают какие-то трения. Знакомые часто спрашивают: «Как вы вообще уживаетесь все вместе? Режиссер. Операторы. Заслуженный мастер спорта. У каждого лидерский характер, каждый привык, что в своем деле он непререкаемый авторитет».

Но это только при взгляде со стороны. На самом деле мы – обычная семья. Мама, папа, их сын и его жена. И встречаемся часто, и праздники справляем, и отдыхать вместе ездим. На наш медовый месяц – ну точнее не месяц, там неделя всего была – летали вчетвером… И на соревнования Светлана Сергеевна и Анатолий Михайлович часто ездили меня поддерживать.

Да, мама супруга – волевая, сильная и жесткая женщина, которая привыкла и любит всеми командовать. В режиссерском ремесле без этого, полагаю, никуда. Но при этом ни я, ни Миша не любим, чтобы нами командовали и говорили, что мы должны делать. Поэтому мы изначально определили несколько тем, которые вообще в семье не обсуждаем.

Например, политику. Потому что в оценке ситуации с Крымом в нашей семье наличествует несколько прямо противоположных мнений. И в какой-то момент все решили:

«Семья гораздо дороже, чем возможность рассуждать о правительстве страны». Зачем ругаться и ссориться, когда можно эту тему просто не поднимать?

Многие спортсмены после завершения карьеры идут в политику, но это точно не мой путь. Я человек аполитичный. Да, у меня есть определенные взгляды, но бегать с шашкой или микрофоном и доказывать свою правоту я не собираюсь.

Мы с супругом, кстати, очень сильно расходимся во взгляде на 90-е годы. Для него это «ветер перемен» и время новых возможностей. Он даже бегал на баррикады в 1993 году, приносил солдатам сигареты… А потом с друзьями шел в гости к Тиграну Кеосаяну, и они все вместе мечтали о светлом будущем, которое совсем скоро наступит. Родители, естественно, были не в курсе, находились где-то за пределами Москвы на съемках.

А я в составе команды девочек в том же самом 1993-м возвращалась из Таджикистана со сборов. На поезде. И кто-то нам сказал: «По Москве ездят танки и стреляют по людям». Все, конечно, очень испугались. Мне почему-то казалось совершенно логичным, что сейчас эти танки уедут из Москвы и пойдут к нам. Ведь Урал – это опорный край нашей державы, здесь все главные заводы, производства…

Мы потом, кстати, когда приезжали с детской командой в Москву, пошли на кладбище к ребятам, которые погибли при штурме Белого дома. А еще тогда же отправились в Мавзолей. Тренеры почему-то отпустили нас одних прогуляться, и нам, конечно, очень интересно было посмотреть на Ленина. Приехали на Красную площадь. Нам повезло, очередь в Мавзолей была маленькая. Зашли всей командой внутрь и сразу начали хихикать. Потому что там, когда заходишь, первым делом говорят: «Снимите шапки». Мы девочки послушные, сняли. Нам опять говорят: «Женщинам не надо снимать». Надели обратно… Идем мимо саркофага, и кто-то из девчонок вдруг сказал: «Ой, смотрите, он светится, как лампочка Ильича». Тут же мы перестали сдержанно хихикать и принялись смеяться во весь голос, а на нас все шикали. Мы в итоге скоренько-скоренько вышли, причем перелезли через какое-то ограждение и, срезав таким образом путь, побежали к ГУМу. Там было гораздо интереснее. К счастью, часовые Мавзолея нас преследовать не стали…

В общем, для меня 90-е – нервное, неуютное, страшное время. Помню, мама приехала в Екатеринбург посмотреть, как я играю детский турнир. Мы добирались на троллейбусе от одних родственников к другим. Доехали до конечной. Девять вечера, темно, фонари не горят, пустынно, на улице один-единственный

человек – пассажирка того же троллейбуса. Собственно, после 21.00 городской транспорт вообще переставал ходить.

И вдруг неподалеку автоматные очереди. Одна, другая, третья, четвертая… А ведь это был самый центр города. Женщина из троллейбуса метнулась в какой-то переулок, но через какое-то время мы опять пересеклись и дальше шли уже вместе. Так было чуть менее страшно…

Спустя годы мне показывали знаменитое местное кладбище с целой аллеей мрачных черных обелисков. Могилы «братвы». Ряд очень длинный, их постоянно убивали. Так что ничего хорошего в этих 90-х лично я не видела. Собственно, в Екатеринбурге человек в то время запросто при знакомстве мог сказать: «Я из такой-то группировки». Это считалось абсолютно нормальным, в порядке вещей, как если бы сейчас кто-то сказал: «Я работаю в такой-то фирме».

Когда Светлана Сергеевна начинает рассказывать мне о том времени, о разгуле бандитизма, Миша ее перебивает со словами: «Да она ж сама из Екатеринбурга – самого криминального города. Это все на ее глазах происходило».

Глава 12
Овчинников и Маричев

В какой-то момент уровень чемпионатов Европы серьезно вырос. В 1999 году все-таки серьезных команд в Старом Свете было меньше, чем сейчас. Собственно, на рубеже веков я со сборной дважды выигрывала золотые медали континентальных первенств – в 1999-м и 2001-м. А после этого больше чем на десять лет – затишье.

Конечно, у каждого турнира своя история. Например, в 2003 году в Турции мы пережили пищевое отравление. Причем случилось это все как раз накануне нашего матча с хозяйками турнира – турчанками… Которым мы в итоге сенсационно проиграли.

Через два года были очень близки к тому, чтобы выйти в финал. Наш матч с Польшей вошел в мировую историю как полуфинал с одним из самых длинных тай-брейков. В итоге мы уступили в пятой партии со счетом 20:22. Причем до этого отыгрались со счета 0:2. В итоге завоевали бронзу, обыграв в матче за третье место Азербайджан. А победившие нас польки стали чемпионками Европы.

В 2007-м мы вновь завоевали медали, но опять только бронзового достоинства. Как и до этого, в полуфинале проиграли будущему победителю турнира – Италии.

Ну а про европейское первенство 2009 года я уже писала. Это был первый за долгое время чемпионат Европы, на котором мы остались вообще без медалей. После этого такая же история случилась и на турнире 2011 года. Очень большой потерей тогда стало отсутствие Тани Кошелевой. Любы Соколовой тоже не было. Еще несколько девчонок из-за травм пропустили турнир. Как-то наложилось все одно на другое…

При этом, конечно, поражение в четвертьфинале все равно стало для всех шоком и ужасом. Никогда раньше мы так плохо не выступали. Честно – было стыдно. Понятно, что этому проигрышу турчанкам есть объективные объяснения. Но все-таки это категорически не наш уровень вне зависимости от того состава, в каком находится сборная России. Тем более проиграть именно турчанкам было как-то совсем обидно. Да еще и всего в трех партиях.

Лично мое мнение – конкретно в четвертьфинальном поединке неправильно выбрали тактику. Мы пытались ее поменять по ходу поединка, но было уже поздно.

Так что тренерская отставка после этого провального турнира сюрпризом ни для кого не стала. Да, за год до этого мы выиграли чемпионат мира. Но если потом сборная выступает плохо – логично, что меняют ее наставника.

* * *

Все с большим интересом ждали, кого назначат. Ведь олимпийский год на носу, и мы вправе были по своему потенциалу рассчитывать в Лондоне на хорошее выступление, даже несмотря на провал на чемпионате Европы.

Рассматривались несколько кандидатур, в том числе главный тренер казанского «Динамо» Ришат Гилязутдинов. Но в итоге выбрали Сергея Анатольевича Овчинникова…

На Олимпиаду мы, конечно, ехали за победой. В принципе мы никогда не собираемся на турнир с мыслями: так, ну вот этим мы проиграем, а этих обыграем – в общем, наше место второе-третье. Нет, конечно. Всегда настраивались именно на борьбу за золото.

Другое дело, что путь к Лондону был сложным и тернистым. Сначала нам в буквальном смысле слова не дали выиграть европейский олимпийский отбор в Турции. И в итоге при отвратительном судействе мы уступили хозяйкам в финале квалификации.

Потом сложнейший чемпионат России. И уже через три дня после его окончания начало сборов в национальной команде. Надо было готовиться к мировой олимпийской квалификации в Японии… Там сыграли на краю света 5 матчей подряд. В общем, график сумасшедший, времени отдохнуть, перевести дух не было. Да, мы тот отбор легко выиграли, в 5 поединках отдав соперницам всего один сет. Но все равно сил было потрачено очень много.

…Вроде бы уже надо давать нам перед Олимпиадой серьезную тренировочную нагрузку, но я вполне понимаю Овчинникова, который банально опасался совсем нас перегрузить. Времени и возможности для полноценной подготовительной работы у него не было из-за обилия турниров и матчей. Плюс кадровых проблем у нас на этих Играх тоже хватало – в какой-то момент отказалась играть Люба Соколова, Таня Кошелева так толком и не залечила травму…

Помню свои физические ощущения на Олимпиаде – было о-о-о-о-о-о-очень тяжело. Но мы вопреки всему играли хорошо. Однако так случается: вот неблагосклонно сложились звезды, и все, ничего не поделаешь. Никто ведь даже в кошмарном сне не

мог представить, что мы, не проиграв ни одного матча и заняв первое место в своей группе, уже в первом раунде плей-офф сразу попадем на бразильянок. Нечто из ряда вон…

* * *

Вроде на групповом этапе у нас складывалось неплохо, особенно учитывая все перечисленные мною мешающие факторы… Конечно, проблемы возникали, но мы общими усилиями их преодолевали. Кстати, спасибо руководителям нашей федерации, которые организовали нам на Олимпиаде тренировочный зал. Пробки в Лондоне были ужасные, дорога на матчи занимала минимум час. Если бы мы столько тратили еще и на поездки на тренировки, тогда совсем караул и пиши пропало.

…Меня журналисты часто спрашивают: были ли еще в моей карьере матчи, когда моя команда не смогла использовать 6 матчболов, как это случилось в олимпийском четвертьфинале против Бразилии? Но на самом деле это были «не настоящие» матчболы. Южноамериканки четко снимались и вообще не оставляли нам шансов защититься, поднять мяч и организовать доигровку. В моем понимании реальный матчбол – это когда у тебя появляется возможность для полноценной атаки. Так что, по гамбургскому счету, у нас на том тай-брейке был один-единственный шанс закончить поединок. Но мы его не использовали…

Исходя из того результата, с которым завершился волейбольный олимпийский турнир, матч России и Бразилии мог стать досрочным финалом. Сто процентов! Многие до начала Игр 2012 года нахваливали американок, но те не смогли противопоставить бразильянкам вообще ничего. Обыграв нас, южноамериканская команда катком проехалась к золоту по всем соперницам.

Поэтому нам обиднее было вдвойне. Если бы мы прошли эту злосчастную Бразилию, столь же сильных соперников на турнире не оставалось. Уверена в этом абсолютно. Но как сложилось – так сложилось. Не ладилось у меня с Олимпиадами…

Даже не могу сказать, в чем заключались наши конкретные ошибки в матче с Бразилией. Вроде играли хорошо, сделали все, что могли. Готовы были к тяжелой борьбе – и в этой борьбе точно выглядели не хуже соперниц. Просто с другой стороны сетки были не маленькие девочки из дубля, а одна из лучших команд мира.

Игра получилась напряженная и абсолютно равная. Кто-то

должен был победить. Нам не повезло, а бразильянки вытянули счастливый билет в экспресс к олимпийскому золоту.

Да, если бы мы выступали полной обоймой, если бы не надо было мучиться с этими квалификациями, скорее всего результат был бы другим. Но спортивная история не терпит сослагательного наклонения.

* * *

Вообще к описанию моего ощущения от этой Олимпиады больше всего, пожалуй, подходит слово «ровное». Ну разве что по отношению к матчу с бразильянками оно не годится. А так все было очень обычным, спокойным, без каких-то эксцессов и надрыва. Атмосфера больше напоминала чемпионат мира или другой подобный турнир. Эдакого душевного праздника, фейрверка эмоций Лондон-2012 не вызвал. И неудачный результат тут ни при чем. Речь именно об организации, об отношении к соревнованиям. Как-то именно «ровно» все проходило.

Собственно, какое-то оживление в олимпийской деревне случилось всего один раз. Мы шли в столовую, и вдруг – толпа людей, все суетятся, бегают. Оказалось, приехала королева Елизавета. Ну, интересно… Посмотрели на нее и пошли дальше. Приезжали и другие члены королевской семьи, это тоже вызывало определенный ажиотаж у спортсменов.

Жили мы в обычных многоэтажных домах. Волейбольные сборные – мужская и женская – занимали три этажа. Два этажа – игроки, один – тренеры и персонал. Столовая – стандартный надувной шатер.

Вот честно, даже вспомнить особенно нечего… Тренировки, игры, отдых. Все. Лондон видели исключительно из окон автобуса. Собственно, погуляли только один день – следующий после поражения от Бразилии. С Катей Улановой и Аней Матиенко доехали до «Королевского аквариума», потом еще куда-то. Но ходили очень недолго. Вообще, хотелось поскорее улететь и сменить атмосферу.

* * *

Решение завершить после лондонского турнира выступления в сборной не было спонтанным. Собственно, я еще до Олимпиады решила: хватит. Морально к этому подготовилась. А тем более

после такого удара, который мы получили в четвертьфинале… Там же, на пресс-конференции после Бразилии, и заявила об уходе из сборной.

Ну вот, значит, не судьба мне была стать олимпийской чемпионкой! Бывает. Я к этому отношусь философски. При этом, например, искренне порадовалась за Сережу Тетюхина, который выиграл Олимпиаду с пятой попытки. «Ну вот, мне тоже надо играть и терпеть до 40 лет, и тогда я, как Сережа, стану чемпионкой Игр», – таких мыслей точно не было.

Если честно, я даже волейбольный финал мужской сборной в Лондоне-2012 не смотрела. И в принципе, когда по ТВ показывали Олимпиаду, тут же щелкала пультом и переключала на что-то другое. Для меня это было настоящим табу. Если кто-то из родных хотел посмотреть Игры – пожалуйста, в любом другом месте, только не дома. А я реально очень сильно переживала.

Вскоре после Олимпиады случилась трагедия с Овчинниковым. Я была в тот момент дома, пришла с тренировки, включила новости, и как раз показывали соответствующий сюжет. Сначала не поверила. Собственно, такая реакция была не только у меня. В шоковое состояние тогда впали не только волейболистки, но все, кто имел какое-то отношение к спорту.

Неожиданно. Непонятно. Страшно. Нам в Казани отменили в тот день тренировки. Было общее ощущение ужаса и кошмара.

Мне кажется чудовищным, что игроков столичной команды после случившегося оставили на сборах в той же гостинице. У меня это в голове не укладывается. Какое-то кощунство и издевательство… Могу себе представить, в каком состоянии они пребывали.

Конечно, слухов и домыслов было много. Кто-то даже поспешил обвинить во всем сборную России – вроде как это мы виноваты. Если бы выиграли у Бразилии, этого бы не случилось… Бред какой-то. Многие в волейбольном сообществе знают ряд других причин, почему эта трагедия могла произойти. И неудача на Олимпиаде – самая последняя-распоследняя из возможных версий. Конечно, это всех злило и раздражало…

Ну а то, что Владимир Иванович Кузюткин разгласил кошмарные обстоятельства, связанные со смертью Овчинникова, вызвало у всех непонимание и гнев. Нельзя о таких вещах говорить журналистам, даже если это правда. Ни он, ни кто-либо другой не имел права подобное озвучивать.

* * *

Вариант с возвращением в сборную я никогда не рассматривала. Просто в какой-то момент мне позвонил наставник национальной команды Юрий Маричев и сказал: «Мы хотим, чтобы ты сыграла на чемпионате мира». Я взяла паузу в несколько дней и согласилась. При этом сразу честно предупредила: не могу гарантировать, что буду находиться в какой-то прекрасной форме. Понятно, что в отпуске я не просто валялась на пляже, а самостоятельно работала в зале. Но все-таки фитнес не может заменить полноценные волейбольные тренировки.

Однако Маричев сказал, что будет рад моему приезду вне зависимости от того, в какой форме я буду. Пообщалась с руководством казанского «Динамо» – там тоже никто не возражал. И я присоединилась к команде.

Что у нас не получилось тогда? Да просто Америка на тот момент была сильнее. У них действительно сложилась хорошая команда. Мы, конечно, могли обыграть итальянок, но – положа руку на сердце – все равно против американок шансов было немного. Слишком уж хорошо они были подготовлены к турниру. Хотя мы боролись и решающий четвертый сет проиграли с разницей всего в 2 очка.

Знаю, что решение вернуть меня в сборную вызвало много споров. Мол, «Гамова сломает атмосферу в команде». Признаюсь честно: я ничего об этом не читала. Так, какие-то обрывки информации краешком доходили. Я вообще в какой-то момент перестала читать все, что обо мне пишут. Зачем тратить собственные нервы неизвестно на что? Даже попросила друзей и родных не пересылать материалы по волейбольной тематике. Если мне интересна какая-то статья или мнение, я сама в состоянии найти нужную ссылку в Интернете.

То же самое касается и моего гипотетического «противостояния» с Наташей Гончаровой. То, что это противостояние существует исключительно в воспаленном воображении журналистов, никого не интересовало. Да, мы никогда не являлись лучшими подругами. Ну и что? У меня свои подруги, у нее свои. Но гвоздей друг другу в кроссовки мы никогда не сыпали…

* * *

Когда меня не взяли на Олимпиаду в Рио, конечно, сильно расстроилась. Признаюсь, это стало неожиданностью. Да, я не рассчитывала на то, что меня сразу поставят в стартовую

шестерку, поскольку понимала, что после травмы нахожусь не в лучших кондициях. Но готова была к любой роли, помогать команде, чем смогу.

Однако Маричев позвонил и сказал, что вызывать меня не будет. Объяснил свое решение следующим образом: и у меня, и у клуба в целом сезон не сложился. Какое отношение все это имеет к сборной, честно говоря, было не очень понятно. Меня даже не вызвали на сборы, чтобы дать возможность набрать форму и побороться за место в составе. На самом деле, в моем состоянии прослеживалась четкая положительная динамика, и я вполне могла подойти к Олимпиаде в хороших кондициях.

Искренне радовалась тому, что мое здоровье улучшается, что смогу помочь сборной. И тут такой телефонный звонок… Меня даже не захотели посмотреть, не дали шанса попробовать. Причем сказано это было в несколько странной форме: мы тебя сейчас не берем, но может возникнуть такая ситуация, что срочно позвоним и возьмем, если будет необходимость.

…Нет уж, спасибо. Почему я должна прикрывать собой чью-то, простите за выражение, попу? В тот же день позвонила супругу и сказала, что завершаю карьеру. Совсем и окончательно. И на следующий день публично объявила о своем решении.

В очередной раз убедилась в правильности поговорки «Что бог ни делает, все к лучшему». Если бы моя карьера завершилась провалом в Бразилии… Конечно, это ни в коем случае не перечеркнуло бы того, чего я добилась в волейболе. Но такой жирной кляксой заканчивать карьеру было бы неприятно.

И без того мой последний клубный сезон сложился не лучшим образом. Немножко неприятной и скомканной получилась концовка. И все эти разговоры про то, что в «Финале четырех» Лиги чемпионов я не играла якобы из-за допинга… Просто на фоне всей этой истеричной истории с мельдонием российских спортсменов готовы были обвинить во всех смертных грехах. Ну если бы ели что-то запрещенное, то всей командой, а не только мы с Женей Старцевой! Глупость… Но чувство было мерзкое: все эту тему обсуждали, муссировали, издевались.

Чемпионат России мы тоже закончили неудачно – на четвертом месте. Собственно, никогда в моей жизни не было такого, чтобы я по итогам сезона оставалась без медалей. Ну разве что в «Метаре». Какое-то странное ощущение… Но на все надо смотреть философски. Тем более я тогда еще думала, что у меня впереди последний старт жизни – Олимпиада. И что там меня точно ждет медаль…

Летом 2016-го звали в Китай. Причем на очень хороших условиях. Грубо говоря, ту же зарплату, которую я получала в

Казани за год, там могла получить за три месяца. То есть с финансовой точки зрения предложение было крайне выгодным.

Но отказалась почти сразу же. Мне уже хотелось начать жить другой, неволейбольной жизнью.

Глава 13
После карьеры

После завершения игровой карьеры меня не тянуло обратно на площадку. Вообще. Знаю, что у многих спортсменов возникают с этим трудности. А у меня совершенно точно не было.

В тренерской роли себя не видела. Насмотрелась за многие годы, насколько хлеб наставников порой бывает горек. Ну а главное – те нервные нагрузки, которые испытывают люди этой профессии, совершенно не хочется пропускать через себя. Конечно, я не только готова, но и хочу делиться накопленным опытом. Но не в режиме семь дней в неделю.

Очень любопытным стало предложение попробовать себя в роли телевизионного комментатора на «России». При этом работала я, что называется, с чистого листа. Мне просто надели наушники – и вперед, поехали. Никакого предварительного инструктажа, как и что говорить, не было.

Я не то чтобы волновалась, но поначалу, как сама понимала, немножко не попадала в темп. Только вроде бы пытаюсь что-то сказать, а мой отличный напарник Тарас Тимошенко уже сам начинает говорить в этот момент. Он замолкает, а я не «включаюсь» сразу. Но уже на втором репортаже стало получаться гораздо лучше, разобралась в «правилах игры». И в четвертьфинале Олимпиады уже находилась в «неплохой форме».

Понятно, что я, как человек, знающий волейбол изнутри и досконально, подмечаю массу нюансов, которые даже такой профессиональный журналист, как Тарас, знать не может. Прилетел мяч в какую-то точку, а мне и повтор смотреть не нужно, поскольку я понимаю, почему он оказался именно в этой точке, – я сама участвовала в аналогичных эпизодах десятки тысяч раз. Другое дело, что быстро донести это понимание до зрителя непросто.

Конечно, полностью абстрагироваться от происходящего на площадке, минимизировать свои эмоции, не начать ругаться, когда сербки уничтожали сборную России в первом сете олимпийского четвертьфинала – все это было сложно. Но вроде получалось. Кстати, после той первой партии, которую наша команда проиграла со счетом 9:25, в рекламной паузе к нам в комментаторскую забежал режиссер с криком: «Что за фигня? Ну чего, когда уже случится перелом? Скоро наши начнут выигрывать?» Мы с Тарасом только переглянулись и покачали головами – мол, надежда, конечно, умирает последней, но что-то

переломить здесь почти невозможно…

Так и случилось. Две последующие партии российская сборная тоже уступила. Не без борьбы. Но и без особых шансов на перелом. И на этом моя комментаторская карьера пока закончилась. Я должна была работать на еще одной игре, полуфинальной, но после того, как наша команда вылетела с турнира, смысла в этом уже никакого не было.

* * *

Осенью 2016 летала в Аргентину в качестве члена спортивной комиссии международной волейбольной федерации. Кстати, МОК и ОКР настаивают, чтобы аналогичные комиссии были в ближайшее время созданы и при всех национальных федерациях.

Опыт работы в FIVB мне очень интересен, познавателен и полезен. Любопытно взглянуть на волейбол с изнанки, с обратной стороны. Так, наша комиссия первой изучала возможность добавления в волейбольную семью «снежного волейбола» и «стритволея». Что касается первого, мне эта идея нравится. Во всяком случае, понятна концепция развития, понятны правила. Это направление активно развивается, и соревнования вызывают интерес публики. Понятна и маркетинговая составляющая. То есть эта идея интересна для мировой федерации.

А вот в случае со «стритволеем» все как-то пока очень сыро и непонятно. Разметка вроде бы должна рисоваться баллончиками с краской или обозначаться с помощью специальных лазеров. То есть в теории играть можно на любом покрытии – на асфальте, на земле. Не знаю… какой-то эфемерный вид спорта. Мне кажется, на практике подобную идею очень сложно реализовать.

Главная проблема мирового волейбола – падение интереса со стороны болельщиков. С каждым годом на крупнейших соревнованиях трибуны заполняются все хуже. Когда чемпионат мира или Европы проходит при пустых трибунах, за исключением матчей хозяев, это катастрофа. Плюс, чем меньше интерес зрителей – тем реже вид спорта показывают по ТВ. Лично мне это очень обидно. Я на своем опыте знаю, насколько привлекателен может быть волейбол для болельщика.

FIVB пытается бороться с этой проблемой путем сокращения времени матчей. Уменьшается количество тайм-аутов, пауз между розыгрышами. Все время витает в воздухе идея сократить количество очков в сете до 21. Для чего это делается – понятно. Телевизионщики должны иметь возможность ставить матч в сетку

вещания и хотя бы примерно предполагать, когда поединок закончится. Но мне кажется, «ужимать» волейбол дальше некуда. И в любом случае невозможно предсказать, продлится игра три сета или пять…

Конечно, и на российском ТВ волейбола мало, и это тоже проблема, которую необходимо решать. Даже если игры транслируются, то чаще всего не на федеральном канале, а по «Матч Арена» или «Матч Планета». Понятно, что сейчас время Интернета, и все желающие могут найти прямую трансляцию в Сети. Но те люди, которым за 40, в большинстве своем все равно предпочитают смотреть спорт по ТВ.

Понятно, что на организацию трансляций и покупку эфирного времени нужны деньги, которых в волейболе гораздо меньше, чем в футболе и хоккее. И даже, как мне кажется, меньше, чем в баскетболе.

С другой стороны, в Америке студенческий волейбол пользуется бешеной популярностью. Полные залы на 10, 15 тысяч мест. Понятно, что США в плане превращения спорта в интересное для зрителя шоу впереди планеты всей. Значит, надо использовать этот заокеанский опыт.

* * *

В какой-то момент я стала искать постоянную работу. И одно из предложений поступило от Всероссийской федерации волейбола – помогать молодежным командам девчонок. Понятно, что различия между женским и мужским волейболом принципиальнейшие. Во всяком случае, мне, как профессионалу, они очевидны.

Долго думали, в какой форме должна осуществляться эта самая помощь молодому поколению. В итоге я стала куратором женских молодежных сборных России.

Первый блин вопреки известной поговорке вышел не комом. Хотя, конечно, начался для нашей команды чемпионат Европы среди девочек не старше 18 лет хуже некуда…

Турнир проходил в голландском городке Арнем. Перед этим я приезжала в Новогорск, общалась с девчонками, принимала участие, насколько это возможно, в тренировочном процессе. Даже с мячами помогала работать. Говорила главному тренеру нашей команды Александру Карикову о каких-то своих наблюдениях, мы с ним и другими тренерами обсуждали тактику…

Вроде ничего не предвещало беды, девочки казались хорошо

подготовленными. И вдруг как обухом по голове: в первых двух турах наша команда не смогла взять у итальянок и хозяек соревнований ни одного сета! Более того, ни в одной из партий не удалось набрать хотя бы 23 очка.

Конечно, главной причиной этих поражений на старте стала психология. Ну потому что невозможно взять и за два дня разучиться или, наоборот, научиться играть в волейбол. Мы с тренерским штабом испробовали абсолютно все меры воздействия, чтобы привести команду в чувство после этого холодного душа. И какой-то из этих методов помог, хотя сказать, какой именно, затруднительно.

Во всяком случае, это не был метод кнута и пряника. В первую очередь старались достучаться до подопечных посредством разговоров. Поскольку дети нам попались такие, что кнут в любом случае не помог бы… Наоборот, это могло только усугубить ситуацию. Дети-то действительно хорошие! Не борзые, не наглые. Да, у них что-то не получалось, но они искренне сами хотели изменить эту ситуацию.

На собрании после двух стартовых туров мы просто много общались. Пытались их убедить, что еще не все потеряно, что они молодцы и все умеют, что им по силам все исправить. Просто от них требуется продемонстрировать свои таланты.

При этом я чувствовала настоящий стыд. Такое ощущение, будто тебя огрели по голове пыльным мешком, и это еще мягко сказано. Очень была расстроена. После второго матча зашла в раздевалку и сказала девчонкам, что они просто не имеют права так играть. Потому что они – будущее сборной России. А такая сборная, как российская, не может позволить себе действовать подобным образом. Не то что играть – даже выходить на площадку с таким настроем. Точнее, вообще без настроя… Да, уступить можно всегда, но делать это столь безвольно категорически нельзя.

Они спросили меня:

– Что, правда все так ужасно?

Я ответила:

– Нет, не ужасно. Отвратительно!

В играх с Италией и Голландией команда не показала даже 50 процентов своего потенциала. Поражения, конечно, случаются всегда. Но было очень обидно именно потому, что мы знали – девчонки способны играть в миллион раз лучше. И это больше всего расстраивало тренерский штаб. Очень много было своих, невынужденных ошибок: теряли подачу, ошибались при ударах, плохо принимали… Собственно, прием – пожалуй, главный бич российского женского волейбола.

…После двух стартовых туров пришлось уже просчитывать все варианты. В том числе самые худшие – с досрочным прекращением выступлений на турнире. Менеджеры засели изучать расписание самолетов, чтобы в случае дальнейших неудач оперативно поменять билеты. Готовились решать вопрос с гостиницами… Конечно, не хотелось думать о худшем, но нельзя же, как страусам, закапывать голову в песок и делать вид, что все хорошо. Пришлось рассматривать пути отступления. Но в душе все равно верили, что перелом возможен.

Нам повезло, что после двух стартовых туров на турнире был выходной. Это сыграло нам на руку. Удалось использовать день отдыха с максимальной пользой и «перезапустить» команду.

И в третьем туре, против Болгарии, у девчонок наконец-то появились эмоции. Мы смогли выйти из этого немножко заторможенного состояния, в котором пребывали на старте турнира. Собственно, уже накануне поединка с болгарками девчонки даже внешне стали выглядеть по другому – глаза загорелись, в движениях стала чувствоваться уверенность. Наконец, они просто начали улыбаться, смеяться и шутить. Ожили…

Конечно, это неприятное ощущение, когда у команды ничего не получается, а максимум, что ты можешь – это подсказать. Сидела я не на скамейке, а за рекламными щитами, вместе со статистиками. В принципе совсем рядом с площадкой, так что общалась с девчонками прямо по ходу матчей. Думаю, какие-то из моих подсказок им помогли. И самим игрокам, и нашему тренерскому штабу.

Чаще всего приходилось подсказывать по поводу блока. Тем более с позиции, когда ты смотришь на площадку не сбоку, а из-за щитов, все ошибки видны четко, как на ладони.

Ну и просто когда молодые девчонки постоянно по ходу матча чувствуют живую и эмоциональную поддержку – это очень важно для них. Когда они понимают, что в них верят до конца, буквально вырастают крылья.

* * *

…Спасибо итальянкам. Даже несмотря на то, что в трех следующих матчах мы отдали соперницам всего один сет, наша турнирная судьба из-за упущенного на старте все равно находилась в руках соперниц. Италии матч против Голландии был особенно не нужен. В то время как хозяйки в случае победы попадали в полуфинал. Но подопечные Луки Кристофани

молодцы: они не стали играть в тактические игры и пытаться выбить нас из турнира. Может, полагали, что мы менее опасны, чем команда, представляющая страну-организатора. А может, действительно не задумывались о раскладах и просто играли на победу. Ну и вообще, если уже 18-летние девочки начнут нарочно проигрывать, исходя из каких-то соображений, это будет кошмар… С другой стороны, думаю, уже после полуфиналов итальянки поняли, что совершили большую ошибку, пустив нас в плей-офф.

На взрослом уровне и наша женская сборная, и мужская российская команда сталкивались с подобным не раз. Особенно любят такие тактические игры бразильцы. Ну а мы… Честно говоря, не помню, чтобы мы кого-то нарочно выкидывали за борт соревнований. Хотя на клубном уровне у каждого клуба свои задачи. И ситуации возникают разные. Например, по ходу чемпионата России главный тренер и владелец «Ленинградки» как-то обижался на казанское «Динамо». Клуб из Татарстана кого-то там не обыграл, и поэтому его команде не хватило очков. Но почему должны волновать чужие проблемы? Понятно, что казанскому клубу, который всегда борется за чемпионство, сложности петербурженок, мягко говоря, до фонаря. Если есть возможность сэкономить силы лидеров и отправить куда-нибудь на Сахалин второй состав, тренеры «Динамо» в последнюю очередь должны заботиться о том, как это повлияет на разборки аутсайдеров в нижней части турнирной таблицы…

Но поставить на игру ослабленный состав и нарочно сдать матч – это вещи совершенно разные. Во всяком случае, в российском волейболе никогда не было и не будет аналога дикой ситуации, произошедшей в матче по хоккею с мячом, когда игроки по очереди забивали голы в собственные ворота.

* * *

Перед финалом мы подготовили итальянкам несколько тактических сюрпризов. В итоге в одном из «ложных выходов»… сами запутались. Намудрили с расстановкой. К счастью, ни во что плохое это не вылилось. Наоборот, пока все разбирались, с «испугу» взяли пару «лишних» очков.

Установка на финальный матч против итальянок была очень эмоциональной. Тренеры в очередной раз пытались донести до девочек, что они все могут и все умеют, а мы очень сильно в них верим и надеемся. На самом деле и в игре с Турцией, и в матчах в плей-офф им можно было уже вообще ничего не говорить. Сами

прекрасно все понимали и буквально рвались на площадку, чтобы смести очередного соперника. Поймали настоящий драйв. Казалось, что после двух первых туров у нас полностью поменяли команду. Небо и земля. Они кричали и фонтанировали эмоциями после каждого розыгрыша так, что было понятно: остановить их уже вряд ли у кого-то получится.

Собственно, даже по тому, как девчонки гуляли всей командой накануне матчей, было видно, насколько они за эти несколько дней изменили свое отношение. Психологическое состояние полностью стало другим. Я помню, мы шли как раз за девчонками со вторым тренером Женей Конягиным и статистиком сборной Сережей. И я им сказала:

– Посмотрите, у них даже осанка стала другая!

…Поначалу я думала, что хочу работать с первой сборной. Когда мне впервые предложили попробовать поработать с молодежью, я даже немножко расстроилась. Но стоило мне погрузиться в эту работу, и я испытала такой кайф! Чистые, чудесные, радостные эмоции… Я поняла, что нахожусь именно там, где нужна. Девчонкам нравится со мной общаться, им интересно и полезно то, что я подсказываю. Тем более я всегда открыта для диалога и сама радуюсь каждый раз, когда вижу, что кому-то нужен мой опыт.

Наверное, самый приятный момент в моей работе, когда после окончания финальной игры дети меня обнимают и говорят: «Екатерина Александровна, спасибо большое!» Когда видишь эти огромные, переполненные счастьем и искренней благодарностью глаза – это просто незабываемые эмоции и ощущения.

А еще эти девчонки классно поют! Конечно, после финала все уже расслабились, нервное напряжение всех отпустило – и их, и нас. Причем поют они те самые песни группы «Любэ», которые я слушала на протяжении всей карьеры. А еще они поют российский гимн…

Собственно, они пели не только после финала, но и перед ним. И когда ехали играть с Белоруссией, которая до этого не потерпела на турнире ни одного поражения, тоже пели. И в итоге не отдали нашим «сестрам» в полуфинале ни одного сета.

* * *

Не могу сказать, что за последние 20 лет детский и юношеский волейбол в чем-то принципиально поменялся. Если честно, мне кажется, мы в конце 90-х были гораздо сильнее физически. Может, это связано с тем, что сейчас гораздо лучше

медицинское обслуживание. И девчонкам просто не разрешают работать с экстремальной нагрузкой. А нас в той же Алуште на сборах никто никогда не спрашивал, как мы себя чувствуем, есть ли у нас силы, болит ли что-нибудь…

Если бы эту нашу команду 18-летних чемпионок взять и отправить на машине времени к Карполю на те алуштинские сборы, половина из них через неделю была бы потеряна для волейбола.

Я много говорила на эту тему с нашими тренерами. Они говорят, что талантливых девчонок в стране хватает. Но многих из них действительно не допускают к тренировкам и матчам по причине слабого здоровья. И эта проблема усугубляется с каждым годом. Экология, что ли, хуже становится?..

Но скорее дело в том, что в спортшколах физической подготовкой юных спортсменок не занимаются вообще или занимаются очень плохо.

При этом волейбол все равно единственный игровой вид спорта в России, в котором наши молодежные команды регулярно становятся лучшими в Европе и мире. И если последние несколько лет это было справедливо в основном в отношении мальчиков, которые подряд гребут золотые медали на первенствах планеты, то сейчас и девчонки вносят свою лепту. Хотя на каком-то отрезке времени в нулевые года именно на молодежном и юношеском уровне у женского российского волейбола случился провал. Если раньше серебряные медали считались поражением, то тут случались чемпионаты, на которые наши команды даже не отбирались…

Для меня это было непонятно. Потому что в 90-е годы благодаря еще советским традициям золотые медали брались оптом и в розницу. А потом – как отрезало. Не очень понятно, почему так получилось. Что у нас, во всей стране нет хороших детских тренеров? Есть, конечно…

Надеюсь, что сейчас эту ситуацию получится потихонечку, шаг за шагом, улучшать и исправлять. Девчонки у нас действительно талантливые. Некоторые вполне способны усилить первую сборную на Олимпиаде-2020 в Токио. Я кстати, уже разговаривала на эту тему с куратором всех женских сборных России Владиславом Фадеевым… Главное сейчас – не перехвалить их. Ну и, конечно, очень много надо с ними работать, чтобы этот огромный потенциал раскрыть в полной мере. Три года – хороший срок, за который можно добиться серьезного прогресса.

Проблема в том, что многие детские тренеры не хотят меняться и идти в ногу со временем, пересматривать свое

отношение к подготовке, изучать новые методики. Волейбол ведь не стоит на месте.

Игрок может быть и высоким, и резким, и прыгучим. Но правильно использовать эти данные и довести его до самого высокого уровня – точечная и кропотливая работа. Часто вижу, что многие наши юные игроки с отличными ростовыми показателями полностью раскоординированные и не дружат с техникой.

Кроме того, с 2000 года существует практика, согласно которой в детских командах младшего и среднего возрастов нет амплуа либеро. Однако эта идея нам не помогает, а, скорее, мешает. Цель этого правила – чтобы все игроки на площадке умели принимать.

Но, как показала практика, проблема с приемом остается для российского волейбола самой острой. А маленьких юрких девчонок, из которых могли бы получиться отличные либеро, мы теряем еще в юном возрасте. Детские тренеры набирают в спортшколы самых высоких. Игроков, которые потенциально могли бы стать защитницами, даже не берут в волейбольные секции, отбраковывая еще на стадии просмотра.

Потом приходится срочно переучивать кого-то из доигровщиц. Тренеры молодежных сборных за голову хватаются: непонятно, кого ставить, из кого выбирать. В той же Голландии у нас функции либеро выполняла девочка, которая в атаке была чуть ли не лучшей… Притом что во всех волейбольных странах – Бразилии, Китае, Америке – все либеро ростом метр пятьдесят или метр шестьдесят. Их с детства готовят к этой роли.

Поэтому надо принять поправку к этому правилу. Чтобы либеро были хотя бы со среднего возраста. А еще лучше – с младшего. Решать этот вопрос необходимо.

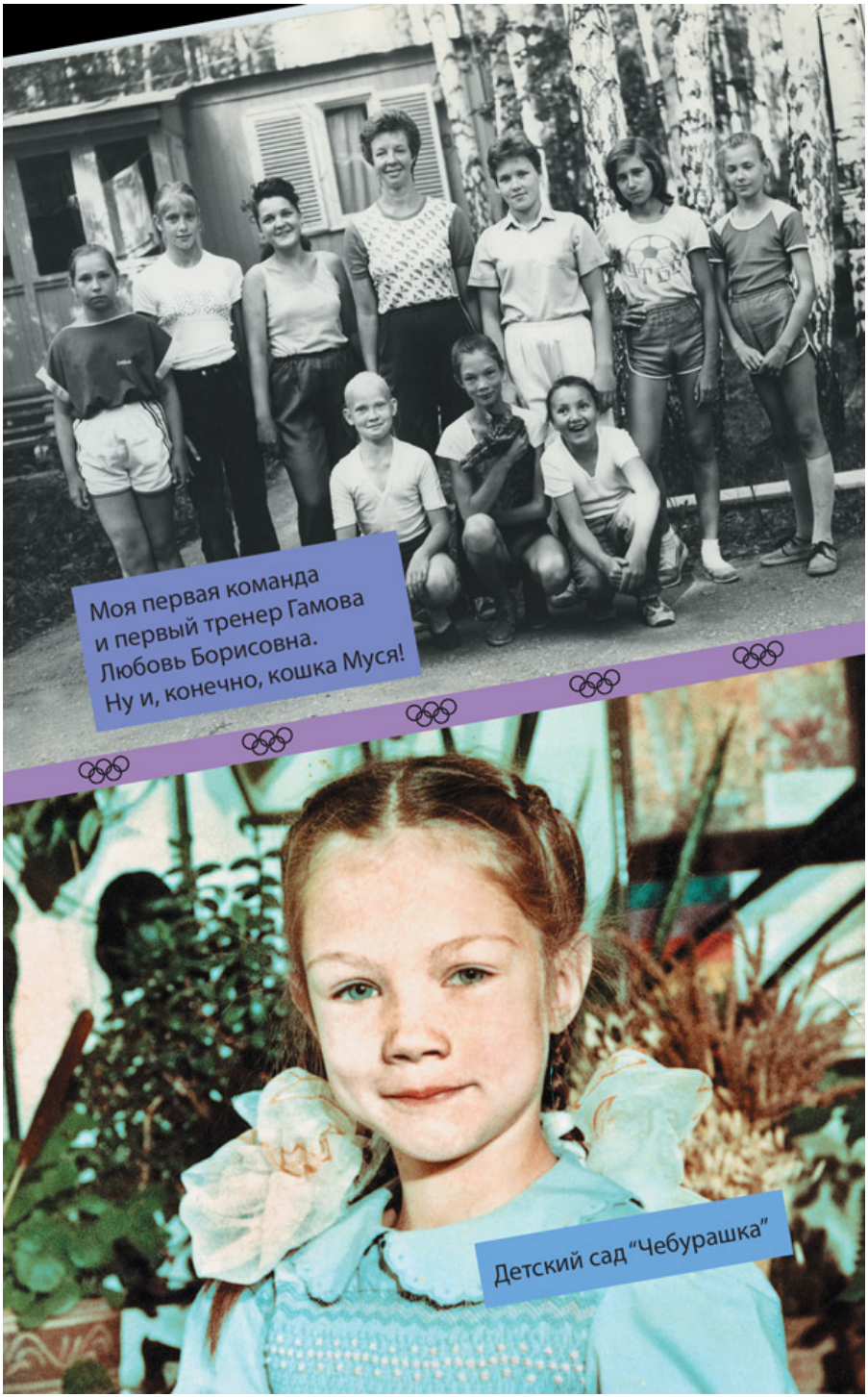
Как и множество других волейбольных вопросов. Может быть, о том, как эти вопросы решались, придется написать еще одну книгу. Лет через десять.

Фотографии

Пока без косички
1988 г. Школьная елка,
второй класс

Тот самый ослик

У Вечного огня
в Челябинске



Моя первая команда
и первый тренер Гамова
Любовь Борисовна.
Ну и, конечно, кошка Муся!

Детский сад "Чебурашка"

Бронза ЧЕ.
С Улановой
и Меркуловой
ЧМ-2006. С Бабешиной
DESCENTE
Team
sia
Volleyb

GAMOVA
11
National Team
of Russia
11
Volleyball
MVA200
На подаче
11-й номер –
с 2000 года

2002 г.
Гран-при

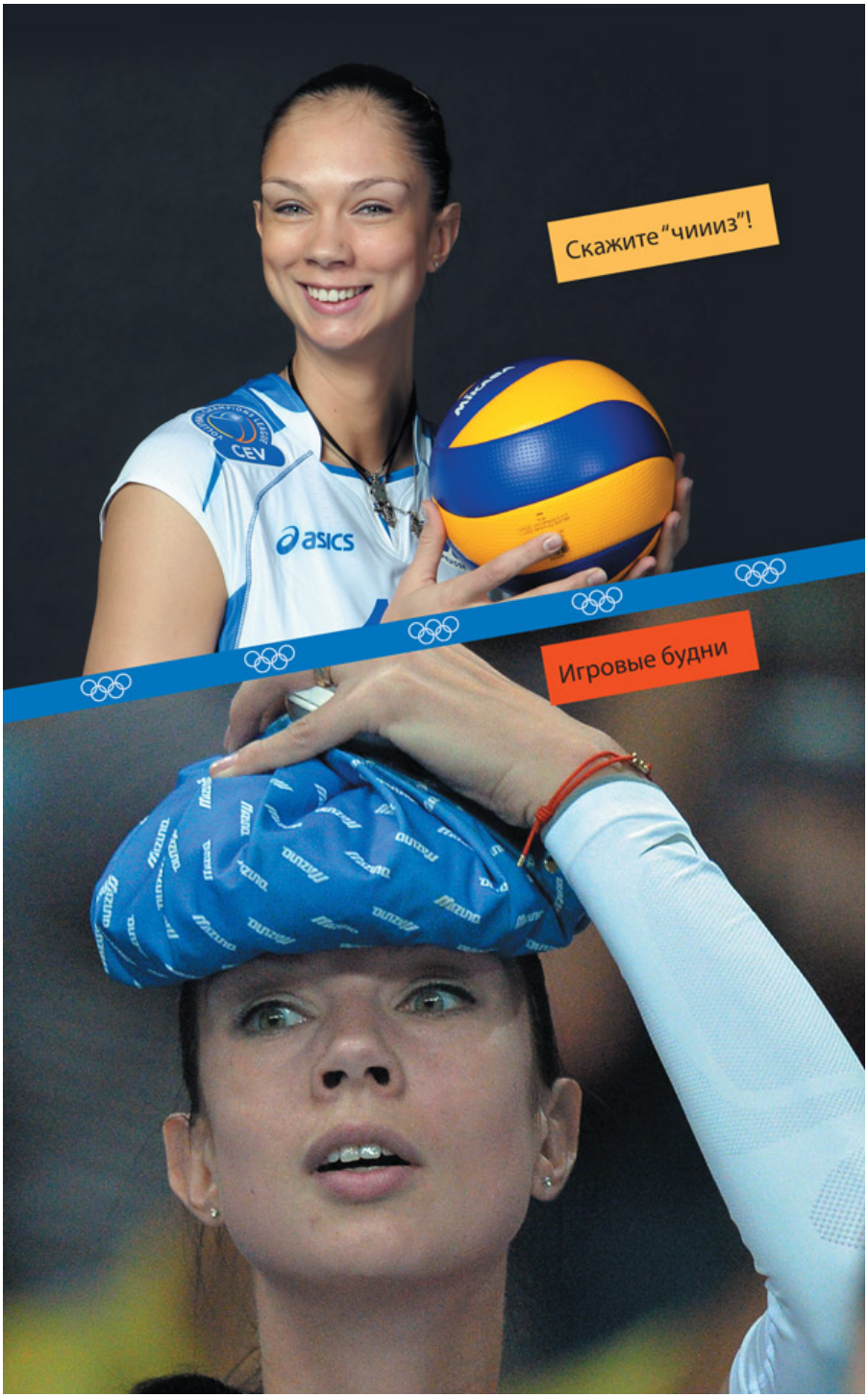
ОИ-2012

Первая Олимпиада,
Сидней-2000

Волейбольное кунг-фу.
Стиль богомола

С Президентом РФ Путиным В.В.
в аэропорту после победы на ЧМ-2006
Бал олимпийцев

Задумались...
Лондон-2012
CEV
CEV
11

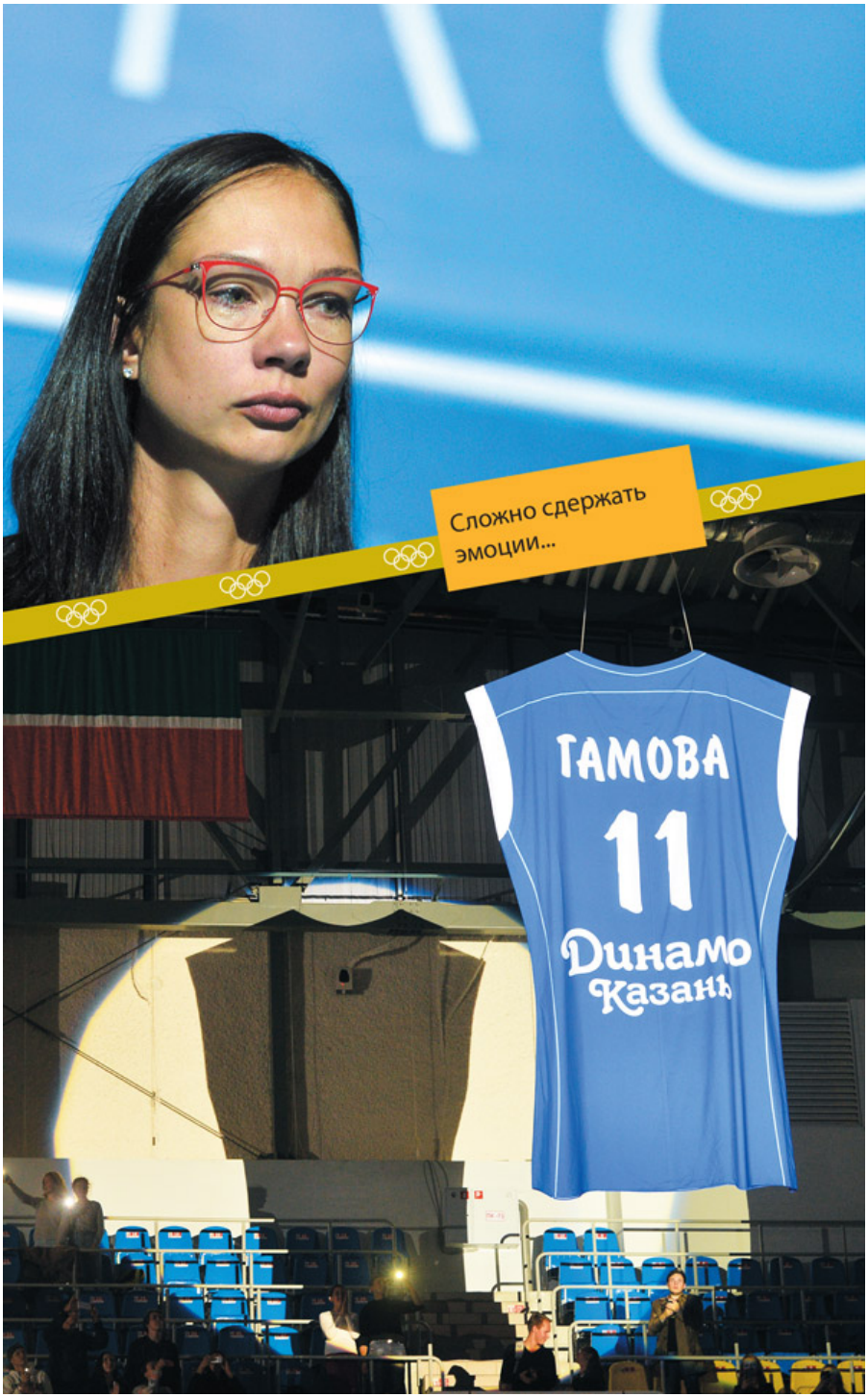

Скажите "чииииз"!
Игровые будни
asics
CEV
mizuno

С руководителем Аппарата Президента Республики Татарстан Сафаровым А.А.
Победа на клубном ЧМ

Это – волейбол!
Букет победителя
чемпионата России

С кубком за победу
в чемпионате России
Победа в Кубке России
в Краснодаре
КРАСНОДАР
КУБОК РОССИИ
2012
1 500 000
РУБЛЕЙ

Ладушки-
ладушки с Ларсон
macron
11
Динамо
Казань
Махеева
Казань, прощальный
матч
TAMOBA
225
Dinamo


Сложно сдержать эмоции...
ТАМОВА
11
Динамо Казань

Два Михаила,
две династии
Супруг – самый
эмоциональный
болельщик